

ПОДВИГ, СОВЕРШЕННЫЙ ВНЕ ПЕРЕДОВОЙ

В последние годы на книжном рынке стало тесновато от произведений литературы мемуарного жанра. Это – как явление, которое представляет одну из отличительных черт нашего времени. В принципе, ничего плохого в этом нет. Подчёркиваю: в принципе! Ибо исхожу из общеизвестного постулата: всё хорошо, когда в меру.

В сфере, о которой идет речь, царствует стихия, а потому ни о каких ограничениях речи быть не может. Потому как главенствует своего рода закон: деньги есть – издавайся. Требование же о непременном условии касательно того, что книжная продукция должна быть качественной, перестало быть первичным. А ведь оно, это требование, предполагает, прежде всего, говоря простым слогом, грамотность. А если деньги есть, а таланта нет, тогда какой выход из положения? Очень простой: за те же деньги нанять человека, пишущего грамотно пусть даже на среднем уровне.

Такой «выход» и привёл к однообразию, стереотипности многих мемуарных сочинений, которые представляют из себя просто очень подробную биографию автора. Штрихом к истории того или иного рода, семьи, книга, безусловно, служить может, но ничего поучительного в ней не найдете. Книга же, которую вы держите в руках, отличается от многих мемуарных самым кардинальным образом. Конечно, в ней тоже есть страницы, касающиеся родословной (без этого и нельзя!), совершается экскурс в прошлое. Но, как мы уже говорили, в меру. Зато как преподнесён «передний край», на который автор был выдвинут жизнью, судьбой! Благодаря глубокой содержательности книга полковника внутренней службы в отставке является не просто жизнеописанием, а своеобразным учебником гражданственности, честности, принципиальности и высоких нравственных начал. В этом убедится каждый, прочтя книгу. Сужу это по себе: читал её ещё в рукописи с упоением.

Достопочтенный аксакал Курмат-ага (он старше меня на несколько лет) не журналист, писательством, тем более, никогда не занимался. А вот ведь сумел на склоне лет создать вполне приличный литературный труд. Значит, всю жизнь носил в себе, как говорится, Божью искру. А такое, согласитесь, дается не каждому. Потому труд его сродни подвигу, Гражданскому Подвигу, совершенному уже вне передовой, на которой он занимал позиции, никогда их не сдавая, не отступая, долгих 40 лет.

Менгали МУСИН,
ветеран войны и труда, Почётный журналист Казахстана.

Лариса ПОЛОМОШНОВА,
начальник пресс-службы ДВД ВКО,
старший лейтенант полиции

ОТ «ЗЕМЛИ» ДО ПОЛКОВНИЧЬИХ ЗВЕЗД

Так устроен мир, кто-то приходит в него, чтобы наследить, а кто-то оставляет глубокий след. Последних, к счастью, больше. Иначе давно бы от крутящегося миллиарды лет шарика во Вселенной не осталось бы даже воспоминаний. Лишь космическая пыль.

К таким глубоким и сильным личностям относится Курмат Рахимович Рахимов – ветеран ОВД, ушедший на заслуженный отдых с должности заместителя начальника УВД Восточно-Казахстанской области по кадровой и воспитательной работе. Общий трудовой стаж полковника в отставке Рахимова равен 52 годам. Из них в органах внутренних дел и внутренних войсках 41 год. Год в Акжарской школе учителем начальной военной подготовки, еще около десяти – на партийной работе (руководящие должности) в Тарбагатайском, Курчумском, Зырянском районах. И сегодня в будущее ветеран смотрит с оптимизмом. По признанию Курмата Рахимовича оптимизму его научила жизнь. Голощековская или малая революция, свершившаяся уже после Октябрьской социалистической, совпала с детскими и отроческими годами Рахимова, чьи родители хоть и считались бедняками, но при этом держали овец, коров, лошадей, работали, не покладая рук, приучая к труду детей. Кто-то из сельчан, не выдержав уравниловки периода коллективизации, бежал в соседние Китай, Россию. Рахимовы остались переживать тяготы на родине, давшей жизнь и кров многим поколениям их рода.

- Слово «оптимизм» мы тогда конечно не знали, но именно в те годы в нас, почти что подранках, закалялись непоколебимость, стойкость, выдержка, - делится воспоминаниями К.Рахимов, раскладывая дорогие сердцу фотоснимки. Среди них нет детских. Фотография в те далекие годы считалась бо-ольшой роскошью. Зато позже, в школе первоначальной военной подготовки в Кунцево, потом в поселке Чиркизово (Москва) в дивизионной школе сержантского состава курсанты фотографировались часто, старясь заказать карточку и для домашних и для любимой. Тема любви для ветерана и по сей день – особая. Это уже после войны встретил он свою единственную и неповторимую Раисю Абдулакызы, подарившую уютный семейный очаг и двух дочерей. А тогда, в 42-ом невысокий, но жилистый и решительный сын Курчума сводил с ума ни одну девчонку. Глаза ветерана из-под очков блеснули озорно, Не трудно представить курсанта Рахимова, но это уже из другого воспоминания...

- Стоял январь 44-ого. Советские войска победоносно несли красное знамя к границе Европы. Великие битвы под Москвой, Сталинградом, Курском доказали несокрушимость духа народа, монолитом вставшего на защиту свободы и независимости своей родины. Литовский город Клайпеда

немцы долго не сдавали, лютуя, открыли шлюзы. Думали ли они о мирных жителях, оставшихся в городе? – задает вопрос нериторического толка Курмат Рахимович. – Среди жителей были родные и близкие солдат Литовской освободительной националистической армии. Той самой, боевые действия которой сегодня активно позиционируют прибалтийские СМИ. – Первая волна была самой сильной. Много наших ребят тогда полегло. – В голосе ветерана, пережившего своих боевых товарищей на целых шесть десятков лет, неподдельная горечь и скорбь. Словно все это было вчера...

...Городок Гертаколе затерялся в лесной полосе. Справа и слева советские фронты. Канонады артиллерийских орудий и мобильных «катюш» иванам да марьям (называли советских солдат фашисты) души греют, а вражеским гансам чудится в той канонаде будущая панихида. Командир разведотделения Рахимов получает задание – взять «языка». В первую ночь к вражескому флангу подошли, когда уже светало. Осмотрелись и вернулись назад. На следующую ночь вместо пяти пошло десять солдат и уже по другой дороге. На старой могла ждать засада. «Языка» взяли, но при возвращении пятеро человек погибли. Вражеские потери составили человек 30. «Язык» оказался начальником штаба Литовского освободительного националистического батальона – фигура не последняя. Погибших литовцев привезли в город для передачи родным. Не трудно представить, что переживали тогда наши ребята, но советский солдат всегда отличался честью и человечностью. За ту операцию Рахимов получил свою первую боевую медаль «За отвагу».

И сегодня нет-нет, а взбудоражат сон фронтовика былые воспоминания... То, приснится протяжное «Ура!» царицы полей – доблестной пехоты, где дожить до второй награды считалось великим счастьем. А то вспомнится Мишка Голованов, друг детства. На старой фотографии они еще вместе. Верили друзья, что война не разлучит их, и заживут они после нее дружно и счастливо. Только сгинул Мишка, видно, где-то в окопах. До сих пор числится уроженец Большенарыма Михаил Голованов в списках без вести пропавших. Эх, Мишка, Мишка...

Просыпается ветеран не от болячек, а больше от думок о прожитом и пережитом.

- Вот ведь какие кардинальные перемены произошли за эти годы в правоохранительных органах?! – удивляется Курмат Рахимович, прищелкивая от удовольствия. – Когда я пришел в областное Управление внутренних дел в 1965 году, с высшим образованием было 120 сотрудников. Через 16 лет специалистов с высшим образованием насчитывалось уже 1400, среднее специальное образование имели 800 милиционеров. Труд защитника правопорядка стимулировался государством. В областном центре для сельской молодежи выделялись общежития, способным к наукам гарантировалось бесплатное обучение в вузах. Сам Курмат Рахимович исторический факультет Казахского Национального университета имени Альфараби окончил будучи секретарем Курчумского райкома партии. На должности второго секретаря райкома партии рекомендовали активного

партийного работника в органы внутренних дел для укрепления кадрового состава.

Как-то, когда Рахимов курировал отдел ОБХСС, произошел случай. В горняцком городке Лениногорске (ныне Риддер) сотрудники отдела ОБХСС достигли высоких показателей в вопросе по возмещению убытков государству. За неполный год в государственную казну поступило 123 тысячи рублей (!) Больше других отличился капитан Овечкин. Начальник УВД генерал Джексенев на имя секретаря обкома Протазанова пишет представление капитана к ордену «Знак почета». Тот – ни в какую: спорить с Протазановым, кто помнит, себе дороже. Но Джексенев, посоветовавшись с Рахимовым, решил позиции не сдавать. Зря, что ли, носят они высокое звание фронтовика? Прошел еще месяц и капитан Овечкин стал первым обладателем высокой государственной награды среди сотрудников органов внутренних дел на Востоке.

- Поймите правильно, мы не были ангелами, но поощрять людей важно, - наставляет Курмат Рахимович. – Настоящий руководитель обязан думать о личном составе и к каждому подходить с учетом индивидуальных особенностей, являя собой колоссальный пример для подражания.

Как выяснилось, пресс-служба департамента внутренних дел была создана благодаря инициативе и терпению Курмата Рахимовича. Ведущей популярной тогда у народа передачи «В эфире 02» была Зиночка Кобышева ныне Макрушина. Курировала программу не менее популярная в журналистских кругах Прозорова. Здесь же шлифовал мастерство оператор Саид Фазылов – ныне директор студии «Реал-Тайм». Сюжеты репортажей, бьющих не в бровь, а в глаз, поражали новизной художественных приемов и глубиной содержания. Такой вот он новатор – полковник в отставке Рахимов.

Есть мечта у Курмата Рахимовича – написать книгу, в которой нашли бы отражение самые яркие и памятные даты, не только в его биографии, но в биографии всей страны. Какой? Его! Сначала такой страной было маленькое село с веселой и громкой рекой, горами и прозрачно-звонким воздухом от ягод и грибов. Позже та страна заметно расширила свои границы, вместив в свои просторы белорусские пуши, прибалтийские дюны, после войны раскинулась она до туркменских песчаных барханов и Курильских островов – там, на страже государственной границы стоял бравый и стойкий рядовой Рахимов. Но поманила паренька родина. В ее объятия он вернулся возмужавшим, с грудью, полной орденов и медалей, чтобы сменить форму пограничника на китель милиционера. Свою еще ненаписанную книгу Курмат Рахимов назвал бы просто «Родился в Курчуме». В ней ветеран написал бы о... О многом. О чем, возможно, все эти годы молчало сердце...

Этот материал написан мною за год до того, когда Курмат Рахимович принес для прочтения рукопись уже написанной книги. В марте книга была еще в работе. Курмат Рахимович делился своими соображениями по поводу будущего названия, размещения фотографий, в том числе, из Интернета, рецензии и корректуры. Он попросил меня продумать «переходные

мостики» к главам. Я вежливо отказалась, так как не хотелось подводить ветерана из-за дефицита времени – особой приметы нашего времени. Помню, на это Курмат-ага заулыбался, мол, и раньше времени было не больше, но находили и на учебу, и на семью и подвиги совершать успевали... Вот поэтому сообщение о том, что книга уже готова, в июле я встретила как полную неожиданность.

Все никак не могла собраться начать читать. Пугал объем, а времени как всегда, в обрез. Однажды решилась. А потом не могла оторваться. Увлекло. Простота и чистота стиля лишь подтверждали: полковник в отставке Рахимов имеет право на литературное изложение собственных мыслей.

Я не буду подробно останавливаться на главах. Пусть это сделает читатель самостоятельно. Я только хочу заметить, что больше всего меня взволновала та часть книги, где говорится о работе Рахимова в органах внутренних дел. Во-первых, сегодня и я работаю в этой системе. И многое из того, о чем размышляет автор, мне близко и понятно. Например, вопрос самодисциплины и чувство высокой ответственности и перед собой и перед коллективом. Так, работа в периодическом издании – труд в большей степени индивидуальный. Командировка или встреча, написание материала, подпись у редактора или курирующего лица. Даже фотоматериал, пусть и среднего качества, сегодня можно сделать самому. Дальше, ты как автор становишься бестелесным. Когда ставить, за тебя решает шеф-редактор, как ставить – ответственный секретарь. Оценку труду дает читатель, шеф-редактор либо редколлегия.

В ОВД все иначе. Следователь в состоянии индивидуально отработать ту или иную версию, оперативный сотрудник, проявив самостоятельные наработки, предложить план захвата преступной группы, поимки подозреваемого, участковый – отработать район, жилой дом, отдельную семью. Но в любом случае каждый из них помнит, что от непродуманности того или иного шага, не принятого своевременно решения зависит не просто репутация (в случае с ошибкой в газетном материале или искажением факта в видеосюжете), а судьба человека, жизни многих, в том числе, самого полицейского, его родных и близких.

Мне небезынтересно было узнать, как в то время решались социальные вопросы, к примеру, обеспечения иногородних сотрудников, молодых семей жильем, строительство общежитий, вопрос трудоустройства, учебы на курсах и вузах, стажировка, качество медицинского обслуживания и другое. Более двух десятков лет прошло с тех пор, когда Курмат Рахимович ушел на заслуженный отдых, но проблемы сегодня все те же. Очереди в поликлинике и все тот же дефицит койко-мест в госпитале, отсутствие доступного жилья для молодежи, нет своего детского сада и яслей, зоны отдыха для школьников, а цена на путевку в пансионате «Чайка» на Бухтарминском водохранилище серьезно бьет по семейному бюджету. Значит, есть еще над чем работать кадровому аппарату и Министерства и департамента.

Но рациональное зерно, вынесенное лично мной из прочтенного и прочувствованного автором, в том, насколько поколение наших дедов и

отцов были бессеребренниками. Нам и тем, кто идет после нас, еще предстоит научиться святому отношению... Не к родному языку, культуре и государственной символике, а к большой и малой родине, трудовому народу и умению переступить через себя во имя общей цели. Если бы сегодня мы все это умели, не стояли бы остро в обществе проблемы, так активно мультиплицирующиеся и так неэффективно пока решаемые, такие как дороговизна образования, недоступность медобслуживания, невозможность приобрести собственное жилье или получить муниципальное, коррумпированность всех уровней, в том числе, вызывающе шокирующая – в высших эшелонах власти, недоверие народа к армии и правоохранительным органам, разнузданность и продажность идеологического сектора – средств массовой информации.

Мне понравилось, что в своих мемуарах автор не кривит душой и не лукавит. Он честен перед читателем в оценке собственных поступков и мыслей. Как на исповеди. Наверное, так стало надо. Наверное, это чувство знакомо многим, кто переступил определенную возрастную черту. Но не каждый может признаться во всеуслышание в собственных слабостях, и даже себе может признаться не каждый. Для этого нужно «созреть». Мне понятно желание Курмата Рахимовича вспомнить всех, с кем свела судьба в те или иные периоды жизни, с кем приходилось спорить и доказывать свою правоту, а с кем спора не получалось, потому что силы (социальный статус) были не равны. Чего греха таить, в этой жизни проще петь хором и подпевать, чем найти в себе силы спеть собственную песню и не сфальшивить. В общем хоре фальши не услышат.

Я бы рекомендовала эту книгу в учебные заведения МВД, школы, колледжи, библиотеки и кадровые управления горрайорганов. В ОВД существует понятие «работать на земле», значит, работать в сельском районе или городской глубинке. Кто на земле не работал, тот службы не знает, считается у нас. Автор прошел свой путь от самой «земли» до высоких полковничьих звезд.

Добрые люди добрыми рождаются

Выражаю глубокую благодарность руководству и лично начальнику ДВД ВКО генералу Джалмуханбетову Арману Кенесовичу, руководителю пресс-службы Поломошной Ларисе Борисовне и Президиуму областного Совета ветеранов ДВД и Восточного соединения внутренних войск за оказанную помощь в издании книги.

Автор

Вступление

Через год мне исполнится 85 лет, если доживу до 9 октября 2009 года. Что я оставлю потомкам нашим? Богатства у меня нет, не нажил. Трудов научных, открытий – тоже не создал. Поэтому решил оставить какой-то след о своей принадлежности к казахским родам, племенам, и описать свой путь, пройденный за сорок лет службы в войсках и органах бывшего Советского Союза.

Возможно, кому-то и интересно будет, если я приведу некоторые сведения о разных регионах, их географических, климатических, транспортных и других особенностях, которые могут повлиять на жизнедеятельность человека.

Я знал Москву и Подмоскovie военных лет, с 1942 по 1944 годы. Прошел с боями от города Невеля до Кенигсберга, через всю территорию Белоруссии, Литвы и Восточной Пруссии. После войны проходил службу в пограничных войсках, дислоцировавшихся в Туркмении, Казахстане, на полуострове Камчатка и Курильских островах.

Мне пришлось походить по песчаным барханам в сорокаградусную жару, что не менее опасно, чем в шторма на морях и океанах на Востоке. Зимовать рядом с действующими вулканами, периодически осыпающими пеплом, и напоминающими о себе шумом и грохотом в любое время суток. Ходить по горным хребтам, держась за канаты, при скорости ветра 30-40 метров в секунду, чтобы преодолеть опасные участки пути. Особенно это характерно для Курильских островов. Ощущать подземные толчки по несколько раз в сутки, а иногда, когда толчки особо сильные, выбегать из дома. Население этого края, называемого Крайним Севером, привычно ко всем подобным сюрпризам, или, скорее, капризам природы.

Я никогда не рассказывал своим детям и близким, как проходила моя молодость, детство, в труднейшие годы для всего казахстанского, казахского народа, и, конкретно, для наших сородичей и соплеменников в тридцатые годы теперь уже прошлого века. Никогда не рассказывал о своей службе на границе, потому что все данные, сведения, считались секретными. Прошли годы, все эти данные, формы и методы работы, их результаты устарели. Сейчас они не актуальны, поэтому некоторые данные решил раскрыть.

Будучи на службе на Крайнем Севере, на Камчатке и Курильских островах, встречал экзотические, интересные вещи: животных, растительность, чудесные водопады и озера высоко над уровнем моря. Стал очевидцем неслыханных стихийных бедствий, таких как разрушительное землетрясение и цунами, унесшее за мгновение целый город вместе с населением в Тихий океан. Близко видел (и кое-что изучал) редчайших в мире животных: китов, сивучей, нерп, морских выдр и других.

А что стоит проехать поездом от нас до Владивостока по Сибири, берегам Байкала и Баргузина, Шилки, через множество тоннелей и далее по морям и океану до Крайнего Севера. Когда испытывали в чем-то дефицит, говорили: «Сейчас этого не достать...». Так и сейчас этого пути для нас нет,

«не достать». Во-первых, это другое государство, во-вторых, это очень дорого, редко кому удастся. Поэтому и пишу обо всех тех событиях, людях, интересных случаях в моей жизни.

В казахских аулах была такая категория людей, которых называли «көпті көрген», дословно – человек, познавший мир, «много видел», много знал. Это о тех людях того времени, которые были участниками важных событий или побывали в других краях, областях, там, куда попасть могли не все. Такие люди пользовались большим уважением, их с интересом слушали аулчане, специально приглашали в гости и собирались вместе, чтобы послушать. Таким современным «көпті көргенем» в нашем районе оказался я. Поэтому ряд моих старых друзей, земляки, предложили мне написать эту книгу. Написал, как мог, на большой круг читателей не претендую.

Автор.

Родился в Курчуме

Мила нам добра весть о нашей стороне.
Отечества и дым нам сладок и приятен.
Г.Р. Державин

Светлая река Курчум – река моего детства. Сколько воспоминаний связано с этой рекой, приятных и горьких, незабываемых и забытых. В светлой и холодной воде Курчума купались до посинения. Ловили рыбу самыми примитивными снастями: крючками из гнутой иголки, петлями из конского волоса – это на щук и налимов. Летом и осенью шпарили по тугайным тропам босиком. Сколько на этих тропах было «вредных» колючек шиповника и боярки, которые много раз пронзали наши голые пятки, аж, бывало, присядешь от боли. Потом колючку вытащишь, посыплешь ранку родной землицей и идешь дальше, уже прихрамывая. Не для удовольствия ходили босиком-то, от бедности, от нищеты. Не было у нас ни обуви, ни одежды, даже зимой. Такое было наше детство, детство рожденных в тридцатых годах.

После голощекинской революции, называемой «малый октябрь в Казахстане», обобравшей все и вся, что являлось единственным средством существования у населения, начался сплошной голод, бедствие, болезни, от чего погибла почти половина населения Отейской волости. В поисках куска хлеба или горсти пшеничного, ячменного или даже овсяного зерна разбрелись кто-куда, в том числе в Китай, Монголию, в Россию. Наша семья тоже сполна переживала то, что досталось нашим сородичам. Дети умирали раньше родителей, а бывало, что родители с голода умирали, отдавая все детям, оставляя их осиротевшими. Эта революция и советская власть перевернула все устои кочевого населения, лишив их привычного образа жизни, устоявшегося веками. У скотоводов отняли небогатое поголовье, оставшееся у них на руках после обобществления. То, что кочевник имел 2-3 десятка мелкого, 5-6 голов крупного скота – это было для них не богатство, а прожиточный минимум, как мы сейчас выражаемся. А его отбирали, чтобы принудить вступать в колхозы. Аул наш располагался по обоим берегам Курчума, в его среднем течении от современного поселка Бурабай, и вниз по течению, до Топтерека. Здесь пахотные и пастбищные угодья, сенокосные участки. По левому берегу, в основном, зимние пастбища для тех, кто занимается овцеводством и коневодством.

Все население принадлежало племени Отей. Это одно из крупных племен в составе племенного объединения Найманов. К племени Отей принадлежит известный батыр, полководец Барак Чурекулы. Он отличался физической силой, смелостью и отвагой, пятьдесят лет в седле вместе с Кабанбаем и Богенбаем воевал, освобождая нашу территорию от джунгарских завоевателей. Хан Аблай, высоко оценив заслуги батыра Барака, подарил ему, его соплеменникам и потомкам участок земли в среднем течении Курчума. Есть такая легенда.

Осиротевшего мальчика взялся воспитывать дальний родственник его родителей, погибших от рук джунгаров. Внимательная хозяйка заметила, что иногда над спящим мальчиком бывает видно синее пламя. А на спине, от шеи к пояснице, росли волосы (грива). Отчего потом его называли Көкжал Барак. Миру стало известно выражение: «Көкжарлыдан келіпші Көкжал Барак» (из Кокжарлы прибыл гривастый Барак). Барак – наш пращур, его потомки населяют ту же территорию, что и 300 лет назад. В горной части этой территории есть поселок Чердоjak. Это искаженно написанное слово Шірік аяқ (гниющая нога). Согласно легенде, войска Барака, преследуя джунгаров в районе урочища Киякты, на берегу реки Жинишке, из лука ранили джунгарского воина. Металлический наконечник глубоко вонзился в его ягодицу, повредив кости. Джунгары бежали, оставив раненного на поле боя. Раненный никого не подпускал к себе из местного населения и там же погиб от наступившей гангрены. Поэтому кочевники отейского племени называли эту местность Чирикаяк.

Позднее, в тридцатых годах 20-го века геологи, проводившие поисковые работы месторождений олова, которое очень нужно было Советскому Союзу, нашли его здесь. И в документах, докладах написали «месторождение Чердоjak». Перед войной в 1939 году на этом месте обосновали поселок горняков, добывающих олово, и назвали его, как было написано у геологов – поселок Чердоjak.

Родословная

Племенное объединение Найманов входит в Средний Жуз. Расселены они на территории Восточно-Казахстанской, Павлодарской областей. В исторических документах и легендах есть такое выражение «Тоғыз найман» (девять найманов), то есть объединение девяти крупных племен. И одно из девяти – наш Отей. На схеме, разработанной кандидатом экономических наук, Героем Социалистического Труда, демографом, аксакалом Бошаем Китапбаевым это выглядит так (упрощенно).

Отец Ыдырыш Бекбайулы женился на младшей дочери волостного правителя племени Ак Найман, населяющего левобережную низменность в нижнем течении Курчума, вплоть до берегов Иртыша и озера Зайсан. По рассказам, мой дед по матери отличался недюжинной силой и огромным ростом, на всех спортивных праздниках не было ему равных по казахской борьбе, поэтому к его имени – Итемген добавили «балуан» (борец или побеждающий в борьбе) и стал он известен как Итемген балуан. Моя мама родила десятерых детей, живыми остались только четверо: две сестры, Нагима и Закия и два брата – мы с Жуматом.

Родители рассказывали, что я родился в урочище Ку-шоқы, во второй день праздника Курбан айт. В связи с этим мне дали имя Курманбек, ласкательно – Курматай, со временем, с моим участием, сократили до Курмата. Моя супруга Раиса Абдулловна просила моего согласия, чтобы называть меня Курмет. Таким образом, одни из моих друзей зовут меня

Курмет, другие – Курмат, так, как в моих документах.

Как я уже упоминал, у моих родителей, кроме нас с Жуматом, было две дочери. Старшую звали Нагима, вторую, младше на два года, Закия. Нагима-апай вырастила двух дочерей, старшую, Батиму и младшую, Кульмхан (Кулькен). У старшей дочери, Батимы, один сын и две дочери. Мурат – юрист, полковник, работает в МВД Казахстана, старшая дочь его, Наташа, с отличием окончила Московский технологический институт легкой промышленности, инженер-технолог, у нее с Жасаном – два сына. У младшей его дочери – Ляйли – тоже двое детей, сын и дочь. Кульмхан, вторая дочь Нагимы-апай, педагог, учитель высшей категории, у нее дочь и две внучки.

У Закии-апай – сын Толеген, 1947 года рождения, у него два сына: Серик и Берик, есть уже и внуки.

У моего братишки Жумата было шестеро детей, три сына и три дочери. Сейчас остались три дочери: Жазира, Мария и Майра. Жазира самая старшая, у нее сын Ринат с тремя внуками и дочь Сандугаш с внуком и внучкой. У Марии и Майры – все дочери.

У двоюродного братишки – Киалова Советхана, все мы звали его просто Абок (ласкательно), два сына (указаны на схеме) и шестеро дочерей. Сам дядя Киал не вернулся с фронта, его жена, добрая Нуржамал-тате, перенесла всю тяжесть войны, как труженик тыла военного времени, работая в колхозе, вырастила четверых детей.

В 1929 году в нашем ауле создали колхоз и назвали его «Кызыл-тас колхозы» (колхоз Кызыл-тас). Мои родители вступили в колхоз, весь свой скот отдали (обобществили) хозяйству. Это был не колхоз, а «маята одна» – по деду Щюкарю. Работают все от зори до темноты, а заработка – никакого. Ни денег на трудодни, ни продуктов. Из колхоза люди стали разбегаться куда-куда, потому что детей кормить было нечем. Начался голод. Мой отец собрался переехать в город Зыряновск, работать на рудниках. Но, не доехав до города, отец заболел и умер в деревне Орловка, в 15 километрах от Зыряновска. Наступило жестокое время для нашей семьи. Мать решила возвращаться к себе в аул, где еще работал в колхозе родной брат отца Бекбаев Киал (Кожаберген), мастер на все руки, он обеспечивал все хозяйство: изготавливал, ремонтировал инвентарь, он и плотник, и столяр, и еще с десятков специальностей мог выполнять. Поэтому колхоз его поддерживал продуктами. К нему нас и привела бедная наша мама. У дяди своих трое детей, но как бы им трудно не было, он нам ни в чем не отказывал – кормил и поил, как своих детей. Но продолжаться так дальше было невозможно, поэтому мать решила нас раскидать по родным, на прокорм, чтобы спасти нас от голодной смерти, и я попал к родному дяде по матери, его звали Муслим Итенгенулы. Работал он рыбаком зайсанского рыбтреста, жил в поселке Туяк Тарбагатайского района. Там я поступил в первый класс русской начальной школы. Через два года, когда я окончил второй класс, за мной пришел дальний родственник третьего колена (уш ата), дядя Рахым.

Я помню, что он прожил с женой 15 лет, детей не было, по этой

причине они разошлись. Он, оказывается, предложил нашей матери сойтись и вместе вырастить раскиданных детей, то есть, меня, моего братишку и сестер. Вот он и пришел пешком, пройдя более ста километров, в том числе около 20 километров по хрупкому весеннему льду озера Зайсан. За прошедшие два года я так истосковался по матери, братишке, по родне и родному Курчуму, что сразу согласился идти с дядей на родину. Мы вернулись в свой родной аул, в тот колхоз Кызыл-тас, где дядя работал. Он был одним из основателей колхоза. Вместе с кузнецом Бижаном, плотником Киалом (мой дядя), Отеубай, Акам, Есказы, Сабек, Ахмадиевым Кыймади – председателем и Тлеулиновым Ермеком – счетоводом колхоза – все они, добрые аксакалы, выдержали все тяготы, укрепили колхоз. Кстати, сын Сабек-ага, Асылбек Сабеков выучился, окончил институт сельского хозяйства, стал крупным руководителем этой отрасли. Много лет работал первым секретарем Зайсанского райкома партии. Асылбека Сабековича я до сих пор называю только по имени, просто Асылбек, хотя ему уже за семьдесят. Потому, что он родился в нашем ауле, в 1936 году, когда мне шел уже двенадцатый год. Мы, аульные дети, таскали его, когда у кого-нибудь из нас было свободное время, помогая его старшей сестре Куляш, которая нянчила Асылбека. В те годы многие ребята из нашего аула, окончив ШКМ (школа крестьянской молодежи), уехали учиться в институты и техникумы. Одним из активистов среди молодежи в то время был Макен Жамбосынов, впоследствии он работал директором Актубской средней школы, преобразованной из ШКМ. Смат Нурмухамбетов, окончивший финансовый техникум, тоже вернулся в Курчум, работал в финансовых органах, затем в партийно-советских и хозяйственных органах. Добрейший человек, я всегда видел его улыбающимся. Вместе со Сматом уходил старший сын Сабек-ага, но его судьбу я не помню.

Тот наш аул Кызыл-тас впоследствии исчез в связи с объединением колхозов, затем реорганизации их в совхозы, все население переехало в Теректы-булак, выше по течению Курчума на 5-6 километров. Позднее, в шестидесятых годах, проезжая этот участок, я всегда делал остановку у скалы «Кызыл-тас», название которой в свое время было присвоено нашему колхозу. Вдоль реки Теректы стояли остатки домов уважаемых аксакалов: Отеубая, Байкадама, Омара, Нурмухамбетовых, Сабека, Бексолтана и других. Они мне напоминали мое детство, радостное, когда были живы родители, не было колхозов и «малой революции». И горькое – голодные годы, сиротство, бедность, жестокость после голощекинских «малого октября».

У меня не было времени на то, чтобы походить по родным берегам Курчума и Теректы, где купались до потери пульса, много раз болели от переохлаждения. Всегда торопили дела. Я же в эти годы работал секретарем Курчумского районного комитета партии.

Прошли весна и лето, настал сентябрь, начало учебного года. Дядя, теперь мой отчим, привел меня в школу и обратился к учителю: «Менің балам (мой сын) окончил 2 класса на русском языке, в какой вы будете принимать?». Учитель ответил, что «пусть пока идет в третий класс» и

записал в журнале – «Рахимов Курмат, 3 класс». И эта запись учителя на всю жизнь закрепила за мной фамилию – Рахимов. Позже дядя, или уже отчим, нас с братом усыновил.

Отчим был добрым человеком, он никогда на нас не злился, не ругал, даже когда что-то не так сделаем, учил тому, что знал и умел делать сам. Он умел плотничать, изготавливать из дерева чашки, ложки, лопаты, сани и прочую утварь, тачать сапоги. Пусть земля ему будет пухом. Мы тоже относились к нему как к родному отцу до конца его жизни. С середины учебного года мне предложили перевестись в четвертый класс, так я за один год окончил два класса. А дальше учеба пошла легче, по русскому языку у меня всегда были пятерки.

Единственная в Курчумском районе средняя школа с обучением на казахском языке в ауле Актубек. Так она и называлась – Актубекская средняя школа. Она была основана в тридцатых годах как семилетняя смешанная школа, сокращенно называлась ШКМ, что означало – школа крестьянской молодежи.

В 1939 году недалеко от нашего аула открылся рудник Чердоjak. С открытием рудника правительство разрешило брать на работу людей с окрестных колхозов, чего раньше не позволяли. И наша семья переехала в рабочий поселок, где отчим устроился на работу.

Года шли, зимой учеба, летом устраивались работать на руднике, образованном на нашей земле – Чердоjаке. Иногда «бакырили» - намывали олово лотками и сдавали за боны (золотые). На эти боны все можно было купить в специальных магазинах, называемых в народе «золотоскупка». Олово-концентрат принимали по 5,6 бонов за килограмм. Один бон равнялся 10 рублям, это были большие деньги. Горнорабочие зарабатывали 150-200 рублей. «Бакырша» - частник, если намочит 2-3 килограмма олова – это 15-17 бонов или 150-170 рублей. В магазинах-«золотоскупках» особое снабжение, в войну карточную систему в «золотоскупках» не вводили. Там было все: мука любого сорта, масло, колбаса, кондитерские изделия, одежда, обувь – все поступало централизованно. Тем, кто работал на добыче олова и зарабатывал боны, стало лучше жить. Жизнь стала веселей. Стали отмечать праздники, проводить свадьбы, ходить друг к другу в гости. В клубах демонстрировали кинофильмы, приезжали концертные бригады. Все стало налаживаться. В селе Баты построили мощную, по тому времени, электростанцию, которая обеспечивала электроэнергией все рудники в том регионе. Несколько позже открыли рудники: Ленинск, Сай-асу, прииски Бурабай, Жанбай и другие. Все эти горнорудные предприятия получали централизованное снабжение и промышленными и продовольственными товарами. Старожилы рассказывали, что эти предприятия спасли от голода все население района в военные годы.

Начальником рудоуправления, организованного из вышесказанных предприятий, был горный инженер Колотилев (имени не помню), его первым заместителем и главным геологом был инженер-геолог Битанов Жасай, оба они крупные организаторы и добрейшие люди. Всегда заботились о народе:

добились открытия больницы, построили среднюю школу, клуб, столовую и много других объектов культурно-бытового назначения. Чердоjak стал поселком городского типа. Появились двухэтажные дома, освещение улиц, много торговых точек на разных участках поселка.

22 июня 1941 года мы, молодые старатели, рано утром ушли в урочище Жинишке, на прибрежных поймах были старые шурфы (ямы), в свое время сделанные изыскателями (геологами). А теперь мы «паслись» в этих шурфах, доставая песок с россыпями олова. Так увлеклись, что незаметно прошел день, а мы еще не обедали. Нас четверо, посоветовавшись, решили заночевать. 23 июня возвращались рановато, довольные своей добычей, намереваясь хорошо отдохнуть. Но в поселке была почти паника, передали по радио, что началась война. Разговоры, рассуждения, переживания, слезы, в общем, кто как реагировал на это событие. Сильно переживали люди старшего поколения, прошедшие революцию и гражданскую войну, Хасанскую и Финскую компании. Конечно, они знали, что скоро начнутся призывы, мобилизация и прочие, не особо приятные мероприятия. Ждать долго не пришлось – через две недели начали отправлять в армию партиями или командами по 15-20 человек. Провожали семейных. Сколько было слез, проклятий в адрес немецких оккупантов. Но отправки продолжались. Оставляли от призыва, по брони самых необходимых специалистов: горных мастеров, взрывников, геологов и других. Ушедших на фронт заменяли молодежь и женщины.

Ушел мой родной дядя по матери, у которого я жил два года, он не вернулся, погиб на фронте. Ушли в те дни на фронт четверо братьев Галиевых: Мукаш, Мукан, Мухаметрахим и Абдрахман, мои дяди по линии отца, а вернулся из них только один – Мукаш, самый старший, весь израненный и награжденный многими орденами. По возвращении он продолжал работать на руднике Чердоjak до тех пор, пока этот рудник не законсервировали.

Ушел на фронт родной дядя, родной брат моего отца, Бекбаев Кожаберген, по прозвищу Киал. Его в детстве, за его резкий характер, прозвали Киал (по-казахски – капризный, строптивый), так он в официальных документах и остался – Киал. Он – мой добрый дядя, это у него мы какое-то время ютились, оставшись без отца. Он тоже не вернулся, его потомки указаны на схеме родословной Найман.

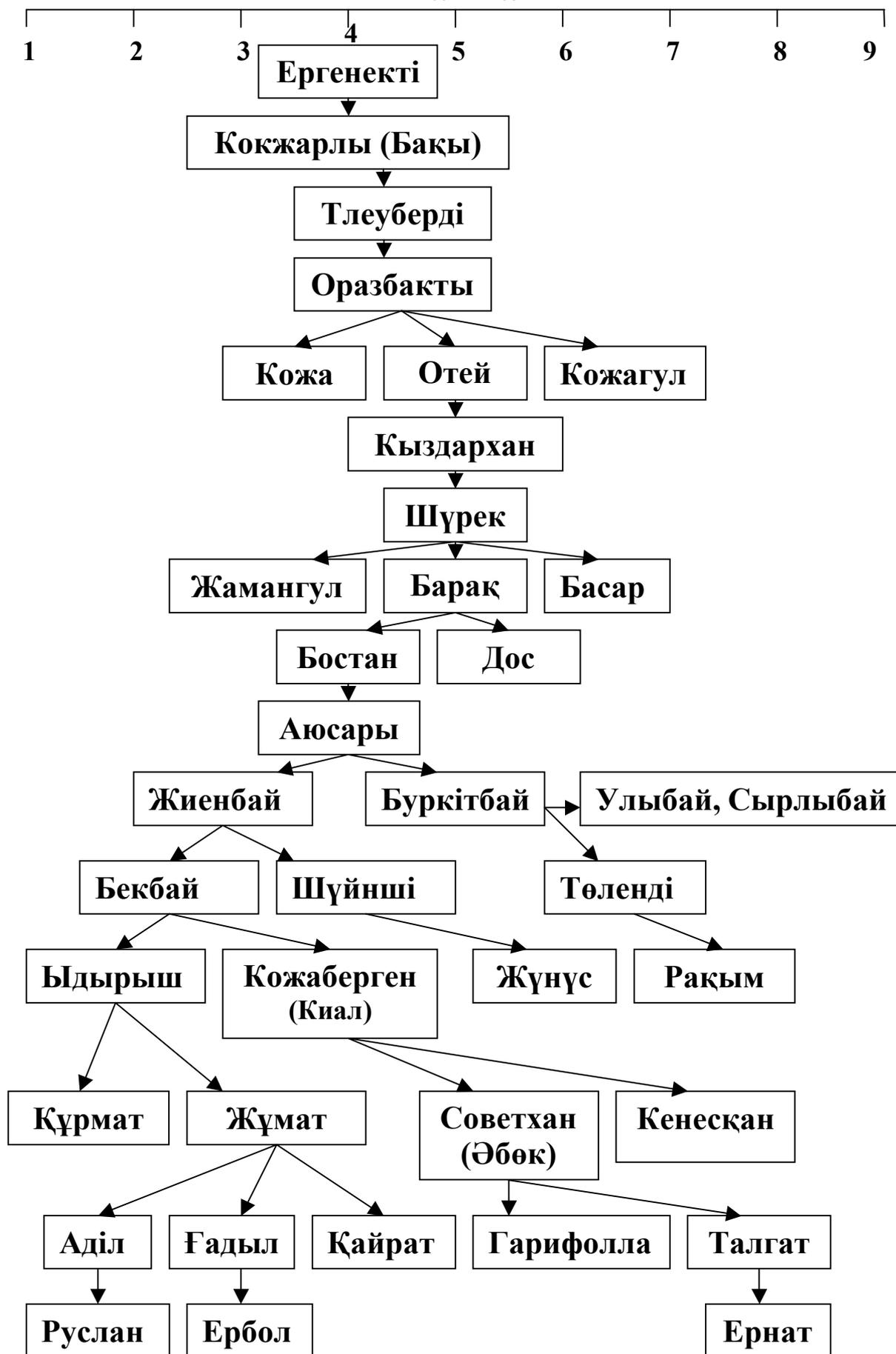
В связи со строительством Бухтарминской ГЭС село Баты (пристань), где стояла электростанция Чердоjakского рудника, попало в зону затопления. Лишенный электроснабжения рудник был законсервирован на срок до пуска Бухтарминской ГЭС. Чтобы людей, проживающих в поселке, занять работой, организовали совхоз. В поселок Чердоjak, где достаточно было жилых и производственных помещений, перевели центральную усадьбу совхоза. Почти все бывшие работники рудника, пожелавшие остаться в Чердоjаке, устроились работать в совхозе, в том числе и мой дядя Мукаш-ага.

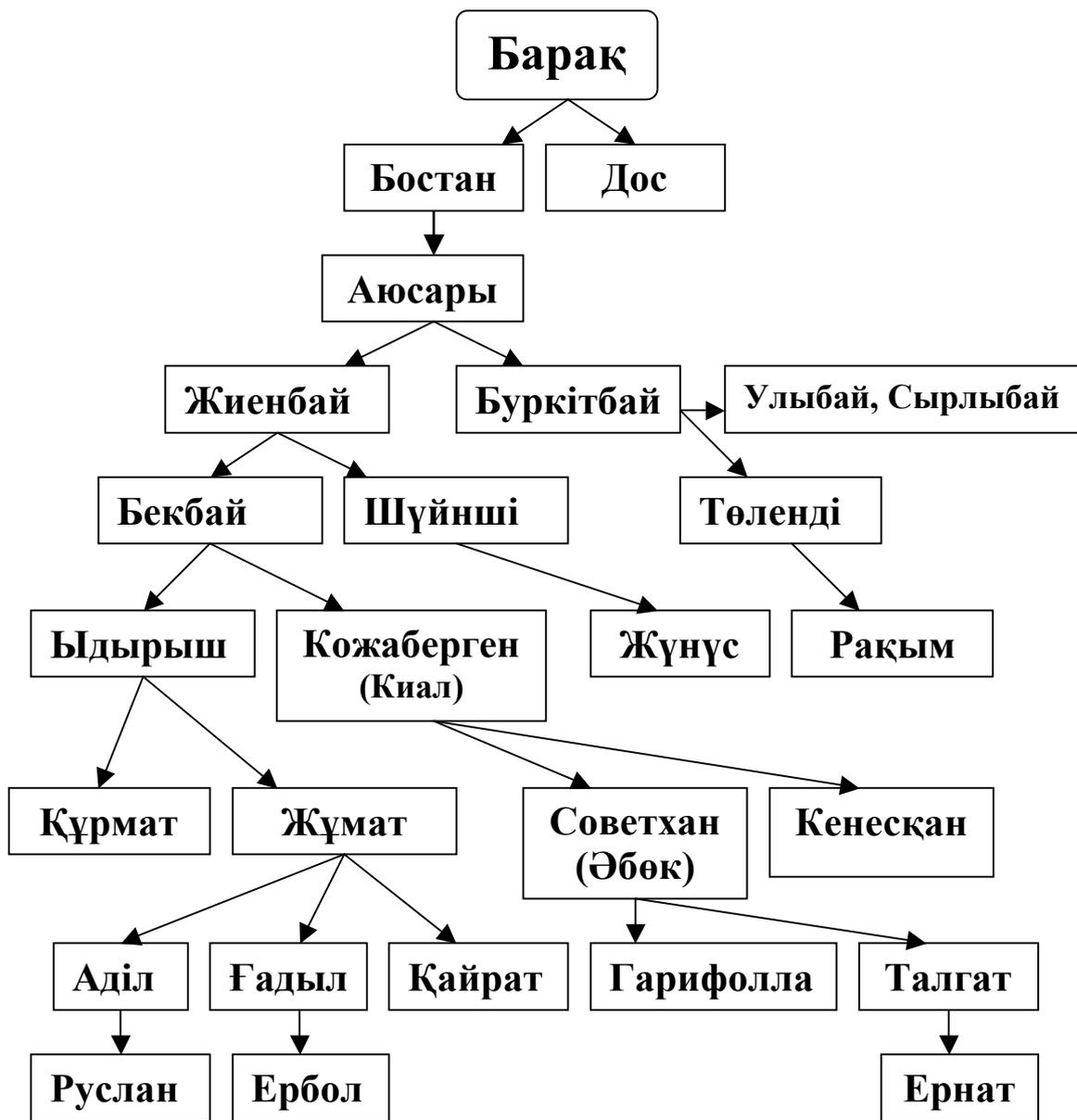
Пришло время и нас, подростков 1924 года рождения, вызвали в райвоенкомат на приписку. Поехали вчетвером: Казбек, Кабыкен, Михаил

Голованов и я. Прошли комиссию, все годны к службе. Предупредили нас, что выезжать никуда нельзя, кроме как на учебу.

Через месяц на собранные бонусы, их у меня оказалось 30, купил первый в моей жизни настоящий молодежный костюм, туфли, рубашек и поехал доучиваться на последнем курсе педучилища. После его окончания ни одного дня работать в школе не пришлось. 2 августа 1942 года был призван в армию.

Найман

На Советско-Иранской границе

Туркмения

(одно событие 60-летней давности)

Государственная комиссия по распределению, по настоятельной моей просьбе, определила мне дальнейшее место службы - на Советско-Иранской границе, точнее, как тогда называли, в Туркменском пограничном округе. Части этого округа охраняли государственную границу от побережья Каспийского моря до границы современного Таджикистана.

Оперативная обстановка на Советско-Иранской границе была очень сложной. Во-первых, продолжалось послевоенное мироустройство. Многие бывшие колониальные государства, такие как Индия, Пакистан, ряд африканских стран добились независимости. Но продолжали поддерживать старые связи с метрополиями. В ряде центрально-азиатских стран находились еще военные базы Англии, Америки; сохранилась сеть резидентуры, созданная в этих странах фашистской Германией. Шла гражданская война в Китае, Синь-цзянь отделился от Китая и создал Восточно-Туркестанскую республику (ВТР), которая воссоединилась с КНР после победы Китайской Красной армии в 1949 году. Во-вторых, в самом Иране активизировала свою деятельность «Народная партия Ирана», которая выступала за упразднение шахской власти, и которая добилась этого почти через тридцать лет под руководством Аятоллы Хомейни. Активных членов этой партии иранские власти преследовали, поэтому, в поисках убежища, они в массовом порядке переходили на нашу территорию, где – открыто, а где – нелегально. На территории одной только части, отдельной Гауданской погранкомендатуры, которая охраняла участок границы протяженностью около 200 километров, ежедневно задерживали по 3-5 человек. Буквально, не успевали составлять первичные документы для передачи территориальным органам МГБ. Прикрываясь названием «Народной партии», проходили и контрабандисты, агентура иностранных разведок, и другие преступные элементы, которые искали какую-то выгоду.

Итак, первой остановкой на моём пути был Туркменистан. Недалеко от города Ашхабад военный городок в поселке Багир - первая отдельная Гауданская погранкомендатура. Лейтенант Рахимов К.Р. назначен помощником начальника разведки этой части. Моим непосредственным начальником был майор Нуруллин, вот имени не помню, тогда как-то не называли по имени и отчеству. Человек он добрый, сердечный, многоопытный разведчик. Живую работу начал я под его руководством. Он мне все объяснял иногда на русском, иногда на татарском языке. Но на любом языке сказанное им всегда было понятным.

Послевоенные годы, работа транспорта еще не отлажена. Графики движения поездов нарушаются. Пассажиров много, большие очереди за билетами. Из города Камене́ц-Подольск, где я окончил военное училище, пришлось добираться до Москвы (через Проскуров, Киев) трое суток. Доставались только багажные полки. Сто и более человек в пассажирском вагоне. Из Москвы до Новосибирска, оттуда пересадка на станцию Защита, далее парходом «Мичурин» - до Славянки, чтобы заехать к родителям в поселок Ленинск. Обратный путь – причал Камышенка, до города Семипалатинска парходом, пересадка на поезд Новосибирск – Ташкент. Офицерский вагон №6, плацкартный. В Ташкенте пересадка на поезд Москва-Ашхабад. И так на дорогу только до города Ашхабада потрачено 23 дня.

В коллективе отдела два татарина, один русский – Шаповалов, один армянин – старший лейтенант Дадашиян, два казаха – Жумагалиев из Гурьевской области и я, Рахимов – из Восточно-Казахстанской. Два татарина – начальник отдела майор Нуруллин и лейтенант Гафиатуллин. Где вы сейчас, друзья-однополчане?..

Когда называют Туркменистан, мы представляем: песчаные барханы, жара в 45 градусов, колючки перекасти-поле, а ещё раньше – басмачи.... Вместе с тем в Туркмении много хорошего. Народ приветливый, гостеприимный. В любой дом зайдешь, покормят и ночлег дадут. Богат фруктами. Красивых коней выращивают, ахалтекинцев, на конезаводах. Замечательный курорт «Фируза», где стоит наша первая застава. Часть охраняет участок Советско-Иранской границы протяженностью около 200 километров. Имеет четыре заставы и оперативный пост (тоже застава, только немного в тылу), чтобы наиболее уязвимые направления охранялись в две линии.

На скуку времени нет. Информация поступает каждый час, обстановка иногда осложняется неожиданно. В один из таких дней наш отдел срочно собрал начальник отдела майор Нуруллин, это было во второй половине октября, числа не помню. Он нам рассказал: «По данным закордонного агента «Мусак» в ночь со среды на четверг на нашу сторону должны перейти два опытных контрабандиста, их имена: Жаббар и Мустафа. Предполагаемый участок нарушения границы - западнее Гауданского переезда с выходом в аул Аннау. Сегодня уже пятница. Мы опоздали на двое суток. Надо полагать, что они уже у нас в тылу. Начальник войск приказал:

1. Границу охранять круглосуточным нарядом.
2. Проводить активный поиск прорвавшихся контрабандистов в нашем тылу в усиленном варианте, используя войсковые и оперативные возможности.
3. Обстановку докладывать через каждые четыре часа, а важные изменения – немедленно.

Для организации вышеуказанных мероприятий командиром вас по заставам:

- Застава №1 «Фируза» - лейтенант Гафиатуллин;

- Застава №2 «Каранки» - лейтенант Шаповалов;
- Оперативный пост «Аннау» - лейтенант Рахимов К.Р.;
- Застава № 3 – старший лейтенант Реджепов.

В штабе остается старший лейтенант Дадашиян. Сбор по тревоге, транспорт – до заставы на машинах. На местах, по приезду на заставу, на конях.

В субботу утром поступило первое донесение от Шаповалова, застава №2, что: «пограничный наряд в 12 километрах от линии госграницы, в нашем тылу, обнаружил двух саврасых (песчаный окрас) лошадей, брошенных в загнанном состоянии. Они еле передвигаются. На заставу доставить не смогли».

Лошадей взяли под круглосуточную охрану. Тщательно осмотрев близлежащую к ним местность, ничего не обнаружили. Пытались пустить собак, но они след не берут. Поиск продолжается, отдыха нет. Прошло двое суток. Люди устали. В воскресенье к вечеру с оперативного поста «Аннау» донесли, что «наш агент встретил знакомого курда-терякеша (наркомана), который рассказал ему, что «братья терякеша три дня продавали теряк (опий-сырец) по 800-1000 рублей за золотник. Якобы привезенный из Ирана. Кто привез – не сказали».

Продолжали поиск на базарах, маршрутах городского и пригородного транспорта. Опросили всех терякешей, проживающих в городе и окрестных поселках, особое внимание - на поселок Киши. Поселок Киши поручается Даулету, он знает почти всех жителей. Даулет, молодой туркмен, уроженец города Ашхабада, несколько лет работает переводчиком. Выезжает вместе с офицерами, не владеющими туркменским языком.

Звонки, вопросы, требования активизировать работу по поиску идут без перерыва. Не успеваем отвечать на звонки четырех телефонных аппаратов. Иногда все четыре звонят одновременно, берем обеими руками и отвечаем.

Вдруг заходит часовой у штаба, солдат-пограничник Нестеров, докладывает: «Товарищ лейтенант, к вам просится девушка. Объяснял ей, что вы очень заняты. Она настойчиво говорит, что ей нужна лишь одна минута». Подумал сразу, что она может что-то сказать по обстановке. Поэтому часовому говорю: «Ладно, проводите». Заходит молодая, красивая смуглянка. Увидев бесконечные звонки телефонных аппаратов, засмушалась, стоит, молчит. А мне невтерпеж выслушать, что она скажет: «Присаживайтесь, слушаю Вас».

Она начала рассказывать, что на днях встретила знакомую девушку-казашку (из Казахстана), от неё узнала, что «в вашу часть из Казахстана приехал молодой офицер», поэтому решила «встретиться с Вами и узнать новости о нашей родине. Я ведь тоже из Казахстана, Алматинской области поселок Чунджа, зовут меня Насима Хасанова, по национальности уйгурка. Училась в Алма-Ате, в театральном училище. После окончания по распределению попала в Туркмению». Что ей сказать? В двух словах не расскажешь, а тут такая обстановка! Назначить время и встретиться, а когда

это удастся? Обдумал все и решил просить у неё визитную карточку (адрес, как её найти), о чем и сказал. Она с удовольствием дала адрес Ашхабадской филармонии и адрес общежития. Я извинился, что не смог уделить ей больше времени, и она ушла.

Во второй половине дня, в понедельник, Даулет доложил, что приезжие из Ирана (нарушители границы) Жаббар и Мустафа намерены возвращаться во вторник или среду в ночь. Места пребывания их никто из встретившихся не знает. Источник высказал предположение, что контрабандисты живут по разным адресам. Мустафа по национальности курд, уроженец Туркменистана. В 1943 году в составе советских войск попал в Иран. Изменив родине, бежал из части и остался на постоянное жительство в Иране. Город знает хорошо. Все пригородные поселки и дороги ему знакомы. Это усложняет поиск. Вероятным местом их встречи может быть район крутого лога, где выращивают бахчевые (арбузы, дыни), там имеется избушка (шалаш) бахчевника.

Складывается следующая обстановка:

1. Дорогой, по которой они перешли на нашу территорию и двигались по нашей территории, они возвращаться не будут. Выберут другую, скорее всего на участке заставы №3, чтобы выйти к источнику воды (колодцу) на иранской территории, расположенному в квадрате 3289.

2. Необходимо уплотнить войсковым нарядом участок заставы №3. Не медля направить на усиление заставы 17 человек, трех офицеров и четырнадцать солдат, пограничников старослужащих с собаками и голубями.

3. Заложить засаду в районе бахчи круглосуточно.

4. Обстановку и наши решения доложить командующему войск округа.

Поиск продолжается...

С наступлением темноты в районе крутого лога установлена засада из трех пограничников, старший наряда лейтенант Реджепов. Он находился у шалаша со сторожем-бахчевником. Пограничники напряженно смотрели в ночную темень. Не видно ни зги. Прошел час, другой, и в первом часу ночи Реджепову показалось, что среди зарослей бахчевых что-то периодически поднимается и опускается. Он решил зайти в шалаш и зарядить пистолет, но при вставлении магазина в рукоятку пистолета «ТТ» получился выстрел, огласивший всю окрестность. Услышав выстрел, от шалаша бросились бежать какие-то люди. Пограничники с засады прибежали к шалашу, растерянные, не поняв, что происходит.

Реджепов только теперь понял, что поднимали головы сами пограничники, ведущие наблюдение за полем. А бежавшие с другой стороны шалаша могли быть нарушители. Стал кричать: «Стой! Стой!». Произвел несколько выстрелов в сторону бежавших. Все! Ушли. Получилось, что сами дали сигнал, что «мы здесь, уходите!». Реджепов одного пограничника отправил на заставу, чтобы доложить обстановку, а сам, с другим, решил преследовать убегающих. Кто они? Если не нарушители, почему убегают?

Много вопросов, конкретного ответа нет. Время не терпит. Решил ехать к границе, постараться перехватить выход из ущелья, куда выходят

(сходятся) дороги с трех сторон. Из трех дорог левая и правая проходят по более равнинным местам, но на несколько километров дальше, зато двигаться можно быстрее. Средняя дорога идет по ущелью, трудная, а в ночь даже опасная, крутые скалы, осыпи и др. Реджепов поехал по правой, которая подальше, но легче преодолевать. Время за полночь. Пограничники двигаются как можно быстрее.

На заставе, выслушав доклад связного Реджепова, решили: по левой, ровной дороге направить наряд лейтенанта Гафиатуллина – на опережение, по ущелью направить наряд лейтенанта Рахимова.

Все три возможных пути движения нарушителей захватили наряды. Теперь только опередить у выхода из ущелья, а там граница рядом. Время – около трех часов. Едем по ущелью.

Когда стало светлее, под утро, стали замечать признаки следов нарушителей в виде перевернутых камней, помятой растительности на песчано-каменистой тропе. Ускоряем движение, с коней выжимаем плетью и шпорами, требуем: быстрее, быстрее!.. Утром, в шестом часу, издали заметили, что тропа завалена камнями, осыпавшимися с правой стороны (со скал), камнепадом. Подъезжая ближе, увидели в пропасти сначала лошадь, потом и человека, оба искалечены, двигаться не могут.

Человека из обрыва вытащили, он оказался Жаббаром, гражданином Ирана, нарушившим границу вместе с Мустафой. Времени было - получить ответ только на один вопрос, где Мустафа? Он показал рукой, что «уехал туда». Задержанному связали руки и ноги, положили солдату на седло, решив, что он будет двигаться, как сумеет. А Рахимову на самой большой скорости преследовать нарушителя. Теперь стало понятно, что Мустафа едет по этой дороге, а до границы осталось всего около девяти километров, из них более четырех километров – по ущелью, дорога каменистая, трудная.

Но, вперед, Курмат! Помчался, как дорога позволяла. В начале восьмого часа вышли из ущелья, и на следующем перевале увидел наряд Реджепова, преследующего нарушителя, примерно в полукилометре правее меня. Время – восемь утра. Реджепов преследует впереди меня на триста-четыре метра. Слева выскочил наряд Гафиатуллина. Все три наряда преследуют одного нарушителя. Мустафа, теперь мы сознаем, старается пересечь границу. На самом близком расстоянии к Мустафе – Реджепов, затем Гафиатуллин, я немного отстаю. До границы осталось восемьсот метров. Кричу: «Реджепов, стреляй!». Реджепов выстрелил, а конь, видимо, не приученный, чтобы с него стреляли, потащил Реджепова в сторону.

Теперь к нарушителю ближе всех стал Гафиатуллин. Кричу громко: «Гафия-ату-уллин! Именем Союза Советских Социалистических республик, стреляй!». Очередь с автомата и всадник свалился, а конь его отскочил несколько раз, стал как вкопанный и стоит. Подъехали к лежащему на земле нарушителю все трое одновременно. Мустафа был мертв. До линии государственной границы оставалось около трехсот восьмидесяти метров.

«Государственная граница СССР – священна и неприкосновенна, она охраняется на земле, в воздухе и на море» - из инструкции по охране

государственной границы СССР.

В итоге напряженной работы в течение почти недели, охраняя границу по усиленному варианту, задержали нарушителей границы, одного живьем, второго убитым; двух лошадей, одну оставили в ущелье, куда она провалилась, на второй привезли двух седоков-задержанных, около 500 грамм нереализованного опия, - все это доставили на заставу №3.

В кавалерийских частях считают, что конь – боевое оружие, а не только средство передвижения. Если бы наши кони были резвее и выносливее, мы нарушителей настигли бы раньше и привезли бы живыми. А так подобрали убитого и покалеченного. И после оформления всех, предусмотренных инструкцией документов, доставили в часть. Служба перешла на обычный, нормальный режим. Предстояло провести опознание задержанных, опознание лошадей. Сдать на анализ опий на схожесть реализованного и остатка, найденного в переметках Жаббара. Найти свидетелей-покупателей было не трудно, тогда в Туркмении за употребление терьяка не наказывали, не было закона.

Не вдаваясь в подробности, остановлюсь на том, как все это событие произошло. После того, как искалеченного Жаббара вылечили, на допросе он рассказал подробности их перехода на нашу территорию. Оказалось, что собираясь в Советский Союз, они два месяца готовили коней, приучали их есть кислое молоко, постепенно добавляя в него дозу терьяка. Дозу постепенно увеличивали. К концу второго месяца давали по полтора-два литра молока и столовую ложку опия-сырца (разведенного). Подготовленная таким образом лошадь за пять-шесть часов преодолевала тридцать километров пустынно-песчаных барханов. Переехав (преодолев) государственную границу лошадей оставляли (они редко выживают). Так получилось и с теми лошадьми, которых мы находили.

Возвращаемся в часть и приступаем к своим обязанностям. Но уйгурку-то найти надо. Дождавшись субботнего вечера, вместе с Даулетом едем в Ашхабад. По адресам находим общежитие и в одной из комнат – Насиму с подругами. На столе – тексты песен, ноты, музыкальные инструменты. Поздоровавшись, обменявшись приветствиями, спрашиваю Насиму, чем они так весьма срочно занимаются. Девушки дружно отвечают, что готовятся к завтрашнему концерту в войсковой части. А, поскольку военнослужащие в основном русской национальности, им дали задание, чтобы каждая из солисток исполнила по одной песне на русском языке. Насиме досталась:

В низенькой светелке

Огонек горит,

Молодая пряжа

У окна сидит.

Молода, красива,

Карие глаза,

По плечам струится

Русая коса.

Русые косички
Думы без конца.
Вот она ласкает
Старика-вдовца.
Старый, ну и что же,
Пусть осудит мир.
Он притом гусар же,
Ратный командир.

Вот ноты, вот слова. Мне когда-то приходилось петь эту песню на фронте, в блиндаже. «Давайте попробуем вместе спеть». И мы спели хором несколько раз, получилось неплохо. Сегодня подготовка, завтра – концерт. Так не будет времени и поговорить-то с Вами. Хотелось бы подробнее узнать, кто Вы, откуда, как здесь оказалась одна. Кто у Вас в Казахстане, чем они заняты, другие сведения в пределах возможного. Она на меня смотрит, молчит. Я – на неё, разглядываю критически, все ли красиво на её лице. Прямой нос, круглые черные глаза, готовые заплакать. Густые черные волосы. Одеть бы, думаю, ей казахскую национальную одежду, как бы хорошо подошла. Не могла бы она быть матерью моих будущих детей?..

Вдруг слышу, что она говорит: «Если позволите, на все ваши вопросы я отвечу при следующей встрече. Сегодня нам просто некогда. Поймите, пожалуйста, завтра ответственный день». Этими словами она назначила ещё одну встречу.

На следующий день всех нас: меня, Гафиатуллина и Реджепова приглашает командир пограничной части подполковник Патрикеев (все звали его батей). С участием офицеров части сделан разбор проведенной операции по поиску и задержанию нарушителей границы. Поблагодарил нас за результаты, обещал представить к поощрению правами начальника войск (пограничного округа). Когда он начал рассказывать о случайном выстреле, произведенном Реджеповым, поднялся хохот. Все офицеры смотрят на Реджепова – что, мол, не сигнал ли дал контрабандистам – «спасайтесь!». А в заключение спрашивает у членов военного совета, как они считают, кого из офицеров и к каким видам поощрения представить. Обычно это: часы, деньги, грамота, благодарность и дополнительный отпуск до десяти дней. Когда члены военного совета высказали свои предложения, командир обратился к нам, исполнителям операции: «Рахимов, ты давал команду стрелять?». Отвечаю: «Так точно, товарищ подполковник, дал команду, потому, что до границы оставалось меньше пятисот метров, чувствуем, что не догоним, а он ни на окрики, ни на выстрелы вверх не останавливается. Если он хоть на одну секунду раньше нас достигнет линию государственной границы, мы получим «двойной прорыв» - к нам и обратно, а преследовать его и, тем более, стрелять на сопредельной территории мы не имеем права». Все офицеры согласились с тем, что действия мои соответствовали требованиям инструкции. «Значит, Рахимова представляем...» - не успел командир продолжить свою мысль, я поднял руку. «Что хотел сказать?» -

обратился он ко мне. «Товарищ подполковник, я бы считал самым лучшим поощрением ваше ходатайство о переводе меня в Казахстан. Мои престарелые родители постоянно пишут, чтобы я демобилизовался, но как я это могу, только что окончив военное училище, ставить вопрос о демобилизации? Просил их сюда переехать, чтобы быть всем вместе, они не хотят, боятся, что климат не перенесут. Вот в таком я затруднительном положении» - закончил я свою просьбу. Члены военного совета, один за другим, поддержали мою просьбу и решили ходатайствовать о переводе меня в Казахский пограничный округ. Я был этому рад. Поблагодарив членов военного совета, пообещал им служить в Казахстане тоже как положено советскому офицеру.

Вопрос о моем переводе решался долго. Сначала оформляли ходатайство в части. Долго доказывали, обосновывали свое решение перед округом. Затем в округе согласовывали решение с Москвой. Прошло больше двух месяцев, пока наконец-то перевод разрешили. Начал сдавать все, что за мной числилось: документы, имущество, живые и неживые средства разведки.

Теперь надо найти Насиму и сказать, что уезжаю в Казахстан. Не часто мы встречались с ней, так как она работает, в основном, вечерами (концерты, репетиции). Я же бываю занят и днями, и вечерами. Поэтому толком и поговорить-то не пришлось. Приехал в Ашхабад, знакомое здание госфилармонии. Захожу и вижу кучу девчат: туркменки, узбечки, русские и одна уйгурка – Насима, она, догадавшись, вышла за мной. Сообщил, что получил перевод в Казахстан и, не успев спросить, не желает ли она поехать со мной, как она бросилась ко мне и умоляюще просит взять её с собой в Казахстан. Откровенно говоря, я немного подрастерялся от неожиданности. Как, в качестве кого брать её? Это искреннее, откровенное предложение руки и сердца, или?.. Не осмелился я откровенно спросить, как её брать, как невесту или просто попутчицу? В любом случае нужно ей помочь. Пошли к администратору филармонии, где я и сказал о переводе в Казахстан, и, если можно, заберу с собой Насиму. «Ну что, молодые люди, мира, добра и любви. Сегодня же рассчитаем её».

Покидая Ашхабад 29 февраля мы не знали и не могли знать, что через несколько месяцев здесь произойдет страшная катастрофа. Но о катастрофе – позже.

Лепсинск, Зайсан, Покровка

На станции Алма-Ата-I нас встретил отец Насимы. Плотный, среднего роста мужчина, примерно пятидесяти лет. После взаимных приветствий мы разошлись: они к себе домой, а я за назначением в управление погранвойск, где мне предложили такую же должность в Лепсинской отдельной погранкомендатуре.

Бывший город Лепсинск, центр Лепсинского уезда, располагался на слиянии двух рек: мощной и бурной реки Лепса и тихой, журчащей речки Буленьки. В свое время город был довольно шумный. Были здесь промышленные предприятия, проходили ярмарки, организована государственная торговля. Хорошо оснащенная больница и несколько школ с русским, казахским и татарским языками обучения. Город делили: казачья станица («шушка булак» - свиной ручей) и татарский аул, каждый из них занимал определенную часть города. В тридцатые годы Лепсинский уезд подвергся административной реформе, и из уезда получилось четыре района: Саркандский, Андреевский, Дзержинский и Алакульский. А сам город превратился в село. В этом-то селе и располагалась воинская часть, в которую меня назначили. Командир части – подполковник Кочетков, лет сорока пяти, и видно, что вся его служба проходила в пограничных войсках. Среднего роста, подтянутый, старый кавалерист. Его заместитель, теперь мой непосредственный начальник и тоже подполковник, Михайлов Владимир Федорович, встретили меня хорошо. Позаботились обо мне, выделив из офицерской гостиницы небольшую комнату, очень скромно обставленную мебелью.

В части был единственный казах, старший помощник Михайлова, старший лейтенант Тусумханов Ахатай, женат на татарке по имени Жавгар Шакировна Гафурова, у них годовалый сын – Мурат. По мусульманскому обычаю Тусумхановы первыми пригласили меня в гости. Я познакомился с этой доброй, гостеприимной семьей, которая впоследствии стала нашим самым ближайшим другом на всю жизнь. Мы поддерживали добрую, дружескую связь до конца их жизни. Жавгар Шакировна – медик, работала заведующей больницей. Она и принимала мою старшую дочь в роддоме, поэтому мои дети называли её бабушкой. Она была достойна этого. О моих детях заботилась, как о своих.

Ахат-ага вместе с Жавгар-апай вырастили двух сыновей. Мурату сегодня, когда я пишу эти строки, исполнилось 62 года. Он окончил Рижский авиационный институт. В настоящее время работает вице-президентом одной авиакомпания, обслуживающей туристов, побывал во многих странах мира. Проживает в Алматы (так теперь называют город Алма-Ата). Вместе с женой Жанной вырастили двух сыновей-молодцов. По старой привычке, как и к его родителям, заезжаю к ним каждый раз, когда приходится бывать в Алматы,

созваниваемся регулярно. Вторым сыном Ахата – Алик, увлекся велоспортом. Имел хорошие результаты, мастер спорта, выступал на международных соревнованиях. В настоящее время работает государственным тренером по велоспорту, живет в Астане.

В эту часть в течение одного года пришли четыре молодых офицера. Один, русский, Таратунин, работал начальником физподготовки, второй, украинец, Цвилый, заместитель начальника заставы, военфельдшер Ахметов Абдикарим и я. Все мы подыскивали себе будущих подруг.

Раньше других я встретил девушку красивой внешности, доброй души, человеческого характера. Удивительно выдержанная, терпеливая и тактичная. Её звали Раиса (по-татарски – Рәйсә). Раисе только исполнилось 18 лет и мы поженились. С ней прожили вместе 58 лет и 23 дня. Вырастили двоих дочерей. Она мне помогала и поддерживала всегда и во всем. Все трудности нашей жизни преодолевали вместе. Она заботилась и о моих престарелых родителях, встречала моих родственников (коих великое множество) и друзей. Я никогда не слышал от неё обиды на то, что мы - народ небогатый, скорее, скромный. Что имели, тем и были довольны. Она все умела делать: кроить и шить, вязать и вышивать, стряпать всевозможные деликатесы и готовить вкусные блюда. Во всем было видно, что она получила хорошее воспитание в семье. Мне нравилось воспитание детей в татарских семьях, они их с малых лет готовили к жизни. Девочек учили выполнять женскую, а мальчиков – мужскую работу.

Через несколько месяцев Ахметов привез выпускницу женского педагогического института. Её звали Дариха. Итак, в течение одного года вместо одной стало три казахских семьи. Жить стало веселей. Работаем каждый на своем участке. Мы занимаемся кавалерийской подготовкой. Это одно из главных занятий, поскольку часть – кавалерийская, и за всеми нами закрепили коней. На них мы и ездим по заставам.

Все шло нормально, без особых изменений. Пока не услышали сообщение ТАСС, где говорилось: «6 октября 1948 года в 2 часа 17 минут по местному времени в районе города Ашхабада Туркменской ССР произошло землетрясение, силою до 9 баллов. В результате землетрясения в городе Ашхабаде имеются многочисленные жертвы». Другой подробной информации не было. Много позже слышал рассказ очевидцев, что в результате этого землетрясения за несколько секунд 130-тысячный город Ашхабад был полностью уничтожен стихией.

Я, конечно, задумался, что бы могло случиться, если бы я в эти дни был в Багире, всего в 8 километрах от Ашхабада. Родители настойчиво и неоднократно требовали моего увольнения с военной службы и приезда домой, что и было причиной моего перевода. Командование части тоже легко, на мой взгляд, согласилось на мой перевод в Казахстан. Вот я жив и здоров, а мог бы и погибнуть вместе с теми же офицерами и солдатами, которые остались там. Значит, позволено было судьбой мне ещё жить...

В первых числах ноября неожиданно получил письмо от Насимы. Она узнала мой адрес от пограничников и по настоянию отца написала это

письмо. Насима устроилась работать в алматинскую филармонию. Туда же после землетрясения приехали работать многие из артистов разрушенной ашхабадской филармонии. Они рассказывали, что в тот день, когда в Ашхабаде произошло землетрясение, бригада артистов находилась в городе Красноводске с концертом. На второй день, 7 октября, из закавказских республик переправляли через Каспийское море и дальше поездом военнослужащих для проведения спасательных работ в Ашхабаде. И эта бригада приехала вместе с военными. Все, что произошло, увидели своими глазами. Города не было. Были одни развалины, вокруг которых ещё лежали трупы погибших. Здание филармонии также было разрушено. Город походил на огромное кладбище. Представители власти Ашхабада работников культуры, оставшихся в живых, распределили по республикам временно, до восстановления города. Так они попали в алматинскую филармонию. Отец Насимы, узнав о трагедии в Ашхабаде, заставил её написать мне письмо. Он в благодарность за то, что я помог Насиме выбраться из Ашхабада и спас от возможной гибели, хотел подарить мне скакуна. Сам он много лет работал табунщиком колхоза, но имел и собственных коней. Я от души поблагодарил его, но от подарка отказался.

Прибывший в Ашхабад в составе воинской части из Закавказского военного округа для проведения спасательных работ Еремин Сергей Иванович рассказывал, что они в Ашхабад прибыли вечером 7 октября. Вместо города – одни руины, еще не успели подобрать оставшихся в живых раненных, многие их них лежали в одной куче с умершими. В городе не было электричества, городской транспорт не ходил, дороги завалены. Несколько грузовых автомобилей увозили подобранных пострадавших на окраину города, где была организована медицинская помощь. Продуктов нет, магазины разрушены, оставшиеся в живых голодают. Пришлось срочно разворачивать солдатскую походную кухню и хлебопекарню. Из уцелевших в городе были здания ЦК Туркменистана, старая мечеть и двухэтажное здание тюрьмы. Полностью погиб личный состав стоявшей на окраине города воинской части. Рухнувшая солдатская казарма похоронила всех, кто там был. К концу дня 8 октября расчистили некоторые улицы и запустили по городу грузовые машины, в основном, для вывоза погибших в братскую или общую могилу, а также для доставки продуктов. Спасательные работы продолжались до конца октября, а строительные затянулись надолго. Надо было восстанавливать или заново отстраивать весь город: правительственные, медицинские, торговые, жилые и другие здания. Восстанавливать связь, электричество, транспорт. Все это делалось силами специальных воинских частей и подразделений. «Об Ашхабадском землетрясении 1948 года» - так называется книга академика Д. Наливкина, который в ту ночь, 6 октября 1948 года прибыл в командировку из Москвы и ночевал в здании ЦК Туркменистана. Он пишет, что первый страшный толчок был во втором часу ночи. «Когда я пришел в себя, то понял, что еще стою у открытого окна и держусь за раму, а за окном было что-то невероятное, невозможное. Вместо темной прозрачной ночи передо мной

стояла непроницаемая молочно-белая стена, а за ней ужасные стоны, вопли, крики о помощи. За несколько секунд весь старый, глиняный, саманный город был разрушен, и на месте домов в воздух взметнулась страшная белая пелена пыли, скрывая все». Эпицентр землетрясения, мощностью 9-10 баллов, находился у селения Кара-Гаудан, примерно в 25 километрах юго-западнее Ашхабада. Там на поверхности земли образовались огромные трещины до 1,5-2 метров ширины и очень длинные по продолжительности. Позже в советской прессе упоминалась официальная цифра жертв землетрясения – 40 тысяч человек. Разные источники указывают на то, что реальная цифра была почти втрое больше и достигла 110 тысяч. В число жертв не были включены погибшие в других населенных пунктах, военнослужащие и заключенные. Некогда цветущий, утопающий в зелени город Ашхабад был разрушен за несколько секунд.

События в мире бывают разные, а служба идет. Ей занимаемся постоянно. Лепсинская погранкомендатура охраняла участок государственной границы протяженностью около 120 километров. Она проходила по территории Капальского, Аксуйского, Саркандского, Андреевского и Дзержинского районов Талды-Курганской области. Некоторые наши мероприятия нужно было согласовывать с руководством этих районов, поэтому нередко приходилось бывать в командировках.

Однажды я встретился с отцом бывшего акима Северо-Казахстанской области Таира Мансурова. Он работал тогда секретарем Саркандского райкома комсомола. Энергичный молодой человек, организатор и активный участник молодежных мероприятий в Саркандском районе. В Сарканде была наша (воинской части) перевалочная база, склады и весь автотранспорт находились там. От Сарканда до Лепсинска зимней дороги для автотранспорта не было. Поэтому все грузы, поступающие по железной дороге, до Сарканда доставляли на автотранспорте, а от Сарканда до Лепсинска – на гужевом транспорте. В связи с этим мы, пограничники, в Сарканд приезжали чаще, чем в другие районы. И у нас сложились хорошие отношения с молодежью Саркандского района и с их вожаком – Мансуровым.

Как я познакомился с будущей женой

В татарских аулах заведено было так, что когда подрастают девчонки, кто-то из более состоятельных семей созывают молодежь на чай. Хорошо подготовленный стол, в изобилии всякая стряпня, выпечка (треугольнички, беляши, чак-чак и много другого), и, конечно, без спиртного. В ходе чаепития знакомят всех приглашенных, потом шутки, песни, игры.

На этот раз инициативу проявила дочь зажиточного, по тому времени, татарина Хусаинова – Наиля Галимовна. Красивая татарка, окончив педагогическое училище, отработала уже один учебный год в школе. Грамотная, общительная она и вела этот вечер с начала до конца. Её избрали старшей, что позволяло ей назначить первого исполнителя - бросить

платочек любому, по ее выбору, парню. А потом уже по очереди исполняли что-кому достанется или на выбор исполнителя: спеть, сыграть на каком-либо музыкальном инструменте, рассказать какой-то забавный случай или стихотворение любого поэта. Мне досталось выступить третьим, предложено было спеть любую песню, хотя бы один куплет. Подумал, как бы не оконфузиться. Спую-ка привычную, которую постоянно пели в училище, из кинофильма «Небесный тихоход»:

Однажды вечером, вечером, вечером,
Когда пилотам, скажем прямо, делать нечего.
Мы приземлимся за столом, поговорим о том, о сем,
И нашу песенку любимую споем.

Пора в путь дорогу...

Конечно, были бурные аплодисменты. С этого вечера я пошел провожать свою Раю. Попутно предложил зайти к Тусумхановым, она согласилась, потому что тоже их хорошо знала. Когда зашли в дом, нас встретила Женгей (так уважительно называют жен старших по возрасту братьев или знакомых). Я ей сказал, что привел показать невесту. Она в восторге повторяла: «Аузыңа бал, аузыңа бал», что означает «мед в твои уста», так говорят, когда желают, чтобы что-то свершилось. Это была, конечно, шутка, а впоследствии так и получилось. Мы нашли общий язык.

Через пару месяцев после этого вечера я поехал в командировку, а когда через 20 дней вернулся, мне сказали, что Раю увезли в город Джамбул. В Лепсинск приехала родная сестра ее мамы (мама Раи умерла от родов второго ребенка, мальчика, когда Рае было 2 годика; братик тоже прожил недолго). Раю растила и воспитывала ее бабушка по отцу. Отец Раи – Абдулла Гереевич Вишняков женился второй раз. Мачеху звали Файруза Камалтиновна, она-то и не давала согласия на то, чтобы Рая вышла замуж за казаха. Вот поэтому приехавшая мамина сестра и решила увезти Раю в Джамбул, якобы на учебу в технологический техникум. Так Рая оказалась в Джамбуле.

Пришлось за ней ехать в город Джамбул, там зарегистрировались в загсе и вернулись в Лепсинск как муж и жена. Все обиды прошли, справили свадьбу. Свадьба прошла интересно, весело, все к свадьбе готовила Рая сама и помогала ей наша Жавгар-апай Тусумханова (Женгей).

Теперь очередь за Ахметовым. Мы все помогали готовить их свадьбу. Ахметов Абдикарим, по образованию военный фельдшер, писал стихи на казахском языке. Впоследствии уволился и работал литературным сотрудником газеты «Пионер», затем «Лениншіл жас». Член Союза писателей, в шестидесятых годах был заведующим Восточно-Казахстанского филиала Союза писателей. Первую жену – Дариху (свадьбу с которой мы праздновали вместе), родившую ему первого ребенка, мальчика, оставил вместе с сыном. Потом еще два раза женился, то на казахке, то на русской женщине. На последней встрече я его отругал, как старого друга, и связи с ним прекратил. Сейчас часто слышу по телевидению журналиста Олега Ахметова, который работает по Кызылординской области, думаю, возможно

это его сын. Он же (Ахметов) уроженец Казалинского района Кызылординской области.

На нашей свадьбе присутствовали и Михайловы Владимир Федорович с Любовью Львовной, и Парыгины Петр Семенович с женой, зайсанской татаркой Фаиной Иштерековой. Все они стали нашими хорошими друзьями. С ними мы поддерживали дружескую связь до конца их жизни.

Когда меня перевели с повышением в зайсанский погранотряд, через год туда же приехали Михайловы. Владимира Федоровича назначили заместителем начальника 50 зайсанского погранотряда. Он опять стал моим непосредственным начальником.

Парыгин Петр Семенович в 1953 году демобилизовался (пошел в отставку) и переехал в город Усть-Каменогорск. Продолжительное время жили они на Аблакетке, развел вокруг дома прекрасный сад, работал учителем средней школы.

Для меня в Лепсинске решились самые важные вопросы моей жизни. Встретил мою дорогую жену Раю. Стал семейным. Родилась наша старшая дочь Алия. А в 1949 году с повышением по службе меня перевели в зайсанский погранотряд, назначили, сначала, старшим помощником, а через некоторое время - начальником 5-го отделения (разведка), он же заместитель коменданта. Единственным селом в Тарбагатайском районе, где проживало население русской национальности, была Покровка, где дислоцировалась наша часть.

За три с половиной года моей службы произошло несколько событий в нашей семье: 21 августа 1950 года родилась моя младшая дочь Галия. В это время я был в Москве, сдавал вступительные экзамены в высшую пограничную школу. Мне прислали поздравительную телеграмму, которую получил перед последним экзаменом, и я после сдачи не задерживаясь выехал домой.

Нам всегда попадались хорошие люди. Офицеры и их жены, соседи - со всеми жили очень дружно. Выходные и праздники всегда проводили вместе, собираясь у кого-нибудь из соседей, в том числе и у нас. Песни, танцы, шутки всевозможные, был свой кинозал, киноаппарат, так что скучать не приходилось. По работе постоянно поддерживали связь с руководством района.

Осенью 1950 года пограничники четвертой заставы (Терс-айрыкской) задержали двух охотников, которые шли по следам зверя с капканом, перешедшего с китайской территории на нашу, нарушив границу. Охотники, увлекшись, тоже не заметили, как оказались на нашей территории. Опомнились, только когда пограничный наряд окликнул их. Их привели в штаб, быстро оформили документы и осудили на 2 года лишения свободы. Прошли эти два года, оба старика заходят ко мне в кабинет и говорят, мол, вот мы отбыли наказание по вашим законам, теперь отпустите нас домой, к себе в Китай. Посадить было легче, составил документы и в суд. А выдворять в Китай - надо согласовывать с Министерством иностранных дел и передавать через нашего погранкомиссара китайским властям. Это решается

не так быстро. Куда теперь их девать до решения вопроса? Отпустить, чтобы сами где-то временно устроились – «Гулять в пограничной зоне иностранцам» - тоже могут обвинить в потере бдительности. Решили в КПЗ закрыть и кормить их, пока получим все согласованные документы.

Не успели разрешить эти и другие вопросы повседневной службы, а тут еще от нашего закордонного источника поступает информация, что некий Тунгатов собирается нелегально перейти в Советский Союз, чтобы забрать своего брата, проживающего в Тарбагатайском районе и увезти к себе в Китай. Информация идет каждую неделю уже около двух месяцев. Заявляет, что намерен перейти границу то через перевал Хабар-асу, то через Караунгур, то через участок Терс-айрык. По плану организации охраны границы то на одной, то на другой заставе вводим усиленный вариант охраны. Это значит, солдатам нести службу по 10-12 часов в сутки. Люди измотались. Солдатам и офицерам нет ни отдыха, ни праздников. Комендант участка подполковник Антощенко пригласил меня и спросил, что будем делать. На что я попросил пару дней на обдумывание предложения.

Чтобы более подробно узнать, кто такой этот Тунгатов, обратился я к архиву. Нашел справку, составленную в свое время по уголовному делу на Тунгатова, читаю: «Тунгатов Кали, 1904 года рождения, уроженец Тарбагатайского района, аула Куйган. В 1935 году вместе с родителями эмигрировал в Китай. Через десять лет, в 1945 году, когда в Китае началась гражданская война, Тунгатовы официально вернулись в Советский Союз, как реэмигранты. Проживал в ауле Акжар, устроился работать конюхом в райисполкоме. В 1947 году, выбрав лучших лошадей райисполкома, вооружившись охотничьим ружьем, пытался нелегально перейти в Китай, был задержан и осужден к пяти годам лишения свободы. Однако совершил побег, разобрав пол вагонзака (вагон для перевозки заключенных) и ушел в Китай. В Акжаре проживают мать и младший брат Тунгатова». По донесениям закордонного источника Тунгатов намерен нелегально перейти границу, чтобы забрать в Китай своих родственников.

Через пару дней, как договорились с комендантом, я зашел и доложил свое предложение. Он поддержал. Чтобы осуществить свой план, я выехал в командировку на вторую заставу (Четластинская заставка). Мне надо было быть ближе к границе и ежедневно иметь информацию о намерениях Тунгатова. В течение недели работал на этой заставе. Собрал необходимую информацию и разработал комплекс мер, чтобы вытащить оттуда Тунгатова, направив двух боевиков. Это нужно согласовывать во всех вышестоящих инстанциях, на что уйдет много времени. Сижу, думаю, как бы ускорить его вывод. Заходит начальник заставы и докладывает, что с китайской стороны через границу перешли 9 лошадей и пасутся в двух километрах от границы на нашей территории. На вопрос, откуда узнали, что лошади перешли из Китая, был ответ, что на этом участке колхозных табунов нет и наших лошадей быть не может. Посоветовал дать задание пограничникам отогнать лошадей подальше от границы вглубь нашей территории.

Наутро выезжаем вместе с начальником заставы в этот район. Изучив

обстановку, делаем вывод: если эти лошади китайские, то кто-то будет их искать. А, возможно, найдется хозяин из наших колхозов. Пограничный наряд занял свое место, сидим с начальником заставы, обсуждаем обстановку. Через некоторое время какой-то всадник выехал на горный перевал, по которому проходит государственная граница, пересек линию границы и смело, без оглядки, углубился на нашу территорию. Пограничникам даем сигнал отсечь ему обратный путь и задержать. Все произошло так быстро, что нарушитель не ожидал. У нас получилось так, как будто встреча была заранее запланирована. Кратко повторю то, что рассказал нарушитель границы.

В трех километрах от перевала стоит казахский аул, прикочевавший сюда две недели назад, чтобы пасти свой скот (жэйләу) на летних выпасах. Нарушитель границы, назовем его так, работает у богатого человека табунщиком, помогает по хозяйству. У хозяина около 150 голов лошадей, они пасутся отдельно от общеаульного табуна. Четыре дня назад отбились 9 лошадей, которых он не может найти. В числе потерянных - два выездных скакуна, которые очень дорого ценятся. Хозяин настаивает, во чтобы то ни стало, найти хотя бы этих двух скакунов. Вот нарушитель, подключив всю свою семью и родственников на поиски по всем направлениям, ищет коней без сна и отдыха уже четыре дня. Сегодня подумал, не могли ли они перепастись на советскую территорию, ведь аул расположился на восточном склоне хребта, в 3-4 километрах от границы. Решил с перевала посмотреть на нашей стороне, солдат не видно, вот решил проехать еще до сопки, а тут пограничники и задержали. Так закончил он свое объяснение.

Масти лошадей он описал точно, на мой вопрос, есть ли на них тамга, ответил, что есть – на левой стороне выжжена полуподкова. Вспомнил я казахскую поговорку – «Көктен іздегенінді жерден табасың» (чего ищешь в небесах иногда находишь на земле) и решил рискнуть на откровенный разговор. Кони ваши здесь, говорю, мы думали, что они принадлежат нашим колхозам, поэтому отогнали от границы. Если мы с вами договоримся, завтра вы получите своих коней. Вы же поможете нам решить вопрос в отношении нашего бывшего земляка. Его имя – Кали Тунгатов, знаете его? Он ответил, что знает, и что Тунгатов вторую неделю живет в этом же ауле, помогая аулчанам кому на купке, кому на стрижке. А на вопрос, может ли он пригласить Тунгатова на поиск лошадей, что нам нужно с ним встретиться, ответил утвердительно, добавив, что тот обязательно согласится, потому что в помощи никому не отказывает. Тут я позволил себе рискнуть во второй раз, завербовал этого табунщика, дав ему соответствующий инструктаж, указал место и время выхода на перевал, где будут его лошади, и в каком направлении должен искать лошадей Тунгатов, чтобы нам заложить пограничный наряд для его задержания. Нарушителя отправили, приехали на заставу, обдумали и запланировали несколько вариантов, на всякий случай, чтобы не упустить Тунгатова, потому что если план сорвется, то нас, особенно меня, ждет большой скандал.

Отделы разведки пограничных частей обязаны ежедневно обеспечивать

штабы свежей информацией об оперативной обстановке (касающейся охраны границы) в установленной пограничной зоне на нашей и сопредельной территории. Для этого необходимо иметь источники информации – агентов, людей, способных давать достоверную информацию. В данном случае, табунщик, при удачном исходе дела, мог пополнить нашу агентурную сеть за рубежом. В то далекое время мы располагали почти полными данными о сопредельной стороне, на наших картах были нанесены все крупные населенные пункты и важнейшие объекты; информация о готовящихся нелегальных переходах в нашу сторону, о бандитских, преступных группах, действия которых иногда бывают непредсказуемы, о возможных провокациях. У нас был список руководящих, властных чиновников, аульных и волостных авторитетов и др. Эти данные бывают необходимы, когда осложняется оперативная обстановка на границе.

В повседневной жизни все время уходило на решение вопросов службы, в то время не было нормированных рабочих дней, и все равно оставались нерешенные вопросы на последующие дни. Если где-то оказался свободный час – нужно отдать семье, детям, да и самому хочется иногда и в волейбол поиграть, и за шахматной доской посидеть.

А вот в такой командировке, как я оказался целую неделю на второй заставе, есть возможность подумать, проанализировать результаты работы, оценить сложившуюся оперативную обстановку.

Недалекая история этого (Тарбагатайского) района такова, что в тридцатых годах почти половина местного коренного населения эмигрировала в Китай. Многие из них там живут и здравствуют и сегодня. Почти у каждого эмигранта на родине остались родственники: братья, сестры, дяди, тети, сват, брат свата и другие – у казахов все они считаются близкими. Каждый или почти каждый жаждет получить весточку с той стороны и выискивает пути, каналы получения нужной информации, в том числе и путем нелегального перехода государственной границы. Например, под видом охотников, как вышеназванные два старика. Их не государственные вопросы (секреты) интересуют, а житейские: кто из оставшихся родственников как живет, а кто и ушел, покинул этот мир. Колхозы Тарбагатайского района пользуются пастбищами вблизи государственной границы, это исторически сложившийся узаконенный порядок – пасти скот на летних высокогорных выпасах. Каждый колхоз имеет свои участки. Многие бывшие казахстанские граждане, живущие в Китае, знают эти участки. В связи с этим в летний период активизируется деятельность «искателей» информации - «перепас» скота в нашу сторону, когда вблизи границы пасут стада наши скотники, чабаны и табунщики. Там им удаются обоюднo заинтересованные встречи. Бывали случаи, когда специально в нашу сторону пускали степные пожары, для того, чтобы тушить затем вместе с нашими гражданами и смешаться с ними. В такой обстановке не за всеми можно уследить. Все эти моменты очень усложняли охрану государственной границы.

Прошли годы, сменилось уже третье поколение с того времени,

бывшие близкие ушли в другой мир, оставив своих потомков, которые уже не близкие, а далекие родственники, о которых не всегда вспоминают.

А сколько времени уходило на передвижение на конях верхом или на санях зимой. Суточное расстояние – 40 километров. От Покровки до Ойчилика по прямой – 65 километров; до заставы Хабар-асу (застава №1) – 60 километров. Чтобы добраться до них нужно два дня туда и два дня обратно. День работы на заставе или на ее участке и четыре дня на проезд! Сейчас 60 километров за расстояние не считают. Это вроде как пригородное село, поселок или соседний аул. Всего-то 30-40 минут тратится на дорогу. А как устаешь трястись на лошади два дня подряд. Вечером приедешь на заставу, иногда не остается сил с лошади слезть самостоятельно. Только в 1951 году получили новый автомобиль ГАЗ-68 (предшественник нынешнего ГАЗ-69), произведенный отечественным горьковским автозаводом. Это нам значительно облегчило вопрос переброски людей, солдат и офицеров, в случае необходимости.

Настало утро, быстро собрались и поехали на границу. Проверили, что пограничники расположились скрытно, в тех местах, где было запланировано. Мы с начальником заставы тоже заняли свое место поодаль, у подножия небольшой сопки. Ждем с волнением, надеждой и сомнением. А вдруг сорвется все. Время идет медленно, без конца поглядываем то на перевал, где должен появиться всадник, то на пограничников. Линия государственной границы, где мы ждем, проходит по хребту гор, за хребтом – Китай, до хребта – наша территория. Если он выйдет на хребет и повернет назад, это не наш. Если хоть десять шагов сделает в нашу сторону – он нарушает границу. У табунщика часов нет, поэтому мы договаривались ориентироваться по солнцу, по нашим часам – примерно с 11 до 12 часов дня. До 12 ждали – никого нет, ждем дальше. Только в 12 часов 35 минут из-за перевала показались два всадника. Табунщика мы узнали сразу. Он указал рукой в сторону, видимо, в каком направлении искать лошадей товарищу, а сам поехал туда, где ждали подогнанные нами его лошади. Второй смело, быстрой рысью, поехал уже по нашей территории. Пропустив неизвестного всадника примерно на 300 метров, пограничный наряд произвел выстрел в его сторону. Всадник, в замешательстве, остановился. Его задержали и привели к той сопке, где мы сидели с начальником заставы. Радоваться рано, тот ли это человек, кого мы ждали? Который измотал нас за прошедшие почти три месяца? Спрашиваем его имя, называет совсем другое. А сами-то мы в лицо его не видели. Составили все необходимые документы на задержанного нарушителя границы, привезли его на заставу. По телефону доложили руководству части, что «задержан за нарушение границы в таком-то районе. Подробности уточняем».

На следующий день табунщик вышел в указанное время на встречу и подтвердил, что задержанный нами – Тунгатов Кали. К обеду вернулись на заставу, решили еще раз допросить задержанного. Спросил имя, он подтвердил сказанное вчера. Я решил использовать последний «козырь», говорю ему: «Мына начальник сізді таныдым деп айтады...» (начальник

говорит, что узнает вас, что задерживал вас в 1947 году на перевале Кара-унгур). А на самом деле задерживал его предыдущий начальник заставы – Холюшкин, мы просто провоцировали его. Он изменился в лице, долго сидел, издавая звук: «н, н, н...», потом сказал: «Все, понял, я попался и в ваших руках». Он начал рассказывать, что он действительно Тунгатов Кали, уроженец аула Куйган, в 1934 году уходил в Китай, прожил там 11 лет. Когда началась там гражданская война, с семьей и скотом перешел в Советский Союз, думали, что здесь живут лучше, а увидели голод, нищету, в колхозах люди работают от зари до зари, а на трудодни ничего не получают, раздеты, разуты, голодны. Родственники, от которых они ожидали поддержки, отвернулись от них, боялись с ними встречаться. В общем, жизнь не получилась. Поэтому решили вернуться в Китай. Работая конюхом в райисполкоме, подобрал трех лучших лошадей, вооружился охотничьим ружьем и вместе с матерью и младшим братом ночью выехали в направлении перевала Кара-унгур. Когда начало светать в ущелье Орта-ласты встретился их дальний родственник Амир Жансаров, он возвращался из летних выпасов. Он встречает Тунгатова с приветствием: «Ассалау-мағалейкем, Каке». В эту минуту Тунгатов не рад был встретить ни дальних, ни близких родственников. Он от злости наставил на встреченного ружье и спросил: «Амир, ты нас видел или нет, если видел – останешься здесь и больше никогда не увидишь!». Амир понял угрозу и торопливо ответил, что нет, мол, Каке, не видел, доброго вам пути, и они разъехались. Позже Тунгатов понял, что Жансаров сообщил о них на заставу, и началась погоня, тогда же они не знали об этом и, углубившись на китайскую сторону примерно на километр, решили спокойно отдохнуть и покормить коней. Но через некоторое время проснулись, услышав конский топот, и увидели советских солдат, которые стали их задерживать на китайской территории. Тунгатов стал доказывать, что они на своей территории, никакой границы не нарушали, едут из соседнего аула и тому подобное. Но задерживающих было пять человек, они надели на нарушителей границы наручники и вывезли обратно через границу на советскую территорию. Потом составили протокол, что задержали их на перевале. Осудили Тунгатова на пять лет, брата его на два года, мать оставили на свободе. Из Усть-Каменогорской тюрьмы Тунгатова стали этапировать в какую-то колонию в направлении города Алма-Аты. Когда проехали станцию Аягуз, ночью он разобрал полы вагона и сбежал. На третий день перешел на китайскую сторону в районе Жаланашколь и теперь живет один, нет ни скота, ни жилища, живет у разных людей, помогая кому что нужно по хозяйству. «Вот табунщик потерял хозяйских лошадей, неделю ищет, не может найти, ему все соседи помогают. А вчера он попросил меня пробежать вдоль советской границы, посмотреть, не пасутся ли кони где-нибудь на вашей территории, никаких других намерений на этот раз не имел» - закончил свои признания Тунгатов.

В 1947 году был такой случай, семья Тунгатовых на лошадях выехала из Акжара, намереваясь нелегально перейти границу. На полпути, в ущелье Орта-ласты встретились с Жансаровым, работающим заведующим молочно-

товарной фермой колхоза Жас-енбек, который возвращался с отгона на центральную усадьбу. Он и сообщил об этом на заставу. Тогдашний начальник 2-ой заставы лейтенант Холюшкин поднял заставу «в ружье» и понесся преследовать. Когда подъехали к линии государственной границы, которая идет по хребту, увидели в 300 метрах от нее трех стреноженных лошадей и отдыхающих вблизи людей. Добавлю слова самого Холюшкина, рассказанные позже: «За прорыв государственной границы меня будут судить, если их не задержу. За нарушение мною границы – тоже будут судить, если я их вытащу оттуда. Пусть тогда судят, а нарушителей задержу». Ему дали 20 суток ареста отсидеть на офицерской гауптвахте, тем спасли от уголовной ответственности.

Оформив все первичные документы на нарушителя, вызвали автомобиль для перевозки задержанных. Предстояло еще провести несколько опознаний и оформить их протоколами, чтобы окончательно подтвердить, что задержанный является гражданином Тунгатовым Кали. Передать дело и личность следователю, а в погранкниге подвести черту – отметить, что Тунгатов больше не будет беспокоить пограничников. Да простят меня потомки этого человека, если кто есть в живых, но я написал все искренне, как было на самом деле.

Выше приведены два случая нарушения границы и задержания нарушителей, которые остались в памяти. Их бывало немало, происходили они на каждом участке, на каждой заставе. Такова служба на границе, она никогда не бывает абсолютно спокойной. За годы службы в пятидесятом пограничном отряде я был награжден Грамотой Верховного Совета Казахской ССР «За безупречную службу и высокие показатели в боевой и политической подготовке» указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 14 февраля 1951 года. Это была моя первая награда, полученная после Великой Отечественной войны. Она будет приложена в этой книге, если я допишу её.

Я вспоминаю замечательных людей, которые проходили службу в 50 погранотряде: подполковник Гузин, выпускник военной академии, был начальником отряда с 1947 по 1950 годы; подполковник Черноусов, бывший заместитель начальника этого отряда по разведке, стал начальником отряда, потом ему присвоили очередное звание полковника; подполковник Михайлов В.Ф., ставший вместо Черноусова заместителем начальника отряда по разведке. Разведчики: Мухамеджанов, Арыспаев, Масколенко, Каздаев и другие – о всех о них остались самые лучшие воспоминания. Позднее, в 1970-х годах, этим отрядом командовал Байтасов Бахадурбек, с которым мы вместе сдавали вступительные экзамены в Московскую высшую пограничную школу, единственную в стране, которая готовила руководящие кадры для пограничных войск.

Я помню хороших людей, с которыми приходилось работать ежедневно, быть рядом. Антощенко – комендант, Сковорода Г.И. – начальник штаба, Устюгов – замполит, Власенко – секретарь партбюро. Коновалов, начальник заставы Хабар-асу, самый уязвимый, активный

участок границы. Иван Иванович Негрицев, начальник второй заставы, потом стал моим старшим помощником. Яшметов, начальник связи, мариец по национальности, скромнейший офицер. Горбушин, сержант-радиотехник, после демобилизации остался жить в Акжаре, работал комбайнером колхоза. Из руководителей района того времени – Мырзахметов – первый секретарь райкома, Нуржанов Толемис – председатель райисполкома, Габбасов Бектемир – секретарь райкома комсомола, редактор районной газеты, потом избран вторым секретарем райкома партии. Всех не перечислишь. Очень много было хороших, активных работников, постоянно поддерживающих пограничников.

Хорошие соседи были и из рядовых (не военных) людей: Исен и его жена Нагима, братья Кушибаевы, Нурпеис и Нурсеит. Старший сын Нурсеита по имени Тусупбек окончил политехнический институт, стал крупным инженером-гидростроителем. Иманов Мухаметбек, Идриш Кайназаров, заведующий отделом пропаганды и агитации райкома партии. Председатель передового колхоза «Жас-талан» Дутбаев Муске, председатель колхоза имени Сталина Нуразханов, отец Чайкена Нуразханова, Жансаров Амир, о котором упоминалось раньше и другие.

Да пусть возблагодарит вас всех Аллах, усопших – на том свете, здоровьем и благополучием – здравствующих.

В окружении хороших друзей-сослуживцев, добрых и гостеприимных соседей из гражданских лиц этого района, веселее стала жизнь. Однажды, будучи в командировке в колхозе «Жас-талан», разговорился с его председателем Дутбаевым Муске. Он спросил: «Когда был в Курчуме у родителей?». Я сказал, что давно уже не был, хотел съездить, но на пароходе с семьей много времени нужно на пересадки и переезды, а у меня его нет. Уехать на служебной машине, оставив службу без автомашины, тоже не решаюсь. Муске-аға предложил мне новый автомобиль «Победа», которым колхоз премировали за лучшие показатели в районе. Не будем брать никакой платы, только управляйся, как сумеешь, предупреди о выезде за день раньше.

Мы семьей: жена, дети, а младшей еще и годика не было, приехали в поселок Ленинск на новой «Победе». Поселок гудел: «Курмат приехал с семьей на новом автомобиле «Победа», это наш Курмат, с Ленинска, сын старика Рахыма!». В то время в Ленинске такую машину еще не видели. Радовались мы и вся наша родня. На следующий день попросил шофера покатавать аульных детей. Наберет детей человек по десять, свозит их в соседний поселок Сак-асу, в трех километрах, и так несколько рейсов. Все были довольны, и дети, и их родители. Этот случай мне тоже запомнился. Такой подарок в то время могли сделать истинные, бескорыстные друзья, такие, как Муске-аға.

Наступил 1952 год, до нас дошли слухи, что вышел срок пребывания на Крайнем Севере первых посланцев, охранявших и обживавших нашу новую границу на Сахалине, Курильских островах и на Камчатке. Из числа тех офицеров есть желающие продолжить службу в Казахстане. Недолго ждали,

через некоторое время пришла телеграмма о необходимости провести разъяснительную работу среди офицеров, отобрать желающих продолжить службу на Крайнем Севере, Курилах, Камчатке, Сахалине. Желавших оказалось немного, результаты доложили в Москву. Через некоторое время получил приказ по телеграмме: «Проведите через медицинскую комиссию всех начальников отделений разведки с семьями на предмет годности службе и проживанию в условиях Крайнего Севера».

Что же, воинская служба от гражданской отличается тем, что тебя могут поднять в любое время, направить на любой участок, не спрашивая твоего согласия.

На Курилы

«Атың барда жер таны желіп жүріп»
«Есть конь – облети свет, познай мир»
(из казахских афоризмов)

Извечная мечта степняков – проехать быстрее и дальше, увидеть больше и выше! Для этого нужен быстроходный, выносливый, иногда «летающий» конь! За такого коня полцарства готовы были отдать. Ни у меня, ни у моих предков не было такого богатства.

Зато в период моей службы в рядах пограничных войск на государственных быстроходных и выносливых (поезда, корабли) летающих средствах передвижения исколесил немало: советские запад, юг, восток и крайний север.

На нашей родной железнодорожной станции Жангизтобе погрузились с семьей на пассажирский поезд Ташкент-Новосибирск. Через три дня сидели уже на скором поезде Москва-Владивосток. Шесть суток на дорогу – Новосибирск, Иркутск, Чита, Хабаровск, Владивосток. Проезжая вокруг Байкала вспоминали песню «Славное море – священный Байкал, славный корабль – омулевая бочка...». Временами бывает жутко – на огромной скорости вагоны качаются и, кажется, вот-вот перевернутся и полетим прямо в озеро. Томительно-длинная дорога вдоль берега реки Шилка. Обедаем в вагоне-ресторане. Остановки только по большим городам и очень кратковременные, купить чего-либо съестного на остановках не успеваем. Ресторан есть ресторан, обедаем со стопочкой. После обеда обычно становится веселее. В офицерском вагоне одни офицеры, многие с семьями. Домино, преферанс сопровождаются песнями про бродягу и Байкал, про Шилку и Нерчинск, а там и до Баргузина.

Непривычно, когда поезд заходит в туннели, чаще не освещенные. У казахов нашего края (Востока) есть понятие, когда хотят сказать, что кто-то уехал очень далеко, говорят: «Тескен таудан асып кетті» («Уехал за дырявую гору») или «Ит жеккенге кетті» («Край собачьих упряжек»). То есть, уехал за тридевять земель в далекий неведомый край. Вот эти дальние края мало кто посетил из моих земляков, именно Курчумского района Восточно-Казахстанской области.

Приморский город Владивосток, рядом железнодорожная станция, вокзал и морской порт. Удобно для кочующих, как мы. С железнодорожного вокзала на морской порт багаж только переадресуй, а там отвезут и погрузят на морской транспорт по предъявлению билета и квитанции на багаж.

Устраиваемся в офицерскую гостиницу погранвойск на «Гнилом углу» - так называется микрорайон Владивостока. Ожидаем назначения. Начальник

Управления кадров пограничных войск на Тихом океане, полковник, представляет выбор:

- На остров Сахалин – служить пять лет.
- Полуостров Камчатка и Курильские острова – три года.
- Остров Врангеля – два года, без семьи. «Семье предоставят благоустроенную комнату на срок вашей службы. Выбирайте. Подумайте и приходите завтра к десяти часам утра».

Нашему дальнему переезду предшествовали две телеграммы из Москвы, Главного Управления Пограничных войск МГБ СССР. Первая: «Всех начальников разведки проведите через медкомиссию с семьями на предмет годности службе и проживанию в условиях Крайнего Севера. Исполнение доложить. Генерал-лейтенант Стаханов». Через две недели, когда уже результаты медкомиссии были доложены, поступает вторая телеграмма. «Старшего лейтенанта Рахимова К.Р. откомандировать в распоряжение начальника погранвойск на Тихом океане». Тогда начальнику погранвойск на Тихом океане подчинены были три погранокруга: Приморский, Сахалинский, Камчатский. Вот и ехали, не зная, в какой из этих трех округов нас определят.

В гостинице мы всей семьей обсуждали, куда нам ехать. В Приморском округе – бесспорно, что нам не подходит, в Сахалинском – пять лет – многовато. Договорились на Камчатский округ, его части стоят на полуострове Камчатка и по всем островам Курильской гряды, а там куда – посмотрим по приезду в Петропавловск-Камчатский.

С таким твердым решением пришел в указанное время к начальнику Управления кадров. «Ну-с, какое решение принял, товарищ капитан?» «Старший лейтенант» - поправил я. «Я не ошибаюсь, товарищ капитан, следом за вами пришла телеграмма из Москвы, что вам присвоено очередное воинское звание – капитан. С чем и поздравляю» - встает и подает руку. Я ему руку пожал и громко ответил: «Служу Советскому Союзу!» - как это было принято в то далекое время. «На Камчатку поедете вчетвером. Приказ на вас подготовлен, зайдем к генералу, он побеседует с вами и подпишет приказ о вашем назначении». Вызывают нас по алфавиту: лейтенант Арудяев Владимир Андреевич, лейтенант Галузин Виталий Прокопьевич, капитан Рахимов Курмат Рахимович, лейтенант Табакаев Сергей Иванович. Заходим в просторный кабинет генерала Зырянова, по-воински приветствуем. «Проходите, садитесь, товарищи офицеры» - приглашает генерал. Он рассказал об особенностях охраны границы в условиях Крайнего Севера, его климатических, географических и рельефных особенностях. Морская граница, сопредельная «коварная» Америка, почти ставшая ее союзником – Япония, разместившая на своей территории американскую военную базу и шпионскую школу на острове Хоккайдо (город Саппоро), у самой нашей границы, и тому подобное. Напутствовал: бдительность, осторожность, постоянная готовность подразделений к боевым действиям. Пожал каждому руку, сказав: «Доброго пути и успехов в службе. Дизель-электроход «Азия»

пойдет через пять дней. Вчера только вышел из Петропавловска во Владивосток».

Дизель-электроход «Азия» - крупный океанский лайнер, имеет две тысячи только каютных мест, столько же размещает на палубах. Комфорт, которого мы ещё не видели: ресторан, кинозал, магазин, два пивных бара, волейбольная площадка и много другого, интересного. Каюты одно-двух, - четырехместные, отделка – красное дерево, медь, все блестит! Как это все удивительно красиво! Но море – есть море, эту громадину качает. Зыбь, «морская болезнь» действует на нас. Мы привыкли ходить по твердой земле, а тут качает тебя, как бы не держался. На судоверфях Германии этот лайнер строили для Гитлера, как личную яхту. Но фюреру не пришлось ею попользоваться. После войны в порядке репарации забрали её в Советский Союз и перегнали на Дальний Восток. Скорость – 12 миль в час, от Владивостока до Петропавловска идет полных пять суток.

Редко кому из моих земляков восточно-казахстанцев, а, тем более, из села Курчум, выпадает увидеть такое чудо. И в течение пяти суток любовались мы морями, океаном, морскими млекопитающими, которые встречаются, а, иногда, и сопровождают: киты, касатки, акулы, сивучи, морские котики.

Пересекли южную конечность острова Сахалин по проливу Лаперуза, почти по японским берегам, затем гряде Курильских островов. До Петропавловска-Камчатского идти ещё двое суток. А пока по Тихому океану... Терпим нудную, нескончаемую зыбь. Болеем все «морской болезнью». Кормимся сами, кормим детей, иногда выходим на палубу. Благополучно то, что за все эти пять суток не было сильного шторма.

Времени было достаточно, чтобы помечтать, повспоминать о пережитом. Вспомнил, что сегодня, 2 августа, исполняется десять лет, как нахожусь в рядах Советской Армии. Призывался я 2 августа 1942 года Курчумским райвоенкоматом Восточно-Казахстанской области и направлен был в войска НКВД. Первоначальную подготовку проходил в подмосковном городе Кунцево. Это было очень тяжелое время для страны. Ожесточенные бои шли за Сталинград. Ежедневно, затаив дыхание, слушали сообщения Совинформбюро. Голос Левитана вселял уверенность, что мы ещё сильны и победа будет за нами. А на самом деле скребли последние резервы из Сибири и Средней Азии. Эвакуированные на Урал и в Казахстан оборонные заводы ещё не успели наладить производство вооружения.

После окончания учебного курса нас (90 человек из Восточного Казахстана) направили по полкам 15-й дивизии войск НКВД. Я попал в 194-ый полк, который охранял оборонные и стратегические объекты. А через пару месяцев был направлен в дивизионную школу сержантского состава при штабе этой дивизии. В этой школе из Восточного Казахстана учились я, Мамырбаев Исман (из Курчумского района) и Аманбаев из Семипалатинска. Много было из Грузии и Армении. Переростки-москвичи, прятавшиеся от фронта, хотя срок-то не очень большой – 4 месяца. Прошли нормальную программу сержантской школы. Сдали все экзамены, но выпуск задерживали

по неизвестной для нас причине. Через несколько дней поступила программа на тему: «Особенности работы в женских воинских формированиях». И лишь тогда до нас довели, что в сентябре-октябре (1943 года) на службу в войска НКВД будут призваны девушки, которые потом заменят мужчин по охране особо важных объектов. Мужчин будут отправлять на фронт. Когда мы эту, дополнительную программу закончили, уже поступали в наши части девушки из Тамбовской, Мичуринской и других областей. Стали формировать женские отделения, взводы, роты и приступили к обучению по программе первоначальной подготовки в качестве бойца. Мы, сержанты, учили девушек стрелять, ползать по-пластунски, делать перебежки и быстро падать. Иногда давали неудобные команды: «Ложись! Неправильно легла. Встать! Ложиться надо не набок, а на живот. Ложись! Ноги откинуть пошире, носки вытянуть! Носки! Носки! Смотреть вперед! Вперед! Локоть покруче!» - и другие. Старшина роты, сержант Петр Приступа (украинец) ломал голову, переписывая заявку на обмундирование женщин: берет, гребенка, платье нательное, бюстгальтер, пояс, чулки, сапоги и так далее.

Благополучно закончили подготовку женщин, и нас, мужчин стали отбирать для вновь формирующихся воинских частей. Исман Мамырбаев и я оказались в 31-ом пограничном полку, и попали на фронт в декабре 1943 года, а в боях участвовали уже в январе 1944 года.

Замысел советского правительства был такой, чтобы на базе бывших пограничных частей сформировать пограничные войска, которые до достижения старой государственной границы СССР будут резервом командующих фронтами. А по достижению границы останутся на границе (забегая вперед, скажу, что бывший мой 31-ый пограничный полк впоследствии стал 100-м пограничным отрядом, дислоцирован в город Виттенберг, южнее города Кенигсберга).

Белоруссия, населенные пункты: Старые Вайхане, Березино, Лепель, Полоцк, Барановичи, Глубокое, Докшица и граница с Литовской республикой. Политрук объяснял, что нашего освобождения от немецко-фашистских оккупантов ждал братский литовский народ. Нас в этом убеждали. Оказалось, что есть ещё «другой» литовский народ, который на стороне немцев воевал против нас. Бойцы так называемой Литовской освободительной армии нападали на тылы советских войск, устраивали взрывы на железной дороге, пуская под откос воинские эшелоны. Боевые части принимали участие непосредственно в составе немецких воинских частей. В районе Кедайнайского, Росяйняйского уездов орудовала крупная банда, пустившая под откос воинский эшелон. Со станции перед железнодорожным мостом через реку Неман за воинским эшелоном был запущен состав из трех цистерн с горючим, которому придали сильный толчок. По их расчетам, цистерны должны были догнать эшелон за 100-200 метров до моста и ударить по эшелону, который бы загорелся, взорвался и обрушился с моста в реку. Случилось, что удар получился за 400 метров до моста, катастрофа была на суше, но все равно погибла половина личного состава части. Это не единичный случай.

В последних числах ноября 1944 года нашу часть перебросили в район города Гиртаколи. Нам объяснили, что при освобождении этого района советскими войсками, в лесном массиве, который в отдельных местах подходил почти до окраины города, осталась крупная группировка немецких войск. Они, совместно с бандой, скрывающейся на территории Кедайнайского и Росяйняйского уездов, совершают нападения на тылы наших войск, взрывают железные дороги и мосты. Нашим 31-ому и 112-ому полкам приказано ликвидировать эту группировку. Все, что имеется о противнике – карта, масштабом 1:100.000 м, с нанесенным предполагаемым районом их расположения. Карта 1939 года. За прошедшие годы многое изменилось: где не было леса – появились отдельные рощи, из хуторов образовался крупный населенный пункт. Наконец, устарели дороги и тропы. Решено было произвести разведку с целью уточнения объектов, нанесенных на карту, изменения сети дорог, планы населенных пунктов и, главное, информацию о противнике.

С пятью бойцами мы вышли во втором часу ночи из части, расположенной в городе Гиртаколи. Должны пройти вдоль шоссе и выйти к северной части рощи № 2 (смотри схему). К рассвету занять наблюдательный пункт в северо-западной части рощи, пункт № 6. Вести наблюдение в секторе: хутора № 3,4, указанный участок, и все, что там есть (результаты наблюдения) отразить на схеме. Возвращаться тем же маршрутом, вернуться надо не позднее 19 часов.

С трудом передвигались по незнакомой местности, в темноте, пройти должны, по карте, около 12 километров. К назначенному пункту пришли, когда начало светать. Осторожно обошли вокруг предполагаемого пункта и определились, кому и как устроиться и кому что делать. За короткий зимний день мы сумели зафиксировать, что: поляна полукругом ограничивается лесом, размеры ее – около 2 километров в длину (с юга на север) и около 1,5 километра в ширину (2 x 1,5 км). На поляне расположились три хутора, по несколько строений в каждом. Для удобства мы пронумеровали всевозможные ориентиры, в том числе и хутора. Когда начался рассвет, из этих хуторов стали выходить по три-четыре человека вооруженных людей с тяжелыми ношами и уходить в сторону леса (смотри схему). Нанеся все увиденное на схему, доложили по возвращению командованию части. Военный Совет, обсудив обстановку, решил: 1) операцию по ликвидации группировки начинать по прибытию 112-ого полка, который находится в сорока километрах от города Гиртаколи; 2) в ночь на 26 ноября проверить один из хуторов, с целью взятия «языка», из числа бойцов литовской повстанческой армии или лиц, поддерживающих связь с бандформированием.

Вышли в час ночи в составе 10 человек. Старшим назначен лейтенант Носок, заместитель начальника 13-ой заставы, и все пять человек нашей группы, как уже знающей местность и обстановку. В этот раз прошли довольно быстро по уже знакомой нам местности и около трех часов достигли хутора № 5. Хутор охранял часовой, которого мы быстро сняли и

ворвались в дом. В доме оказалась семья и двое мужчин, один из которых – хозяин дома, работавший лесничим, второй – гость. Без шума и криков обыскали дом, нашли оружие, принадлежавшее гостю. Автомат немецкого производства и более сотни патронов. Лейтенант Носок тщательно проверяет документы и вещи, принадлежащие гостю. На улице мы допрашиваем часового, который сказал, что он сын хозяина дома, а приехавший к ним человек представился

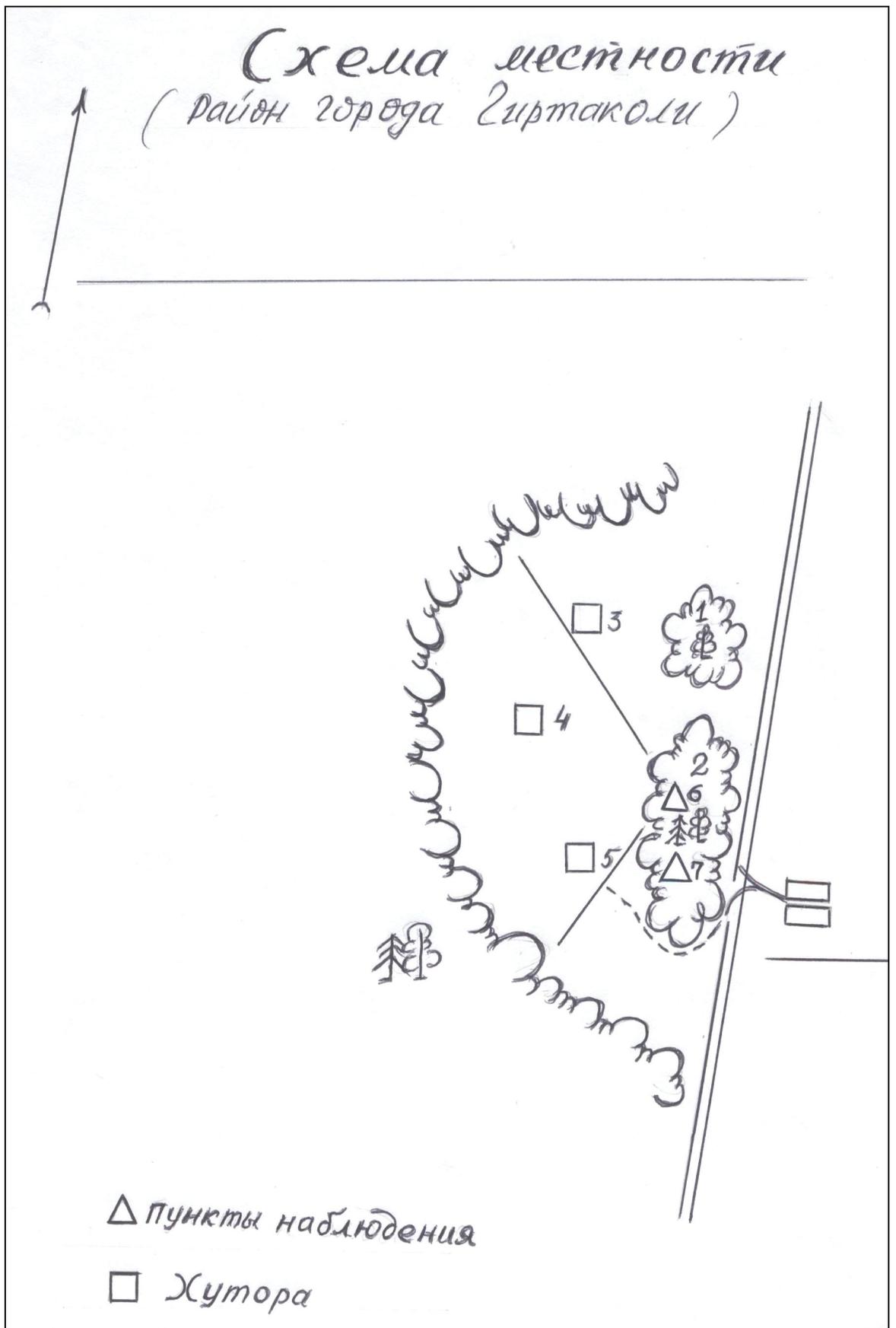

Схема местности

старшим лесничим, что его выставили охранять начальника, выдал ему

оружие – карабин советского производства, 1944 года выпуска!

Начало светать, пора было уже уходить. Забрали обоих мужчин, гостя и часового. Конечно, мы поняли, что документы лесничего – это прикрытие. По тому, как его охраняли – он не рядовой.

Возвращаемся по ранее намеченному маршруту, вдоль опушки леса справа от нас. И вдруг нас обстреляли. Огонь ведут со стороны леса, с правой стороны, людей не видно. Мы залегли, чтобы разглядеть, откуда идет стрельба, пули свистят, раненных пока нет. Мы же не стреляем, потому что никого не видим. Прошли 2-3 томительных минуты, в сумерках заметили около двадцати человек, атакующих нас, расстояние показалось примерно 150-200 метров. Подпускаем ближе, остается около ста метров. Мы дружно открыли огонь со всех автоматов и ручного пулемета. Часть противников стала падать, другая продолжает атаку, ведя огонь на ходу. Ранен у нас Захарченко, лейтенант Носок приподнялся, желая что-то сказать, не успел – упал, сраженный насмерть. Бой продолжается. Я принял командование: «Подготовить гранаты!». Число атакующих значительно уменьшилось, но они продолжают атаку, всё ближе и ближе. Дальше допускать нельзя. Подаю команду: «Гранаты!» - и полетели десяток гранат. Ведем огонь со всего оружия, что у нас есть. Семик Михаил приподнялся, пытаясь бросить гранату – не успел, пуля противника угодила в его гранату, и она взорвалась в его руках, оторвав ему левое плечо. Он рухнул, как будто его сбросили. Убит. Но наступающие, оставшиеся в живых 4 или 5 человек стали уходить в сторону леса. Мы их преследовать не стали. Подобрал убитых и раненных, вместе с двумя пленными, возвратились с тяжелыми потерями. И взятые «языки» не радовали. На допросе оба дали признательные показания. «Гость» оказался начальником штаба батальона литовской повстанческой армии – «язык» был отличный.

Когда я вспоминаю этот бой, перед глазами стоят так нелепо погибший от собственной гранаты Семик Михаил, лежащий лицом вниз лейтенант Носок, его офицерский ремень пробит пулей. Захарченко тяжело ранен в правую руку. Все они были рядом со мной, в 3-5 метрах!

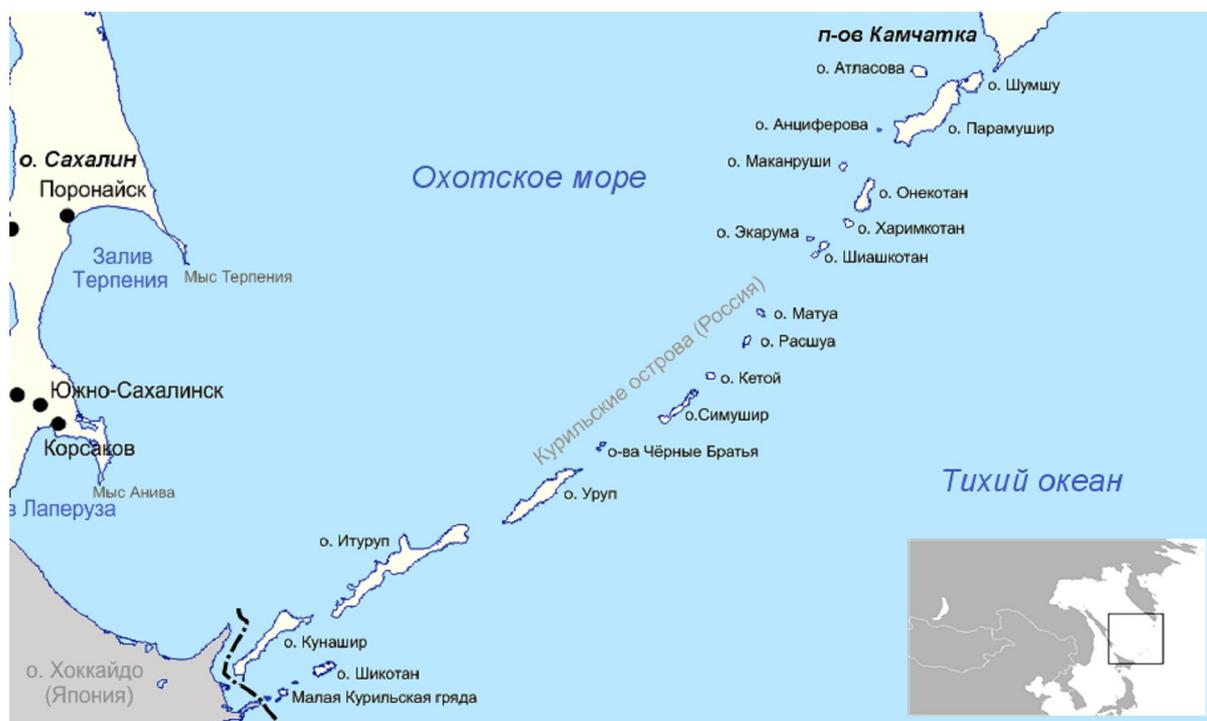
Петропавловск-Камчатский

Во второй половине дня прибыли в порт Петропавловск-Камчатский. После встречи и размещения нас по гостиницам, сказали, чтобы завтра, к 10 часам прибыть в штаб округа (Камчатского пограничного округа) за назначением. На дорогу от города Зайсан Восточно-Казахстанской области до Петропавловска-Камчатского ушло 29 суток. Что дальше нас ждет – скажут завтра.

Полуостров Камчатка – наш, советский, там наши города и население, крупный портовый город Петропавловск, где мы остановились. Нас интересуют некоторые данные о Курильских островах, где расположены пограничные отряды. Читаем литературу: Курильские острова – архипелаг на границе Охотского моря с Тихим океаном, расположены между островом

Хоккайдо (Япония) и полуостровом Камчатка. Включают более 20 значительных островов и множество мелких островков и скал, входящих в состав Сахалинской области СССР. Общая площадь – 13,6 тысяч квадратных километров. Состоят из двух параллельных гряд островов, представляющих собой вершины мощных подводных хребтов: Большой Курильской гряды, вытянутой на 1200 километров, и Малой Курильской гряды, которая окаймляет только южные оконечности Курильских островов (120 км), отделяясь от них Южно–Курильским проливом. Курильские острова разделены глубокими проливами, в том числе Крузенштерна и Буссоль, которые делят Большую гряду на три группы островов: северную (острова Шумшу, Атласова, Парамушир, Маканруши, Онекотан и др.), среднюю (Расшуа, Матуа, Кетой, Симушир) и южную (Уруп, Итуруп, Кунашир и Шикотан). На выделенных шрифтом и подчеркнутых островах дислоцировались воинские части, в том числе и пограничные войска.

Курильские острова. Фото Internet

Кто из нас и куда попадет – скажут завтра. А пока внимание к семье. Моя добрая, красивая и скромная Раиса Абдуллоевна, старшей дочери Алие – четвертый год, младшей – Галие – второй годик. Они тоже тяжело перенесли пятидневную качку. Сейчас спят на одной кровати довольно скромно обставленной офицерской гостиницы. Мы с женой разговариваем шепотом, чтобы не разбудить детей. «А сколько ещё плыть до этих островов, где части дислоцируются?» - спрашивает жена. И ей досталось за эти пятеро суток, сама тяжело переносила качку, да за детьми ухаживала, помогала, успокаивала, кормила. Хорошо, что у неё огромное терпение, рассудительность. «До островов не так далеко, - отвечаю ей, - до Северо-

Курильска на военном корабле – 8 часов, а до Симушира – сутки, до Итурупа – до полутора суток. Корабли быстроходные, в два раза быстрее, чем электроход «Азия». Не переживай, мы же получили первую закалку. Давай будем спать». Только легли мы, проснулась старшая и с сонными глазами спрашивает: «Мама, мы приехали или нет, что-то качает?». Не прошли ещё у ребенка последствия этой пятидневной зыби (медленной качки). Успокоили ребенка и уложили.

К десяти часам следующего дня мы встретились в штабе округа. Первым вышел от генерала Табакаев, широкая улыбка, на седьмом небе! Его оставили на Камчатке – заместителем начальника Озерновской заставы. Он на всех инстанциях просил, чтобы его оставили на Камчатке по состоянию здоровья жены. Удовлетворили его просьбу. Вторым вышел Володя Аргудаев, его направили на остров Симушир заместителем начальника второй заставы (первой погранкомендатуры, 109-го погранотряда). Третьим – Галузин, - заместителем начальника первой заставы (первой погранкомендатуры, 109-го погранотряда), остров Симушир. Все определились, кроме меня. Захожу я. Генерал, рядом с ним начальник отдела кадров, подполковник, докладывает: «Начальником погранвойск на Тихом океане капитан Рахимов назначен заместителем коменданта первой комендатуры, он же начальник разведки». Генерал же предложил мне должность заместителя начальника отдела разведки 109-го погранотряда, дислоцирующегося на острове Парамушир, на самый большой остров северной части Курильской гряды. На острове – портовый город Северо-Курильск, районный центр Северо-Курильского района. Население – около 20 тысяч человек. «Назначим Вас заместителем начальника отдела разведки. А пока будете временно исполнять должность начальника отдела разведки (он же заместитель начальника отряда по разведке). Вчера поступила телеграмма от Агеева (полковник Агеев – начальник 109-го погранотряда), просит срочно откомандировать Попова, начальника отдела, во Владивосток в связи с тяжелым заболеванием жены. Соглашайся». Для меня это – повышение в должности и в зарплате, и жить оставаться в городе, какой не есть, удобнее, чем на Симушире. «Согласен, товарищ генерал. Буду стараться». «Поживите, через пару дней туда пойдет сторожевой корабль «Киров» и развезет вас по местам».

Город Северо-Курильск

Попрошавшись с товарищами, которые остались на корабле, мы с семьей высадились в городе Северо-Курильск. Маленький, но очень шумный портовый город, у причалов стоят рыболовецкие, торговые, транспортные, пассажирские пароходы. Немного в стороне – военные корабли, малые суда пограничных частей. Через пролив, напротив города, в двух милях – остров Шумшу, ровнейший остров, как будто природа создала его для аэродрома. На нем и аэродром, и приемо-передаточный радиоцентр, навигационное оборудование и др. Город Северо-Курильск состоит, в основном, из одно-

двухэтажных деревянных домов. Из промышленных предприятий: рыбоконсервный, туковый, судоремонтный заводы и кондитерская фабрика. Население – около 20 тысяч человек, занято на этих предприятиях и приписанных судах (рыбаки, портовые рабочие и военнослужащие).

Встретили нас офицеры, сразу же отвезли на подготовленную квартиру, вернее, домик из двух комнат и кухни, печного отопления. Мы все, жена и дети довольны, что сидим на твердой земле, да ещё в отдельном уютном домике. Соседом оказался начальник политотдела отряда полковник Денисов. Довольно молодой полковник, не по возрасту седой, недавно похоронил 17-ти летнюю дочь, утонувшую, купаясь в высокогорном озере вулканического происхождения. Сосед нас также принял гостеприимно, напоил чаем и на первое время дал нам необходимую посуду. Итак, мы обосновались в городе Северо-Курильске. Надолго ли?

Отдел принял, а на следующий день, к вечеру, уже «трясли потники» (тоқымын қағу – казахский обычай чистить потники, чтобы конь не набил спину) отъезжающему Попову, с обязательным присутствием спирта, шампанского и обильной закуски из рыбопродуктов: красной икры, крабов, малосольной сельди и т.д., потому что поздно вечером он должен отбыть во Владивосток на теплоходе «Норильск». Это было во второй половине августа месяца 1952 года.

Рабочие дни идут так же, как и на материке. Но здесь сложнее тем, что передвижение только по воде. Сухопутных дорог для автомашин, даже для гужевого транспорта мало. На небольшие расстояния идем пешими по гористым, каменистым дорогам довольно резко пересеченной местности. Командировки, в основном, по своим подразделениям: заставам, постам, контрольно-пропускным пунктам. Все вроде идет нормально.

Особенности. Привыкаем к особым условиям охраны морской границы. Снабжение значительно лучше, чем на материке, особенно по сравнению с Казахстаном, откуда мы приехали. Обилие рыбопродуктов (разной рыбы, красной икры), сливочного масла, мяса, мороженого в блоках – все свободно и никаких очередей. По выходным идем на рыбалку, интересно ловить самим, на крючки, на блесну; иногда всей семьей проводим время на морском берегу.

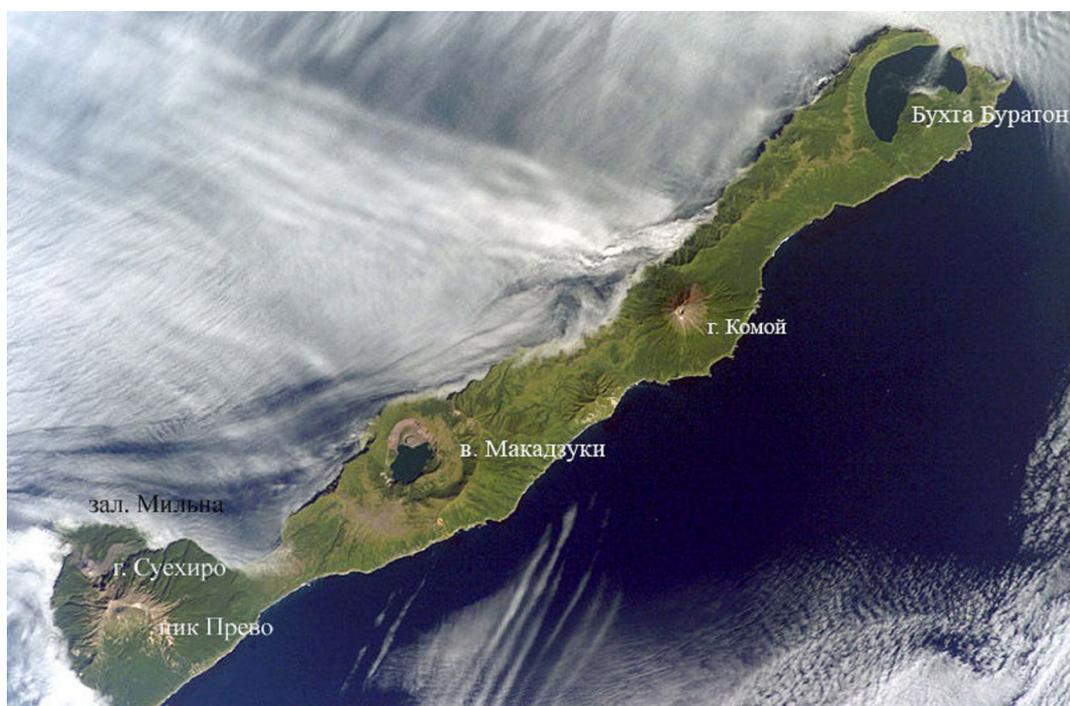
Живем и работаем два месяца, привыкли к шумной городской жизни, к частым штормам и землетрясениям. Написали письма ко всем нашим родным, знакомым и сослуживцам, оставшимся на материке. Но неожиданно для нас получаем телеграмму от начальника погранвойск на Тихом океане, генерала Зырянова. Содержание телеграммы: «Отправьте Рахимова по назначению – остров Симушир. На Северо-Курильск навигация круглый год, направим замену в любое время. Зырянов».

Мы опять упаковываем вещи, сдаем все, что принимали по работе и ждем, когда придет корабль, который должен нас доставить на остров Симушир.

Остров Симушир

Знакомимся пока с островом. В материалах, имеющихся в штабе отряда, написано, что остров Симушир находится в средней части Большой гряды Курильских островов. Площадь – 320 км², высота – до 1539 метров.

Цепь вулканических конусов, слившихся подножьями, действующий вулкан Прево (1360 м). Остров Симушир вытянут с юго-запада на северо-восток на 59 километров, при ширине от 3,6 до 13 километров и имеет форму грубого прямоугольника, пережатого до 3,6 км в средней части. Высокие потухшие и действующие вулканические массивы соединены здесь холмистыми поверхностями и низменностями, ещё недавно бывшими под уровнем моря. Сравнительно ровная северная и северо-восточная часть острова, где расположена (дислоцируется) первая погранкомендатура. Военный городок – у самого берега бухты Буратон (Броутона).

Остров Симушир. Фото Internet

В южной части острова возвышается величественный вулкан Симусиру (пик Прево) 1360 метров высотой, в 5 километрах юго-западнее его – гора Суехиро (644 м). Вместе с конусом Симусиру она занимает южную часть острова. Южная часть, расширяющаяся до 13 километров, занята вулканическим массивом горы Мильна. Все высокие массивы и большая часть холмов здесь сложены кристаллическими горными породами, базальты горы Симусиру использовались айнами (коренными жителями Курильских островов) для изготовления наконечников стрел.

Склоны гор обычно круты, расчленены глубокими эрозионными бороздами, с обрывами и крутизнами, а местами покрыты у подножья каменными осыпями.

Сухопутных дорог на острове нет. В зимнее время, когда выпадет довольно большой слой снега, пограничники передвигаются по более равнинным местам на лыжах, а горные кручи и хребты преодолевают пешими. Самый продолжительный горный хребет в средней части от горы Комой (244 м) и пика Ура-то-мане (Уратман) до вершины Макадзуки, с крутыми обрывами с обеих сторон (со стороны Тихого океана и Охотского моря) преодолевается по натянутому канату. Скорость ветра иногда достигает 40 метров в секунду. С восточной стороны на берегу Тихого океана расположена погранзаства № 3. За хребтом, со стороны Охотского моря – застава № 2. Недалеко от заставы – небольшие речки, на которых установлены примитивные «гидрушки» - ГЭС, освещающие жилые помещения заставы.

Речная сеть на острове негуста. Небольшие речки и ручьи (большинство из них нерестовые) растекаются от горных массивов во все стороны, впадая в бухты и нередко низвергаясь высокими водопадами с береговых круч. Речка Самусиру стекает с западного склона горы Мильна в бухту Самусиру и в прилив достаточно глубока в устье, чтобы войти в неё на шлюпках. Несколько речек на юго-восточном берегу несут воду в бухту Накаура. Водопады доступны на юго-западном берегу. При отливах можно пройти по прибойной полосе и встретить стометровый водопад. В срединной низине у подножья вулкана Симусиру находится небольшое, но глубокое бессточное озеро. Старожилы называют его «озеро Бирюзовое».

Растительный покров острова Симушир более разнообразен, чем на других островах, расположенных севернее. Наибольшую площадь занимают заросли кедрового стланика, кустарниковой ольхи. Несколько меньшую площадь – каменная береза, в местах, защищенных от ветров. На плоских поверхностях морских и речных террас значительные площади заняты травяными и моховыми болотами.

В морских водах много сивуча, лежбища которого находятся на юго-западе и северо-востоке с океанской стороны острова на прибрежных скалах. Много нерпы, редко встречается морской бобр. На скалистых побережьях множество морской птицы, на море – несметное количество уток. Из наземных млекопитающих – много мелких грызунов и лисиц, встречается песец. Северный берег большей частью скалист. Поблизости имеются подводные банки и надводные скалы.

Бухта Буратон в состоянии вместить в себя несколько десятков военных судов, это лучшая бухта на северо-востоке, и в будущем она будет полезна как морской военный порт. Это типичная кратерная бухта формы полумесяца, оконтуренная крутыми и высокими пемзовыми стенками древнего кратера. Площадь 1,8 x 5,4 км.

Бухта Симусиру (Мильна, Milne bay), вдаваясь в глубь берега на 0,9 км и имея ширину около 3,7 км, является открытой, но вполне защищенной от восточных и южных ветров, глубина её 16-18 метров, песчаный грунт, побережье отлогое, низменное.

Близ устья реки Симусиру на месте удобной высадки у японцев находился лисий питомник. В настоящее время здесь образовался рабочий поселок «Скалистый» китобойного комбината, на котором работают около 800 человек. Общая численность населения – более полторы тысячи человек. Кроме китобойного комбината поблизости расположена метеостанция и подразделения артиллерийских и ракетно-технических войск.

Эти данные мы узнали из документов, имеющихся в штабе отряда. Теперь нам предстоит жить и нести службу в этих местах. В октябре 1952 года мы прибыли на остров Симушир, у причала бухты Буратон нас встречают: комендант участка подполковник Бабенко, начальник штаба майор Власов, заместитель коменданта по снабжению старший лейтенант Стребков Иван Зосимович и наши старые знакомые Володя Аргудяев и Виталий Галузин.

Приняли нас хорошо, устроили общий обед и отвезли в подготовленную квартиру двухквартирного дома, сложенного из деревянных брусьев. Всё, что мы читали в документах, видим своими глазами, стоим на этой далекой, недавно освоенной земле.

Через пару дней комендант предложил мне и ещё двум офицерам пройти по острову пешими. Побывать на всех заставах, заодно изучая территорию, пути движения по острову после закрытия навигации. Передвижение по острову очень сложное. Дорог нет. Иногда заметны отдельные обрывки тропинок, протоптанные людьми. Крутые, скалистые подъемы и спуски, осыпи, обрывы затрудняют движение. Максимальная нагрузка – 23-25 километров в день. От бухты Буратона до поселка «Скалистый», где стоит наша первая застава, нужно идти два дня.

Прошли остров с севера до его юго-западной оконечности. Попутно изучая возможные ориентиры, на случай, если застанет в пути снегопад, метель, а иногда густой туман (в летнее время). Места расположения землянок, которые в зимнее время служат местом спасения от непогоды.

В этих землянках всегда бывают заготовлены нарубленные дрова, прямо вложенные в железные печки. По законам Севера обязательно оставляют крупу, соль, спички, сухари. Такие землянки устраивают через каждые 8-10 километров пешеходного пути. Изучаем участки пути, которые бывают непроходимыми в отдельные периоды года, возможные обвалы, оплывины, подтопления после ливней и тому подобное.

Видели мы заросли бамбука карликового, внешне похожего на настоящий, только низкорослого, от 0,6 до 1,5 метров высотой. Причем, чем дальше к югу продвигались, тем крупнее становился бамбук.

Крупные кустарниковые заросли ольхи, рябины и, редко, «каменные» березы. Березы низкорослые, перекрученные, шишковатые, особенно растущие на незащищенной от ветров местности. В ущельях, в защищенных от ветра местах встречаются и стройные березы, кедры, рябина.

На этом пути мы преодолели более десятка ручьев и речек, через которые можно просто перешагнуть. Но в них водится форель – настоящая царская рыба. На второй день мы подошли к тому замкнутому озеру, о

котором читали в документах. Стоя в 500 метрах от берега видишь неопишную красоту! Чаша (круглая) озера, заросшая по берегу зеленым кустарником, отражающимся в водной глади, отчего, начиная от поверхности озера и высоко вверх, в атмосфере, все кажется бирюзовым. Любуешься, глаз не оторвать! Уходим, оглядываясь назад, на озеро. Мы ещё вернемся сюда.

Проходя более равнинным участком острова, где расположены воинские части и метеостанция, видели заросли многолетних бобовых растений. Недалеко отсюда бывший лисопитомник. Чтобы содержать лис, японцы завезли на остров мышей и крыс, которые росли и размножались, поедая засеянные японцами же многолетние бобовые культуры. Так японцы без больших затрат выращивали чернобурых и серебристых лисиц, меха которых очень дорого ценятся. После ухода японцев питомники разорили, лис выпустили на волю и они самостоятельно, без участия людей, росли и размножались. Их развелось так много, что можно было охотиться на этих чернобурых и серебристых красавиц.

Китобойный промысел

На китобойном комбинате договорились, что я со своей семьей буду зимовать в поселке китобойцев «Скалистый». Директор комбината Василий Андреевич Гордейчук обещал дать квартиру и обеспечить на зиму топливом. На следующий день на комбинатском катере возвращаемся в штаб комендатуры, и на этом же катере я должен переехать в поселок. Переехали, устроились, живем уже около недели и вдруг... в пятом часу ночи с 4 на 5 ноября проснулись от сильного землетрясения. Дети спят, мы с женой вышли, походили, посмотрели, как от рядом стоящей скалы летели камни к берегу океана. Подождали, легли, но уснуть не успели, прибегает связной, сообщает, что всех офицеров приглашают к аппарату.

Вот что было передано по аппарату: «У аппарата Агеев, передаем открытым текстом. Слушайте все! Город Северо-Курильск разрушен и смыт полностью цунами. Штаб разрушен, документы пропали. Вал идет со скоростью примерно 450 км в час на юго-запад. Примите меры безопасности людей, боеприпасов, продовольствия. Установить прожектора у берегов с океанской стороны и круглосуточное наблюдение. Обстановку докладывать по четным часам. 6 ноября по островам пойдет сторожевой корабль «Дзержинский». Руководителям прибыть на Парамушир с этим кораблем. Получите подробные указания и документы. Агеев. 5 ноября 1952 года, 7 часов 31 минута».

За несколько часов мы вместе с руководством и специалистами китобойного комбината установили круглосуточное наблюдение за океаном, осветили прожекторами поселок и побережье океана, вывезли продовольствие и боеприпасы на безопасные места. Радисты комбината (по международному договору все радиостанции, работающие в бассейнах морей и океанов, два раза в каждый час прекращают работу и только слушают возможные сигналы SOS) засекли, что американская радиостанция открытым

текстом передавала: «Американское военное командование оповещает жителей тихоокеанского побережья, что цунами, образовавшееся от сильного землетрясения и пересекающее Тихий океан, распространяется со средней скоростью 750-800 км в час с востока на запад в направлении Камчатки и Курильских островов».

Население поселка в панике. Пришлось проводить разъяснительную работу, что у нас установлено наблюдение и в случае чего население своевременно будет оповещено. В одиннадцатом часу часовой, стоящий у берега, доложил, что прошло 3-4 волны, нехарактерных для обычных волн: значительно длиннее и проходящие по диагонали к действующим волнам (наискосок), пересиливая ветровые волны. Мы подсчитали, что по времени это - затухающие волны цунами. В течение дня и до следующего утра ничего тревожного не было замечено.

К вечеру 6 ноября подошел корабль «Дзержинский» и мы отбыли в направлении острова Парамушир. Попутно взяли всех офицеров, которым было приказано явиться. В седьмом часу вечера (к 19.00) 7 ноября прибыли к острову Парамушир. Ещё с борта корабля увидели, что место, где стоял город – опустело. На сопках напротив Северо-Курильска горели костры, вокруг которых ходили фигуры, силуэтами мало напоминавшие людей, кто в чем одет или только прикрыт. Это были оставшиеся в живых люди, лишившиеся крова, одежды - всего, ожидающие помощи и эвакуации. Шел снег, мела метель.... В ночь мы остались на корабле.

Что мы увидели утром, выйдя на берег к причалу! В результате стихийного бедствия на месте города Северо-Курильска образовалась почти пустая площадь, в несколько квадратных километров. О существовании здесь города напоминают лишь отдельные фундаменты снесенных волной зданий, выброшенных обратно на берег крыш да одиноко стоящий памятник воинам Советской Армии – стальной трехгранный обелиск. Беспорядочно разбросаны машины, станки, далеко вверх заброшены небольшие катера и самоходные баржи. Удивительно, что тяжелые танки, опрокинутые кверху гусеницами, оттащило волной на несколько метров от места стоянки.

Городская территория образована низменностью, постепенно возвышающейся к склонам гор. Низменность, высотой 1-5 метров над уровнем моря, окаймляется террасовидными возвышенностями, лежащими у склонов гор, окружающих город, низменность пересекается речкой, впадающей в залив. На террасовидных берегах речки, на высоте 10-20 метров расположены окраинные дома Северо-Курильска. В этом же районе было здание штаба пограничного отряда, а чуть поодаль – дом начальника отряда полковника Агеева. Поэтому и его дом сохранился, и сами остались живыми и здоровыми. А здание штаба снесло вниз, к заливу, на 20-25 метров в полуразрушенном состоянии. Такая жуткая картина и на войне встречается нечасто, чтобы вмиг вместо города образовалась пустота.

Часовой, стоявший в ту ночь у штаба отряда, рассказал следующее:

«В 4 часа утра 5 ноября в городе Северо-Курильске началось сильное землетрясение, продолжавшееся с перерывами примерно 30 минут, которым

были разрушены здания и сооружения города. Затем услышал сильный шум со стороны моря. Ещё через миг увидел большой высоты водяной вал, наступавший с моря на город, слышны были крики: Вода! Вода! Спасайтесь! Кто-то открыл стрельбу, видимо предупреждающую людей о наступающей беде. Много людей, выбегающих из квартир, в чем попало одетых, бегущих в панике, в сторону горы. Большинство в нательном белье, босяком, с детьми....

Через несколько минут наступил первый вал и при отходе унес в море примерно полгорода. Люди, не успевшие опередить волну, погибли. Их унесло в море вместе с городскими строениями.

Не прошло ещё 10 минут после схода первой волны, как вновь хлынул вал воды ещё большей силы и величины, чем первый. Вода, не встречая на своем пути сопротивления (первый вал смел значительную часть зданий), с исключительной быстротой и силой хлынула на сушу, совершенно уничтожая оставшиеся дома и постройки. Этой волной был разрушен весь оставшийся город, в том числе и наше здание штаба отряда, которое я охранял. Погибло много людей, не успевших добраться до возвышенности. Многих бежавших взрослых и детей волна настигла и поглотила в пучине.

Проснувшись, прибежал начальник отряда, оглядев оголенное место бывшего города, сказал, что погибли офицеры, проживавшие в центре города, в том числе семья начальника политотдела полковника Денисова. Сам Денисов находится в командировке».

Слушая рассказ часового, я вспомнил о своем домике, где мы прожили в Северо-Курильске 2 месяца, ведь этот наш дом стоял рядом с домом полковника Денисова. «Судьба! – подумал и вспомнил, что настойчиво требовал генерал Зырянов моего переезда на остров Симушир. Кто знает, что бы с нами было, останься мы жить здесь, в Северо-Курильске».

Часовой продолжал рассказывать, что не успела сойти вода второй волны, как хлынула третья и вынесла в море все, что ещё находилось из построек в городе. На протяжении 20-30 минут (во время двух почти одновременных волн огромной силы) в городе стоял ужасный шум бурлящей воды и ломающихся зданий. Дома и крыши домов кидало, как спичечные коробки и уносило в море. Пролив, разделяющий острова Парамушир и Шумшу, сплошь был заполнен плавающими домами, крышами и другими обломками.

К 6 часам утра 5 ноября 1952 года вода стала сходить и очистила остров. Но вновь начались незначительные подземные толчки, и большинство спасшихся людей оставалась на сопках, боясь спускаться. Воспользовавшись этим, отдельные группы из гражданского населения и военнослужащих начали грабить оставшиеся на склонах сопки дома, разбивать разбросанные по территории города сейфы и другое, не унесенное в море имущество.

К 7 часам по приказу начальника отряда развернули запасную радиостанцию и руководство отряда пыталось связаться с подразделениями. Однако многие на связь не вышли. Почти все подразделения,

дислоцирующиеся на острове Парамушир, пострадали. Полностью погибла вторая погранкомендатура на острове Онекотан. Весь военный городок вместе с личным составом всех застав и самой комендатуры, офицеры с семьями – всех до одного унесло водой. Никто не спасся, да и спасать их было некому. Многие офицеры с семьями погибли и в городе Северо-Курильске. Почти полностью разрушены и унесены волной поселки Океанское, Утесное, Левашово, Каменистый, Галкино, Подгорный и другие.

Матрос с катера, стоявшего у причала, рассказал, что после землетрясения вода ушла от берега, оголив дно океана примерно на 500 метров. Другой очевидец рассказывал, как две девушки вели под руки старушку, преследуемые приближающейся волной, они старались бежать быстрее к сопке. Старушка, выбившись из сил, в изнеможении опускается на землю, она умоляет девушек оставить её и спастись самим. Но девушки сквозь шум и грохот надвигающейся стихии кричат ей: «Мы тебя все равно не бросим, пусть все вместе утонем». Они поднимают старушку на руки и пытаются бежать, но в этот момент набежавшая волна подхватывает их и так всех вместе выбрасывает на возвышенность. Они спаслись.

Моторист катера, очевидец и участник спасения пострадавших, рассказывал: «Мать и малолетняя дочь Лосевых, спасаясь на крыше своего дома, волной вместе с крышей были выброшены в пролив. Они кричали, взывая о помощи, недалеко от них на плавающей доске маленькая девочка, как потом узнали, Светлана Набережная. Их увидели люди, находящиеся на сопке и передали экипажу катера, прося спасти их. В это время пролив был сплошь заполнен плавающими (деревянными) домами, крышами, разным снесенным волнами имуществом, мешающими плаванию катеров. Еле отойдя от берега острова Шумшу, катер медленно пробивался, эти минуты для наблюдавших с сопки и для ждущих помощи казались вечностью. Наконец-то катер подошел к плавающей крыше, и матросы аккуратно сняли Лосевых, а затем осторожно снимают с доски Светлану».

Спасательная работа была организована, по моим оценкам, на удовлетворительно. Подключены были (привлечены) все суда, находившиеся в бассейне Тихого океана и Охотского моря. Некоторых людей, «плавающих» в море на обломках, находили через трое суток.

По предварительным данным, из числа населения, проживавшего в населенных пунктах острова Парамушир, погибло около 13 000 человек.

Позднее стало известно, по признанию ученых, что землетрясение, вызвавшее цунами, было сильнейшим для Курило-Камчатского региона за период 300-летней истории Камчатки. Цунами, сопровождавшее землетрясение, распространилось более чем на 700 километров вдоль восточного побережья Камчатки и Курильских островов. Это землетрясение и цунами по силе и нанесенному ущербу служат эталоном для сравнения с возможными здесь в будущем катастрофами, случающимися чрезвычайно редко.

Удар стихии приняли на себя Курильские острова и оградили от бедствия остров Сахалин и весь советский Дальний Восток.

Более сильное землетрясение и образовавшееся цунами произошло, как мы знаем теперь, 26 декабря 2004 года в Индийском океане у острова Суматра, когда погибло, по разным оценкам, от 165 до 230 тысяч человек. А до этого печальный рекорд был за Курильским землетрясением и цунами.

К 11 часам 8 ноября нас собрали в клубе, сохранившемся с небольшими повреждениями. Присутствовали представители 60-го погранотряда, штаб которого находился в городе Петропавловск-Камчатский. Здесь же объявили, что в связи с тем, что 109 погранотряд понес большие потери личного состава, особенно офицеров, техники, жилья и оборудования, а пополнение принимать и размещать негде, руководством погранвойск Союза ССР принято решение о расформировании 109-го погранотряда. Знамя части и сохранившиеся подразделения передать 60-му погранотряду. Начальник отряда тут же передает знамя представителям 60-го отряда, а они нам выдали инструктаж и шифры к документам. Расстроенные увиденным и услышанным, с тяжелыми мыслями, возвращаемся мы по своим подразделениям.

Еду и думаю. Судьба. Опять судьба. У города Гиртаколи друзей потерял, которые рядом со мной были, сам остался жив. От гибели при землетрясении в Ашхабаде, где почти все 130 тысяч жителей погибли, уехал раньше, родители настояли. Здесь, на Курилах, генерал Зырянов настоятельно требовал, чтобы меня отправили на остров Симушир! Тоже судьба?

Я воспитывался атеистом: пионерия, комсомол, партия – все убеждали меня, что никакого создателя нет. Все в мире существует вечно, как и сам мир никем не создан. Не верил в судьбу. А теперь ищу ответа, анализируя случаи с боями на фронте и стихийными бедствиями в Ашхабаде и на этих Курильских островах....

Опять Симушир

Теперь уже продолжаем службу в составе 60-го погранотряда. Мы остались зимовать в поселке китобойцев, рядом с заставой № 1 нам отвели небольшой домик, заготовили дрова. Рядом же протекает речка Симусиру, из неё берем питьевую воду. Продуктов в магазине достаточно. Иногда выходим на рыбалку, охотимся на сивуча.

Выполняем ту работу (задание), которая на меня возложена. Дела идут неплохо. В декабре выпал снег, около 1,5 метра. Солнца не видим неделями, оно редко показывается, и то на несколько часов. Основной состав комбината после окончания путины уехал на материк. Здесь остались ремонтники, связисты, медработники, снабженцы - всего около 200 человек. Начальник заставы – старший лейтенант Статенин с семьей, его заместитель – молодой офицер, выпускник Суворовского училища, лейтенант Сорокин Виктор Тимофеевич, холостой. Работаем вместе, помогаем друг другу. Частенько проверяем службу нарядов, в основном в ночное время. Кроме участия в организации службы пограничников я подыскиваю нужных мне помощников

и ненужных «элементов» преступного (в смысле нарушения границы) мира.

Рядом с поселком китобойного комбината, в 3-х километрах, расположен поселок метеорологов. Это мощное и высокооснащенное по тому времени учреждение, обеспечивающее информацией все Курильские острова и остров Сахалин, работают около 20 специалистов. Поселок расположен у самого берега океана. Тут же работают несколько офицеров и десяток матросов, обслуживающие небольшую группу катеров и самоходные баржи, обеспечивающие погрузку и выгрузку людей, грузов для метеостанции и воинских частей. При воинской части служит оперуполномоченный особого отдела, лейтенант, уроженец города Малоярославля. С ним мы контактируем по работе, иногда проводим совместные мероприятия. Это – будни, повседневная работа. А время идет день за днем, как всегда.

Однажды ко мне приходят два хорошо знакомых человека с китобойного комбината, один из них механик по ремонту оборудования, другой – токарь, мастер золотые руки. Он мне выточил рюмочки из зуба кашалота, очень хорошие рюмки, на высоких ножках, вместимостью по 30 мл. «Пришли с вопросом, - говорит токарь, - давно не ели свежего мяса. Когда привозили китов, мы часто брали на котлеты у усатых китов мясо, губы, язык, сердце, семенники, - в общем, что понежнее и питательнее. А теперь уже более двух месяцев нет свеженины». «Поэтому?» – спрашиваю я. «Приглашаем вас на охоту». «На кого охотиться?» - спрашиваю. «На сивуча». Я, вообще-то, охотник, ходил на птиц, на сухопутных животных и зверей, но на сивуча – не приходилось.

Добро, берем винтовку, патроны, и идем к берегу океана. Пригласили Статенина, он отказался. Взял я с собой Виктора Сорокина.

Сивучи с ревом проходят по заливу один за другим, иногда по несколько особей, примерно в 300-400 метрах от берега. Ветер дует на берег, то, что и надо. «Кому поручим убивать сивуча? – спрашиваю. «Старшему» - сказали все трое разом и лейтенант Сорокин подаёт мне винтовку. Стрелял я хорошо со всего стрелкового оружия, что было на вооружении в армии. Но здесь – непривычные обстановка и цель, да и море немного волнуется. Как бы не оскандалиться. Хорошо прицелился на самого большого сивуча из стаи и выстрелил. Зверь подпрыгнул и вода окрасилась кровью. Убил, не убил, но попал, это уже результат, смеяться не будут. Через несколько минут зверь перестал биться и его стало прибивать волной к берегу. Готовим багры, веревки, дополнительно позвали ещё двух человек. Ждем, пока можно будет достать багром с берега.

Вытащили и волоком по снегу приволокли к заставе. Мужики освежевали, взяли сколько надо. Потом к этой туше поставили чурбак и топор – для желающих угоститься сивучатинкой – таков закон севера. С большой добычи надо делиться. Специально определили, что вес сивуча около 800 кг. Взяли и солдаты в солдатскую кухню, взял и я кусок. Принес домой, а Рая спрашивает: «хэлэль ма?», что означает, разрешено ли употреблять мусульманам. Нам с детьми - хэлэль, приготовь, попробуем.

Посмотрим, что получится. Вообще-то мы вареную свинину ели не все, вернее, Рая не ела. Поэтому нам на паек вместо свиного сала выдавали сливочное масло. А Рая к экзотической пище не привыкла. Съели, приготовила хорошо, со специями, а мне ещё стопочку перед едой, за охоту.

Через пару дней по поселку распространился слух, что капитан с первого выстрела убил сивуча, что он отличный стрелок. Поэтому чаще стали обращаться и приглашать меня на охоту, за зиму я им добыл четырех сивучей. Стали добывать сивуча и для солдатской столовой, для улучшения питания солдатам. Им тоже приедается все консервированное и сушеное: картошка, капуста, лук – все сушеное, чеснок – тертый в порошок.

На новый 1953 год мы пошли с Сорокиным добывать сивуча для солдатской столовой. Стрелять я предложил Сорокину, он со второго выстрела свалил тоже самого крупного, весом, как потом оказалось, около тонны. Новый год встретили все вместе, с нами был парторг комбината Николай Иванович Белов и завторгом Завгородний Павел Михайлович.

К новому году толщина снега в поселке «Скалистом» сравнялась с верхушками столбов с электропроводами. Для людей специально ставили над проводами переход в виде мостика из сухих досок. Однажды такой был печальный случай. Главная свиноматка торговделовского подхоза вышла из свинарника, пошла по людским тропам и, проходя между двумя электропроводами погибла.

Привыкаем к большому снегу, частым метелям, ежедневным землетрясениям и пыхтящему вулкану в трех километрах от нас.

К концу апреля 1953 года стали заходить на остров пароходы с материка, доставляя рабочих на предстоящую путину. Изучаем: кто и откуда прибывает и зачем. Работы стало больше, в поселках – шумнее. Через пару недель начнется охота на китов. За китобойным комбинатом закреплены восемь китобойных кораблей. В прошлую путину 1952 года они обработали более четырех с половиной тысяч китов. Каков будет этот год – поживем, увидим.

С очередным кораблем приехали директор комбината Василий Андреевич Гордейчук, главный инженер Винклат с семьей, начальник отдела кадров Портнов. Началась работа по подготовке всего хозяйства к приему и обработке китов. В.А. Гордейчук – одессит, но уже 17 лет работает на Крайнем Севере. Комбинат возглавляет с первого дня его основания в 1946 году. С большим уважением относится к пограничникам, ни в чем не отказывая в наших просьбах. У них – топливо, электроэнергия, транспорт, наконец, жилье для офицеров, которого у нас всегда не хватало. Однажды он предложил мне поехать с ним на китобойном корабле, посмотреть охоту на китов. Корабль «Тайфун» водоизмещением где-то 250-300 тонн, с двумя двигателями, максимальная скорость – 22-24 узла.

Сели вместе с капитаном корабля на вахте и наблюдаем за обстановкой в океане. В носовой части корабля, на «бочке» (вышка для наблюдателя за китами) с биноклем сидит наблюдатель. Прошли примерно 8-10 миль, наблюдатель с вышки кричит: «Фонтан!» и показывает направление

флажками. Корабль меняет курс и следует к фонтану. Минут через 30-40 приближаемся, и видно уже самого кашалота. Его фонтан отличается от фонтанов усатых китов, он широкий, наклонённый вперед и влево, высотой до 2–3 м. Больше часа преследуем кита. Он тоже меняет направление движения, как будто чувствует опасность. Когда подошли на 150-200 метров, звучит команда: «По местам! Готовь!» - заряжается гарпунная пушка, ствол её короткий, снаряд-гарпун вставляется с дульной части, он привязан капроновым канатом (линь), по-другому не скажешь, потому что он очень толстый. Другой конец каната закреплен за кнехты. Патрон с порохом вставляется в патронник со стороны затвора. Итак, все подготовлено, ждем, когда поближе подойдем к кашалоту. Самая эффективная стрельба – на 30-40 метров, не дальше. Подходим к пушкарю. Василий Андреевич говорит: «Ну, будешь стрелять из пушки, в поселке вас хвалят, хороший, говорят, стрелок?». «Нет, Василий Андреевич, - отвечаю, - упустить такую добычу большой грех. Пусть сам пушкарь стреляет». Он, конечно, пошутил. Приблизились примерно на 35-40 метров к киту, пушкарь выстрелил, снаряд взорвался, вонзившись в тело кашалота, образовал огромную рваную рану на боку зверя. Что тут было! Образовался целый водоворот, заарканенный зверь потащил наш корабль как обыкновенную лодку! Оба двигателя корабля отработывают назад, раненный кит тащит его вперед со скоростью 10-12 километров в час. Около часу он таскал наш корабль по Тихому океану и только потом успокоился. Его подтащили ближе в борт, вставили полую металлическую трубку и включили подачу воздуха. Через 8-10 минут надутый кит перевернулся на правый бок. Вытащив трубку, вставили в это же отверстие флажок, освободили гарпун и, оставив кита на месте, пошли искать другого.

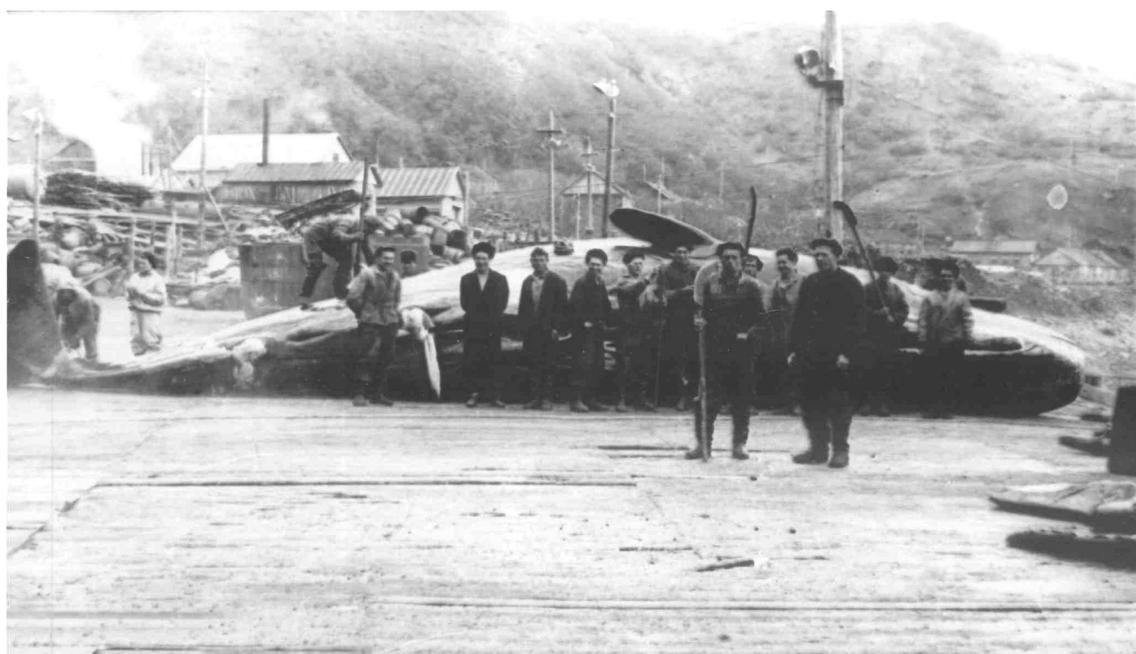
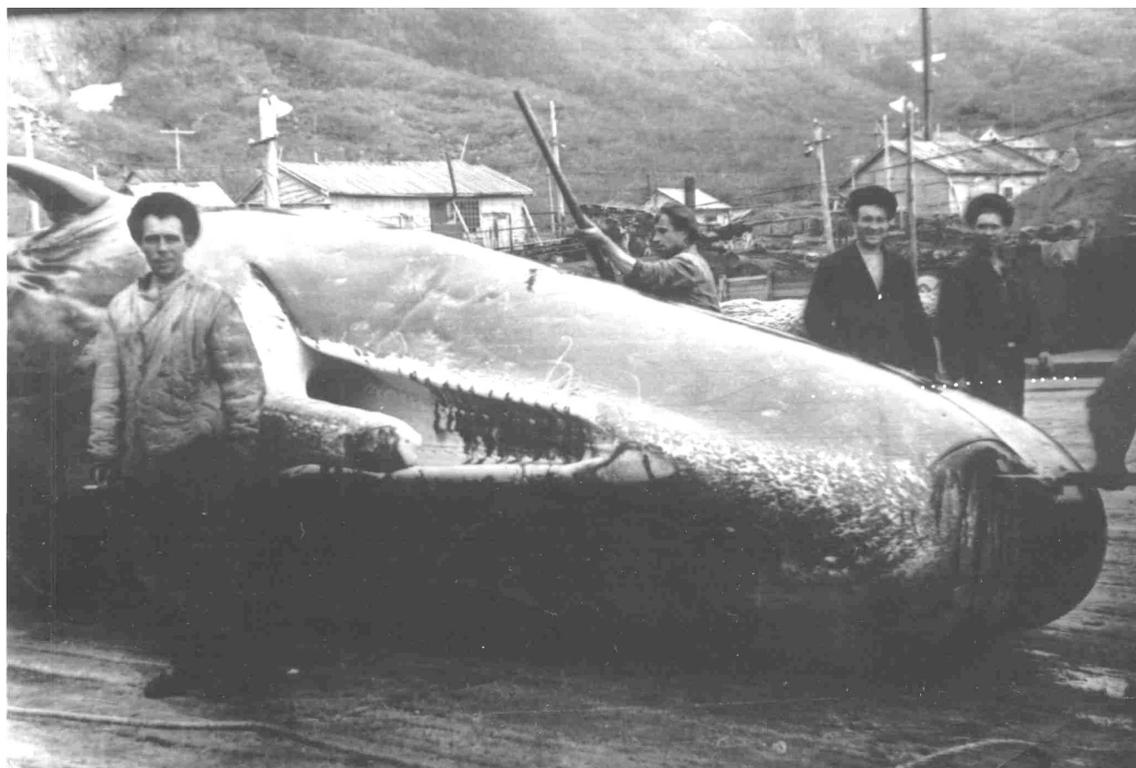
В поисках прошли около сорока миль, видели несколько фонтанов усатых китов, но преследовать уже было поздно, начинало темнеть. Возвратившись к кашалоту, взяли его на буксир (к борту) и вернулись на комбинат. На следующее утро специалисты определили: длина кита – 19 метров, вес – 63 тонны. Одного рыбьего жира будет около 15 тонн и спермацетного жира около 3000 килограммов. Спермацетный жир снимают с головы кашалота, грубо говоря, в голове его имеется двухметровый мешок (подушка), заполненный полужидким жиром, который применяется как сырье для производства косметических кремов и помады, а также в составе многих лекарственных средств. Научно признано, что спермацетовый жир имеет ранозаживляющие свойства, его используют при изготовлении мазей. Амбра, извлекаемая из кишечника кашалотов, высоко ценится в парфюмерной промышленности как закрепитель духов. Мясо, в основном, засаливали и отгружали по зверофермам, зоопаркам по их заявкам.

О китах

Меня интересовали эти экзотические животные потому, что их у нас нигде, кроме как на Курильских островах, не увидишь. Да и достоверной,

полной информации о китах тогда не встречал.

Отряд китовых разделяют на два подотряда: усатые (или беззубые) и зубатые. Самым крупным представителем подотряда зубатых является кашалот. С ним мы немного познакомимся. Только добавлю, что к зубатым относятся и более «мелкие» представители такие, как касатка (морской волк) – до 5 тонн весом при длине 5-6 метров, белуха, бутылконос и другие. Они не промысловые и на них не охотились.

Кашалот на площадке пос. Скалистый, 1953 год.

Кашалота хорошо разглядел, когда его начали разделять. Вокруг него работают шесть разделщиков, у каждого «ножи», похожие на хоккейную клюшку. Такой же длины черенок из лиственницы и остро наточенный 30 сантиметровый стальной нож под углом к черенку, как клюшка. Этими ножами проводят от головы до хвоста два разреза: по хребту (спине) и по животу, разрезая слой подкожного сала (30-40 см) до самых мышц. Затем отрезают от головной части и, захватив лебедкой, сдирают этот слой кожи вместе с салом. А дальше нарезают квадратные куски, примерно, 60 x 60 см и через салорезное устройство срезают сало от кожи, оставляя кожу его толщиной 2-3 сантиметра.

Кашалот. Фото Internet

Разглядели мы и то, что у кашалота неестественно большая, до одной третьей от длины тела, квадратная голова, это выделяет его среди других китов. Нижняя челюсть кашалота очень узкая, короче морды, способна опускаться на 90 градусов; несет около 20 пар крупных, конических зубов, каждый весом до одного килограмма. Из этих зубов мастера вытачивали шахматные фигуры, стаканчики, рюмки и другие резные изделия. Биологи определили, что язык кашалота весит около 2 тонн, столько же весит сердце, а печень – около 2,5 тонн. Печень кашалота богата витамином А, поэтому ее отправляют на витаминный завод. Детёныши длиной 3,5-5 метра и весом 1-2 тонны рождаются через 14-16 месяцев после зачатия. Самка выкармливает детеныша до двух лет, вливая до 200 литров молока жирностью до 43% в сутки. Скорость пасущегося кита 5-6, плывущего – 9-13, преследуемого или раненого – до 16-30 км в час. Считают, что кашалот – одно из самых космополитных животных, встречающихся в мировом океане от арктических вод до экватора. Летом они достигают: на севере – Баренцева и Берингова морей, на юге – Антарктики. Питаются они моллюсками: кальмарами, в том числе гиганты длиной более 10 метров, осьминоги, реже рыбой (мелкими акулами, минтаем, треской, сайрой, морским окунем). Взрослые кашалоты поглощают в сутки до тонны корма, что составляет примерно 3% их веса. Считают, что кашалоты живут по 45-50 лет, точных данных нет да и быть не

может. Ученые сделали заключение по такому факту: в пятидесятых годах поймали кашалота с гарпуном на спине, изготовленным в 1912 году на российском сталелитейном заводе. Неизвестно, как ушел загарпуненный кит: литье порвался (трос) или охотников утопил. И вот через сорок лет его вытащили на палубу, загарпунив во второй раз.

Беззубые или усатые киты

Подотряд беззубых или усатых китов более богат своим разнообразием. Наиболее крупным из них является голубой кит (он считается самым крупным животным на земле), далее - гренландский кит, южный, длиннорукий, японский, полосатик и другие киты. Их образ жизни, среда обитания, пути и период миграции похожи по времени и районам миграции. Отличаются они от зубатых китов тем, что у них нет зубов, как у кашалота. Вместо зубов во рту у них имеются по 250-400 роговых пластинок (иногда называют их китовым усом), с помощью которых отфильтровывается вода, заглатываемая вместе с пищей. У отдельных китов длина этих роговых пластинок достигает двух метров, в самом центре верхней челюсти, по краям (к гортани и к передней части) они значительно короче.

Усатый кит на площадке пос. Скалистый, 1953 год.

Исследователи определили, что желудок голубого кита вмещает до 1,5 тонн пищи, а длина его кишечника в 4-5 раз превышает длину тела (считайте, 25 x 5 получится 125 метров). Усатые киты питаются мелкой рыбой,

моллюсками, медузами, червями и другим планктоном, едва заметным простым глазом. На этих харчах вырастают гигантские экземпляры. В истории китобойного промысла известен случай, когда поймали голубого кита в 34 метра длиной и 130 тонн весом.

Мне приходилось быть свидетелем разделки голубого кита 25 метров длиной и 120 тонн весом. Язык и сердце этого кита весили по 3 тонны, столько же печень. Усатые киты считаются съедобными. В то время из мяса китов изготавливали мясные консервы, а сами китобойцы для приготовления в домашних условиях часто брали язык, сердце, губы, семенники самцов. Практически все органы китов использовались для выработки пищевых и технических продуктов. Из подкожного сала и костяка вываривался жир, который потом перерабатывался на лярд и маргарин, смазочные вещества, технический и дистиллированный глицерин, мыло, стиральный порошок и так далее.

Голубой (синий) кит. Фото Internet

Из китового уса изготавливали пружины для диванов и матрасов, корсеты, щетки, веера и т.д. Из печени китов (и усатых, и зубатых) добывали витамин А, из желез внутренней секреции (поджелудочной и зубной) изготавливали медицинские препараты (камполон, инсулин и другие).

Вот так коротко об этих больших млекопитающих. Думаю, что для читателей изложенной информации будет достаточно, а заинтересовавшиеся посмотрят специальную литературу.

Наступил июнь 1953 года, проводили на материк добрейшего человека, коменданта, подполковника Бабенко с супругой. Они прожили на Симушире 4 года и вот только приехала ему смена. Проводили вместе с ним начальника связи Пошутину и фельдшера Кузьменко. Комендантом назначен майор Потапов, его перевели из Закарпатского пограничного округа, село Лепкане, где у него был домик с усадьбой. Приехал один, жену оставил там, чтобы

сохранить за собой жилье. Одних проводили, встретили других, новеньких, в военном городке на берегу бухты Буратона.

Новый комендант предложил нам пройти пешими от бухты Буратона до поселка Скалистый, заодно побывать на всех заставах, дислоцирующихся на Симушире. То есть, повторить тот путь, которым в прошлом году мы прошли с подполковником Бабенко. На этот раз дольше останавливались на заставах и некоторых заливах, бухтах, имеющих определенный интерес к охране государственной границы. Проходя мимо озера «Бирюзовое», я предложил спуститься к его берегам. Спускаться надо в котловину около 250-300 метров, спуск трудный, кругом осыпи, скалы. Зато вплотную полюбовались этим чудо-озером, прямо войдя по колено в воду.

Когда комендант ознакомился с обстановкой, я ему доложил, что на комбинате работают более 800 человек. Из них более 600 прибывших весной этого, 1953 года. В числе вновь прибывших по вербовке много бывших безработных и элементов, уклоняющихся от уголовной ответственности, пребывание которых нежелательно в пограничной зоне. На его вопрос, чем мы располагаем, какими возможностями для своевременного получения информации о возможных нарушениях пограничного режима, я рассказал ему, что гласный (актив) и негласный (агентура) аппарат надежный, обеспечены все участки. «Тогда переезжайте обратно на Буратон, будете там жить и участвовать в общих мероприятиях, проводимых при штабе».

Мы переехали обратно из поселка китобойщиков (Скалистый) на Буратон, нам стало веселее жить: и мне в офицерском коллективе, и жене с женами офицеров, и дети тоже играют вместе. По выходным смотрим кинофильмы, в баню офицерскую ходим. В небольшом коллективе все так уважительно относятся друг к другу: ходим в гости, иногда играем в преферанс, у женщин – свои развлечения. Все стало хорошо. Только иногда переживаю за работу. Будучи в Скалистом, я мог почти ежедневно получать информацию об обстановке как в самом поселке, так и на судах, на метеостанции и других участках. А теперь я бываю на Скалистом один раз в месяц, в течение 6-8 дней. А в остальное время вдруг что случится? Где информация? Правильно ли мы поступили, переехав на Буратон?

На Буратоне оказался один рыбак и охотник – это я. Кроме Николая Ивановича Гусева никого не могу уговорить на рыбалку. Гусев и то остается на берегу, а я на шлюпке отплываю на 200-300 метров, на глубине 15-20 метров ловлю треску. Треска такая же, как щука, хватается за блесну, её зацепишь якорем и вытаскиваешь. Якорь изготовлен из пустого патрона (гильзы) от ДШК, залит свинцом, опускается на дно с катушки из кабеля полевого телефона. И подергивай себе, пока не зацепишь. Зацепил – тащи быстрее. Рыба крупная до 9-10 килограммов, поменьше – 1,5-2 килограмма. За полтора-два часа налавливал до ста килограммов свежей рыбы. Женщины стали привыкать к рыбке. Когда я иду на рыбалку, желающие сварить свежую уху или отварить печень трески подходят к берегу и ждут рыбака. На рыбалку, конечно, идешь в хорошую погоду, поэтому улов всегда был богатым, и рыбы хватало всем желающим.

Собираем кедровые орехи, заготавливаем на зиму мешками, некоторые ими кормят кур и поросят, грызут сами. На все хватает, и собирать их легко. Не нужно лазить на дерево, потому что ствол дерева лежит на земле, а ветки с орехами достаем и берем руками. К осени много разных грибов. Из ягод – жимолость, брусника. А ранней весной – черемша. Черемша-салат, черемша-окрошка, ранняя зелень.

Все это летом. Каждое лето, отбив свое время, уходит, наступает осень, затем зима, так же, как и на материке, но значительно раньше. Самое теплое время – август, сентябрь. На сопках снег лежит до середины августа. А во второй половине октября выпадает свежий снег будущей зимы.

О природе Курильских островов

Каждый регион, каждый материк имеют свои особенности. Географические, климатические, этнографические и другие. И такие суровые края, как Камчатка, Чукотка, Курилы – не исключение. Мы знаем одну характеристику-описание этого края: суровые морозы, метели, бездорожье. Собачьи упряжки на суше, землетрясения, шторма в морях и океане, цунами. Много опасных моментов для человека, что и отражено в этой книге.

Вместе с тем, здесь много и интересного в природе, присущего только этому региону. На островах, местами, обильный растительный покров, кедровые растут рядом с бамбуковыми зарослями, жимолость рядом с брусникой. В небольших речушках водится пресноводная форель, в морях и океане много рыбы и морских животных, привычных к соленой воде: китов, сивучей, нерпы, осьминогов, кальмаров, каракатиц, крабов. На них можно охотиться, ловить, подержать в руках, разделить и съесть кусочек, если будет желание отведать. То, что сейчас нам предлагают в кальмаровых консервах, это не кальмар. Это то, что там, на Востоке, называют каракатицей. Это некрупные моллюски, идут на свет береговых огней, прожекторов, а там их прибоем выкидывает на берег. На суше, хотя бы в 10 сантиметрах от воды, они уже беспомощны. Любители каракатиц собирают их по утрам на прибойной полосе, как огурчики с грядки. Разделать их очень просто: щупальца вытащить с внутренностями, остается корпус с оперением, разрежь и вари. Вкусом и цветом вареная каракатица похожа на поджаренный яичный белок, очень полезна и питательна.

Как я уже упоминал, японцы на Курильских островах разводили пушных животных. На Симушире – чернобурых и серебристых лис, на Кетое – голубых песцов, на следующем острове – красных лис, называемых огневками. Чтобы их содержать, на острова завезли мышей и крыс, и засеяли многолетние бобовые культуры. Мыши и крысы размножились, поедая бобовые, а пушные множились, закусывая ими. Так, практически без затрат, практичные японцы получали пушнину. Развелось пушных очень много, на них охотились наши офицеры, увозя на материк кто-сколько мог добыть.

Огромные птичьи базары на прибрежных скалах: чайки, бакланы, утки, кайры, морские курочки, топорки и много-много других представителей

птичьей породы. В другом районе – лежбище морских животных: сивучи, нерпы, морские котики, у них тоже своя жизнь, свои порядки: когда выходить на сушу, когда уходить в море и устраивать обеды – охоту на мелких животных и рыбу.

Растительность и животный мир приспособляются к природным условиям. Кедр, высокие и стройные в условиях материка, на островах растут стланиками по земле, а орехи – добрые, как у нас на Алтае. Бакланы откладывают яйца на скалах грушевидной формы: откуда бы ветер не дул – оно крутится на одном месте, эта форма защищает яйцо от выкатывания из гнезда при постоянно дующем в разных направлениях ветре. Морская выдра умеет разбивать панцирь морских ежей, съедая содержимое. А топорки – водоплавающая птица, имеют огромный тяжелый клюв, по сравнению с телом, они, охотясь, со скалы падают «камнем», то есть сразу уходят под воду, не пользуясь ни лапами, ни крыльями, как наши утки.

Вот такой мы увидели ее, суровую и, вместе с тем, обычную жизнь природы на Курильских островах.

Все начинается в ноябре

Во второй половине ноября 1953 года наша контрольная радиостанция зафиксировала передачу на английском языке, открытым текстом неизвестной радиостанции. Запеленговали её с двух точек, а оказалось, что радиостанция работает на одном из двух островов: Кетой, Симушир. Принимающий абонент находится на острове Хоккайдо (Япония). Мы знали, что в городе Саппоро дислоцируется 37-ой отдел американской военной разведки, при нем работает шпионская школа, которая через каждые четыре месяца забрасывает до двух десятков подготовленных шпионов на территорию Китая, Кореи и на наши восточные районы: Камчатку, Сахалин, Приморский край.

Руководство погранвойск, совместно с руководителями территориальных органов КГБ, решили разыскать передающего, ликвидировать или, по-возможности, использовать в наших интересах. Для проведения этой операции создали поисковую группу, снабдив её переносными радиостанцией и радиопеленгатором, снегоходами и другим оборудованием, позволяющим свободно передвигаться в условиях Крайнего севера. В составе поисковой группы два сотрудника управления КГБ, два офицера пограничных войск, они же работают с техникой и знают английский язык. На острове Симушир я должен их встретить и влиться в эту группу. Небольшой остров Кетой обработали без меня. Ничего не нашли. К острову Симушир корабль подошел 23 ноября. Но сильный шторм со стороны тихоокеанского побережья не позволил высадиться, со стороны же Охотского моря в районе залива подводные камни, подходить близко к берегу небезопасно. А высаживать людей зимой, в шторм, в снаряжении: дутые жилеты, теплая одежда, оружие, техника, - все это трудно и опасно. Поэтому корабль «крутился» на воде почти двое суток и, наконец-то, еле

высадились в районе второй заставы. При высадке несколько раз накрыло волной, но все живы и невредимы, а на заставе всех обсушили и обогрели. Поисковики остались на заставе до утра. Утром с 10 до 11 часов надо слушать работу радиостанции, определить направление поиска и продолжать движение.

Чрезвычайное происшествие

Утром, отработав «сеанс связи» и определив направление движения, в начале 12 часа вышли в путь. Погода стояла на редкость хорошая, поэтому мы были уверены, что свободно пройдем намеченное расстояние. Отошли от заставы около четырех километров, как неожиданно налетел сильный ветер, сопровождаемый снегопадом. В час дня стало темно! Идем след в след, наступаем на лыжи впередиидущего, а самого человека – не видно! И это среди белого дня. Ветер крутит, невозможно определить, откуда дует, а крупные хлопья снега бьют по лицу так, что глаза невозможно открыть. В такой обстановке продолжаем путь. Уже должны подойти к землянке, а ее и признаков нет.

Решили так: нас пять человек офицеров развернутся в цепь, чтобы друг друга видеть, и двигаться на землянку. А трех солдат и нарты (собачья упряжка) с имуществом оставить на месте, без движения. Это для того, чтобы не разойтись, не потерять солдат. Когда найдем землянку, придем за ними. Уж не помню сейчас, сколько времени прошло, но землянку нашли. Разожгли железную печурку, благо дрова были готовы и сложены в ней, обогрелись немного и вышли искать солдат. А на улице идет проливной дождь – ливень вместо снега. И это за каких-то полчаса. Трех оставили в землянке, а мы вдвоем, взяв по охапке веток, пошли искать своих солдат и нарты. Идем, через каждые 15-20 метров ставим ветку, чтобы опять самим не сбиться с пути. Прошли в одном, потом немного в другом направлении, никого нет. Нашли то место, где их оставили, но там никого не было. Значит они, пытаясь идти за нами, сбились с пути, ушли в другом направлении.

Наступил вечер, стало темнеть, дождь продолжается. Ходить дальше смысла нет: ни сигнала не видно, ни звука не слышно. Вернулись в землянку, остались ночевать. Связи нет, вся техника осталась на нартах. Тревожная ночь. Что с солдатами, где нарты, неужели все погибли? Сна нет, какой тут сон! Провели мучительную, долгую, зимнюю ночь. С рассветом увидели, что дождь перестал, небо разъяснилось, подморозило, видимость хорошая. Я стал на лыжи и пошел в направлении, где, вероятно, должны быть солдаты с нартами. Пройдя полтора-два километра, увидел черную точку на белом снегу. Вокруг этой точки целая стая воронья, крупные, курильские, они покрупнее материковых. Сердце сжалось, дышать тяжело, преодолевая все, иду быстрее, быстрее. Метров с 400 выстрелил из пистолета, чтобы отогнать воронью стаю, противно каркающую вокруг этой черной точки. Я подумал, что черная точка – это обессилевшие или погибшие солдаты. Когда напуганные выстрелом вороны разлетелись, встала одна из собак упряжки. И

я понял, что эта черная точка – наши нарты. На душе стало легче. Подошел, поднял всех собак, некоторые примерзли к снегу, но все живые. Техника и снаряжение не тронуты. С упряжкой подъехали к землянке, развернули радиостанцию и связались с заставой. По радиации много не спросишь, достаточно было того, что солдаты живы, вернулись. Начальник заставы вышел к землянке около 40 минут назад, передали связисты заставы.

Время сеанса, подготовились слушать с 10 до 11 часов, как и каждый день. Необходимо опять определить направление дальнейшего движения. Подошедший начальник заставы рассказал, что оставленные солдаты пытались догнать нашу группу (офицеров), чтобы двигаться вместе. Нарты оставили на месте, чтобы к ним вернуться. Однако из-за плохой видимости потеряли и нарты (не могли найти). Ходили вокруг этих мест и, выбившись из сил, решили оставить все, спуститься к берегу Охотского моря. По прибойной полосе шли около трех часов и только в час ночи пришли на заставу. Солдаты доложили, что «офицеры обещали вернуться, но не вернулись, вероятно, погибли». Поэтому начальник заставы с двумя солдатами и вышел разыскать и спасти нас. Опять судьбе нужно было, чтобы мы остались живыми и невредимыми.

Итак, после сеанса мы продолжили движение в направлении населенных пунктов. Впереди поселок Скалистый, воинские части в двух пунктах и метеостанция. Все они в одном направлении. В каком из них искать передающего абонента? Искать надо во время сеансов, с носимым пеленгатором. А чтобы «накрыть» радиостанцию во время сеанса, нам нужно продвинуться как можно ближе. В нашем распоряжении будет всего 25-30 минут с начала сеанса, чтобы застать его во время работы радиостанции. Решили продвинуться до следующей землянки, которая находится в четырех километрах от поселка метеостанции. Там заночевать, а с утра, продвинувшись к поселку, дожидаться сеанса и, включив пеленгатор, двигаться, куда техника укажет.

Дождались утреннего сеанса и с включенным пеленгатором зашли прямо в помещение, где работала радиостанция. Схватили, как говорится, за руку. Радист в растерянности аппарат выключил. Так нашли, кого искали, теперь нужно спокойно обдумать дальнейшие наши действия. Аппарат демонтировать не стали. Обыкновенный V-100 в., специалист, осмотрев его, определил, что по техническим данным с этого аппарата невозможно работать с клиентом, находящимся на острове Хоккайдо. Другого аппарата здесь не видно. При более детальном осмотре обнаружили дополнительную намотку, приставленную к аппарату, усовершенствующую возможности этой радиостанции, она и позволяла поддерживать связь с клиентом. Мы решили пока все оставить на месте, изучить возможность использования ее в наших интересах.

Радистом был Артем Степанович Богодухов, 1925 года рождения, уроженец города Поронайска. Сын русского белоэмигранта, в годы гражданской войны переехавшего на остров Сахалин. Отец его, Богодухов Степан, бывший крупный лесопромышленник, имел крупные

лесозаготовительные и лесообрабатывающие предприятия в Сибири, на Дальнем Востоке и на Сахалине. Лес отправлял в Японию, Корею и Китай. Когда Советские войска в годы Гражданской войны дошли до Приморья, Богодухов, боясь репрессий от Советской власти, бросил все хозяйство и переехал на Сахалин, где у него тоже были лесообрабатывающие предприятия. Вот там, в городе Поронайске и родился Артем. Мать с отцом умерли, оставив небольшое наследство. Артем окончил в Японии институт связи и работал на одном из предприятий машиностроительной фирмы. В 1949 году его завербовали сотрудники 37-ого отдела американской военной разведки, которые дислоцировались в городе Саппоро, и забросили на Сахалин, порекомендовав ему устроиться на работу радистом. Ему удалось устроиться радистом на метеостанцию в Южно-Сахалинске, а потом перевелся на остров Симушир.

На следующий день предложили ему работу со своим клиентом, составили текст, который он должен был передавать. Рядом посадили радиста-переводчика английского языка. Первая связь прошла нормально, по времени и объему переданных материалов соответствовала переданным прежде. Так несколько дней поддерживали связь. Американская сторона обещала перебросить его на другой очень важный объект. Однако через несколько дней сеансы стали сокращаться по времени, меньше стало вопросов с их стороны. Мы же заподозрили его в том, что он сумел передать какой-то предупреждающий сигнал и предложили прекратить дальнейшую работу. Теперь нам некуда было его девать, зима, навигация закрыта, постоянные штормы. На корабль, даже если и придет, посадить его не сможем. Оставили до конца марта при заставе, соорудив небольшую КПЗ (камеру предварительного заключения). Мой агент, который находился на этом объекте, докладывал потом, что он «заметил недели две назад, что радист стал закрываться в одно и то же время ежедневно, чего раньше не было. Работает, вроде, с клиентами, однако никаких входящих документов не регистрирует в журнале и не докладывает». Спрашивать у него не стал, хотел посоветоваться со мною, но меня здесь не было. В последних числах марта подошел большой морской охотник с которым мы и отправили задержанного и всех офицеров, прибывших из Петропавловска. Донесения с подписью агента я отправил вместе с офицерами своему вышестоящему начальнику – начальнику отдела разведки 60-го погранотряда.

Продолжаем свою службу по обеспечению охраны государственной границы. Международная обстановка очень сложная, период «холодной войны», а в некоторых регионах идет и «горячая» война. Местом столкновения двух противоборствующих сил мира стал Корейский полуостров. Откровенно говоря, там не корейцы воевали между собой, Север с Югом, воевали американские войска с советскими. Границу нарушали и с моря, и в воздухе. Сбивали мы американские самолеты, а они – наши. Используя японские гражданские суда, американцы устраивали провокации в наших территориальных водах. Обстановка иногда так накалялась, что вот-вот начнется война между Советским Союзом и США. Японское

правительство очень быстро забыло, что несколько лет назад американские атомные бомбы, сброшенные на города Хиросима и Нагасаки, погубили почти полмиллиона японских жителей и рассеяли радиоактивную заразу на значительной территории, предоставив США место для размещения военной базы, а в городе Саппоро – 37-го отдела американской военной разведки, которые работали, в основном, против Советского Союза.

На китобойном комбинате Скалистого стали раздувать проамериканскую пропаганду бывшие участники перегона американских судов по ленд-лизу из городов: Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Портланд и других. Они рассказывали о богатой жизни людей, о высоких зарплатах рабочих, о высоком техническом уровне труда и тому подобное. Рассказывали по сути правду, то, что видели, находясь там. Но в то время и в той обстановке это считалось как проамериканская пропаганда буржуазного образа жизни, капиталистического строя, а у нас было социалистическое общество.

Во время Великой отечественной войны Америка и Англия были нашими союзниками в борьбе против фашизма. Тогда, еще до открытия второго фронта, их войска в боевых действиях не участвовали, и эти страны ограничивались оказанием материально-технической помощи. Англия поставляла свою помощь по северным морям на Мурманск, а Америка – через Тихий океан на советский Дальний Восток. На судоверфях городов Лос-Анджелес, Сан-Франциско и Портланд для Советского Союза строились «быстровозводимые» недолговечные транспортные суда, которые затем перегоняли экипажи (команды) советских моряков. Бывали случаи, когда советские моряки приедут в Портланд, а судно еще недостроено. Вот они тогда остаются и ждут, пока достраивается назначенное судно, иногда по 2-3 месяца. Им предоставляется возможность узнать все, что их интересует.

Один инженер-механик с комбината много раз участвовал в перегоне судов из Америки в Советский Союз. Вот тогда он узнал, что в Америке такой же инженер получает зарплату (в то время) по 2000 долларов. Коттедж стоит столько же - 2000 долларов. Он может за свою месячную зарплату купить коттедж, работая на высокомеханизированном предприятии, в хороших условиях, в освещенном и в отапливаемом в зимнее время производственном помещении. А что у нас? По 8-10 часов рубить этой клюшкой по колену в жиру и получать по 250-280 рублей вместе с северными надбавками.

С наступлением весны работы (нагрузки) прибавляется. Постоянно приезжают и уезжают то с материка, то с соседних островов Уруп, Итуруп и других. Кстати, остров Симушир по территориальному делению относится к Курильскому (Средне-Курильскому) району. Районный центр – на острове Итуруп.

Осенью 1954 года я серьезно заболел. Мне предложили ехать в город Петропавловск на операцию. Начало октября, подумал, если лечение затянется, могут оставить на зиму. А семья без меня останется на острове, а острова-то пугают теперь. Я решил семью забрать с собой. Если уж

оставлять, то лучше в городе. На очередной оказии переехали мы в город Петропавловск. Нам сразу дали комнату с кухней, а я через несколько дней был госпитализирован. В результате обследования нашли «кучу» болезней: гастрит, аппендицит, нервное истощение и других. Сразу сделали операцию, удалив аппендикс, и продолжили лечить остальные болячки. Лечение длилось около месяца. Выписался к празднику 7 ноября. Побыл с семьей 5 дней, теперь нужно отправляться к месту службы. Имея уже опыт высадки с корабля при ноябрьских штормах, семью взять с собой не рискнул, оставил их «на зиму» в городе и поехал один. Потом убедился, что поступил правильно. Потому что мне пришлось высаживаться с корабля в очень тяжелых условиях, невозможно было с борта спрыгнуть на рядом стоящую шлюпку: то она уходила на 2-3 метра в сторону, то вниз, то вверх на волнах, можно было просто в нее не попасть. Поэтому меня на шлюпку спустили в сетке, из которой я высвободился уже будучи в шлюпке. При выходе на берег несколько раз накрыло волной, но на берег выбрался, хоть и у второй заставы. Морякам уже с берега подал сигнал прощания.

Прихожу в комендатуру... Потапова, коменданта, за что-то сняли, ожидают приезда нового коменданта. Прошел месяц после моей высадки, теперь вокруг острова ходит корабль с будущим комендантом, не могут его высадить. Глубокий снег, первая декада декабря 1954 года. Перебегаем то на тихоокеанское побережье, то на охотское. Только через двое суток сумели его высадить, да и тут волны не дали выйти сухим. Вымок до ниточки, а до заставы нужно еще идти около трех километров. Предложили спирт – не пьет, а как его заставишь, он теперь старший командир. Где пешком, где на лыжах, примерно через час добрались до второй заставы к Аргудяеву. Его жена, Алла, медсестра, она его и поила, и кормила, и лечила.

Капитан Суслов Спартак Николаевич, 1927 года рождения, выпускник высшей пограничной школы (тогда эта школа была как отраслевая военная академия). Бабенко уехал, Потапова убрали. Теперь мы остались все примерно одного возраста. Мне, старшему среди офицеров, было 30 лет, остальные – на 1-3 года моложе. Дела пошли лучше. Больше стало демократии, все были довольны результатами своей работы. Кстати, в 1976 году я случайно узнал, что полковник Суслов С.Н. работает начальником 100-го погранотряда, дислоцировавшегося в бывшем городе Виттенберг (его переименовали в Солнечный или Светлый), недалеко от Кенигсберга. А 100-ый погранотряд преобразован из бывшего 31-го пограничного полка, в составе которого я участвовал в боях, с этого полка меня направляли в военное училище. Я позвонил по ВЧ Сулову, поговорили, вспомнили Симушир и нашу зимовку, договорились как-нибудь встретиться в Москве, но встретиться так и не удалось.

В апреле 1955 года я прибыл в город Петропавловск, к семье. Не могу передать словами, как наскучались, истосковались мои дети, моя добрая жена. Когда я зашел в дом, в коридоре встретилась моя старшая дочь Алия, она спросила: «Ты наш папа, да?». Схватил ребенка, а самого слезы душат, не могу ответить. Жалко стало, что их оставил в городе одних, но и

рисковать, высаживаться с ними на Симушире было страшно. Сам себе подтвердил, что сделал правильно.

После непродолжительного лечения мне предложили остаться в городе Петропавловске, при штабе 60-го погранотряда. Лето 1955 года проработал в штабе, ездил в командировки по заставам. В этом же году вышло «хрущевское» постановление «О значительном сокращении вооруженных сил». При этом устанавливало назначение пенсии за 20 лет выслуги в размере 40% от суммы зарплаты и по 3% за последующие, сверх 20 лет, годы. Подсчитал, что у меня получается 22 года с учетом фронтовых и службы на Крайнем севере, где я провел более трех лет. Старшая дочь должна в этом году идти в школу. Обдумали, посоветовались в семье, и я подал рапорт с просьбой об отставке. Даже не посчитался с тем, что был уже представлен на присвоение очередного воинского звания – майор и к награждению орденом «Красная звезда» за выслугу лет.

г. Петропавловск-Камчатский, 1955 год.

Наступил сентябрь 1955 года, мы едем обратно на том же транспорте, что доставлял нас на Дальний Восток. Теперь вроде легче, дети подросли, да и едем-то на родину, а дым отечества всегда сладок. Ждут родители, родня. Материально обеспечены. Но все же меняем профессию и привычный образ жизни. Привыкать надо к новой обстановке, к новой, теперь уже «гражданской» среде.

Усть-Каменогорск, Акжар, Курчум, Зыряновск

В первых числах сентября 1955 года мы прибыли в город Усть-Каменогорск. Устроившись в единственной в городе гостинице, где сейчас поликлиника (на улице Орджоникидзе), на следующий день зашел в горком партии. Меня принял второй секретарь горкома Садык Ахметович Койчубаев. Он проинформировал меня, что получили указание ЦК, чтобы прибывающих из вооруженных сил коммунистов направлять в сельские районы для укрепления сельских партийных организаций. Поэтому просил зайти в обком партии, «если обком партии направит вас в наш город, будем искать вам жилье и работу». Здание обкома рядом, иду туда. В обкоме, в приемной первого и второго секретарей, встретил старого знакомого – Рахимжанова, бывшего вожака Тарбагатайского райкома комсомола. Теперь он работал помощником второго секретаря обкома партии. Как, что, откуда, Курмат? Я ему кратко все рассказал. Потом он повел меня по отделам. Отдел пропаганды и агитации, Павел Петрович Сорокин. Отдел школ и вузов, Естай Журсунов. Подбирали мне целый перечень руководящих должностей, в том числе - завотделом пропаганды Таврического райкома партии, директором профтехучилища в Лениногорске. Я им сказал, что по гражданской специальности я – учитель, но ни одного дня учителем не работал, поэтому мне хотелось бы поработать учителем. В это время в приемную секретарей заходят Михаил Матвеевич Курочкин, тогда завоблоно, и с ним Шарип Молдыбаев, они, узнав о чем разговор, предложили нам ехать в Акжар. Там одна крупная школа на весь район, кроме Тополевмысской, нет военрука, а в этом году еще введены уроки гражданской обороны в старших классах. Квартира готовая. М.М. Курочкин сказал: «Поработайте этот учебный год, если захотите переехать в город, мы вам оставим нагрузку в городе и поможем с жильем».

Решили поехать в Акжар на один год. В Акжаре нас встретили старые знакомые: Ыдырыш Кайназаров, Мухаметбек Иманов - зав. районо, Бектемир Габбасов, был редактором, при мне уже избрали вторым секретарем райкома; бывшие сослуживцы по комендатуре Козенко, Горбушин; начальник РО МГБ Жамансарин, начальник РО милиции Буткенов, бывший сосед Каким Сахабаев, Муске Дутбаев и многие другие. Приятно в кругу старых друзей. Все они готовы помочь решить наши хозяйственно-бытовые вопросы. Из далекой Камчатки приехали, в чем были одеты. Нет ни мебели, ни посуды, да и одежда была только-только. А в местных магазинах все это тоже бывает редко. Константин Васильевич Ли, при мне работал агрономом, теперь – первый зам председателя райисполкома, помог нам, выделив из фонда реэмигрантов (по теперешнему – оралманов) кровати, стол, стулья и валенки. Арданов Умыртай, зав общим отделом райисполкома, выделил обеденный стол и пару стульев. Добрый Байшокан, директор маслозавода, иногда отпускал сливочное масло. Я до сих пор помню его распоряжение: «Шот народ РПС – 2 кг», что означало отпустить два килограмма масла из фонда райпотребсоюза. Райпотребсоюз имел фонд или наряд на получение масла с

маслозавода для продажи населению.

Все устраивало нас. Вошли в свою среду – в учительский коллектив, работа шла нормально. Я там открыл тир, которого никогда не было в этой школе, для стрельбы с воздушной винтовки, но пуль не хватало. Купить негде. Пришлось подобрать под ее калибр дробь для охотничьего ружья, сейчас не помню, номер 4 или 5. Старый сослуживец Козенко, преподаватель труда, для нас изготовил вертящиеся фигурки птиц и животных: куропатки, утки, зайца, архара, оленя, медведя - все фигурки были на штырьках и при попадании дробью вращались. Это заинтересовало и взрослых, иногда бывала очередь из желающих пострелять. Тогда ввели плату за пульку и поставили тир на самоокупаемость. Много чего было введено по совершенствованию методики преподавания и использованию наглядного пособия на занятиях по военной подготовке и гражданской обороне.

Однажды, где-то в марте, после весенних каникул ко мне на занятие в 9 казахском классе пришли четыре человека, во главе с директором школы Кравцовым Алексеем Ефимовичем. Он их представил: «Зав. парткабинетом райкома партии Акан Мамырханов, секретарь райкома комсомола и литсотрудник районной газеты». Пригласил присесть.

Будучи ещё на Камчатке, на офицерских занятиях мы изучали все расчеты изготовления ядерного оружия, процесс цепной реакции, критической массы, поражающие факторы. Смотрели первые фильмы, отснятые при испытаниях атомной бомбы на Семипалатинском полигоне.

Расставив наглядные пособия, я в течение 30 минут рассказывал ребятам о ядерном оружии. Урок прошел очень интересно, вопросы задавали и учащиеся, и гости. Кстати, Алексей Ефимович Кравцов впоследствии много лет работал директором Меновновской средней школы, а Константин Васильевич Ли долго возглавлял областное опытное хозяйство научно-исследовательского института – Опытное поле.

Через пару недель мне передали, что приглашает первый секретарь райкома, Акпар Касымбаев. Секретарь райкома проинформировал меня, что на днях состоялось заседание пленума Восточно-Казахстанского обкома партии, где продемонстрировали фильм, отснятый на Семипалатинском полигоне и обсудили решение ЦК КПСС об организации обучения населения по гражданской обороне. «В ближайшие дни проведем собрание партийно-хозяйственного актива района, после обсуждения планового вопроса прочитайте лекцию для участников актива по гражданской обороне. Работники райкома, участвовавшие на вашем открытом уроке, очень вас хвалили. Но актив – это не 9 класс, поэтому хорошо подготовьтесь. Я сам буду участвовать», - и в заключение дал указания об организации обучения населения в хозяйствах. Подошло время проведения партхозактива, я подготовил к лекции красочно оформленные наглядные пособия и в течение 45-50 минут рассказывал и показывал на плакатах, что надо знать по гражданской обороне. К концу учебного года меня отозвали работать в аппарат райкома партии. Отработал в этом дружном, веселом коллективе полтора года, в сентябре 1957 года меня перевели в Курчум на должность

заведующего отделом пропаганды и агитации райкома партии. Когда я переехал в Курчум, работник райкома, на место которого меня рекомендовали, задержался с отъездом, и мне предложили временно поработать в средней школе преподавателем истории в казахских классах. В марте 1958 года я перешел в аппарат райкома партии, а 8 августа избран секретарем райкома партии.

Первый секретарь райкома Василий Андреевич Белик при распределении обязанностей предложил мне идеологическую работу. Вторым секретарем был Одинцов Гавриил Васильевич, ему – сельское хозяйство.

Белик Василий Андреевич. Будучи секретарем райкома партии, я постоянно ощущал на себе его большое влияние, чувствовал, что он постоянно присматривался к тому, как я отношусь к своему участку работы, как я набираюсь опыта, появляется ли раскованность в моих выступлениях. Он растил меня, как секретаря, иногда незаметно подсказывая, как поступать. Иногда предложит что-либо новое и следит, как я это делаю. Однажды пригласил к себе в кабинет и говорит, что в старом Куйгане (подлежащем затоплению в связи со строительством Бухтарминской ГЭС) стоят два двухэтажных дома, сложенных со скального камня на известковом растворе. «Готовый материал. Подумай, куда бы мы могли его использовать». На следующий день я взял специалистов и поехал к этим домам. Замерили, подсчитали все расчеты: сколько материалов, тонны, кубометры, и что можно из этого построить. Возвратившись, доложил Василию Андреевичу свое предложение: дома разобрать, вывезти в Курчум, сложить Дом Просвещения, где будет книгохранилище, читальный зал, кинозал и другие подсобные помещения. «Требуется ваша поддержка, чтобы все это выполнить на общественных началах, с участием хозяйств и населения». «Ты, Курмат, затеял очень большое дело. Сумеет ли мы поднять? Денег в районе нет, можем рассчитывать на необходимую сумму для покупки цемента, плит перекрытия и др. Сделайте расчеты: разборку и вывоз раскидать на ось (автомашин), имеющихся в хозяйствах, и начинайте. Остальные вопросы будем постепенно решать». С большим трудом убедили, скорее, заставили руководителей хозяйств, организаций и учреждений, разбирать каждому свою норму на автотранспорт, вывозить и складывать на месте будущего строительства. Разработали дни выхода на стройку каждому коллективу райцентра: школы, культура, торговля, больница, бани, в том числе и аппарат райкома партии во главе с первым секретарем Василием Андреевичем Беликом, аппарат райисполкома во главе с Аубакиром Байбатчиным.

Как бы трудно ни было, мы построили этот объект, назвали его Домом Просвещения и использовали, как намечали, разместив библиотеку, читальный зал, помещения для работы художественной самодеятельности.

Василий Андреевич отвечал моим идеалам. Именно таким, по моим представлениям, должен быть настоящий коммунист, руководитель большой партийной организации. Он был крупным специалистом в области сельского

хозяйства и имел многолетний опыт партийной работы: работал в аппарате ЦК КПК, зав. сектором сельхозотдела; заведующим сельхозотделом Восточно-Казахстанского обкома партии. И вот четвертый год работает первым секретарем райкома. Мне нравился его характер, устойчивый, терпеливый, спокойный. Я тоже наблюдал за ним и ни разу не видел, чтобы он выходил из себя, был раздраженным, хотя поводов хватало каждый день. Все вопросы, обсуждаемые на бюро, на пленумах решали коллегиально и мы все чувствовали свою значимость и были далеко не винтиками пущенного механизма. Мне во всем хотелось подражать этому руководителю, выработать в себе такое же отношение к своим коллегам и младшим по возрасту и службе, а для этого пришлось корректировать свой характер сложившегося офицера. Пусть земля будет пухом этому добрейшему человеку. Мне пришлось участвовать на его похоронах.

В 1961 году Василия Андреевича назначили директором треста откормочных совхозов. Такие совхозы были в каждом районе, а по области – около двух десятков. Они переехали в город Усть-Каменогорск. На его место пришел Тыныбек Махмутов, выросший из комсомольского секретаря. Человек он опытный, требовательный к себе и к другим. И нам, оставшимся двум секретарям, надо было привыкать к новому стилю нового руководителя. Тыныбек Махмутов старался сделать так, чтобы в любом случае все было решено по его мнению. Особого обсуждения не терпел. Это был характерный стиль руководства многих первых секретарей-казахов того времени. Нам трудно было привыкать безоговорочно поддерживать то, что сказал «первый».

Первым не выдержал Одинцов Г.В., ушел. А я получил достаточно неприятный урок. Суть его такова. Бывший мой одноклассник Толыкбаев Кабдолла работал председателем Аксуатского сельского совета. Используя «положение о предоставлении избранным председателям служебного жилья», он свою собственную квартиру (домик) оформил так, будто продал сельскому совету и получил со счета сельского совета 18 000 рублей. Сам же как проживал, так и остался жить в своем доме. КРУ (контрольно-ревизионное управление при минфине) проверили и сделали представление – рассмотреть поведение Толыкбаева на партийном собрании. Тыныбек Махмутович предлагает мне ехать в Аксуат на отчетно-выборное собрание рыболовецкого колхоза, где должны рассмотреть персональное дело Толыкбаева. Партсобрание назначено на 16 часов, я собрался ехать и перед обедом захожу к нему. Он мне дает еще одно задание – поприсутствовать на заседании райисполкома, где будут обсуждать акты КРУ, а после исполкома ехать в Аксуат. Заседание исполкома, начавшееся в 12 часов, затянулось до 15 часов. Я сразу на машину и поехал, но по плохой дороге пока добрался до Аксуата, коммунисты уже собрание провели и осталось им избрать состав бюро. В бюллетень ввели и Толыкбаева. Мне все это не понравилось, а менять что-то уже было поздно. По идее Толыкбаева не должны вводить в состав бюро.

Приехал поздно ночью. А на утро – заседание бюро (расширенное) с

участием секретарей парткомов совхозов, прокурора, начальника милиции и других официальных лиц. Я проинформировал о решении Аксуатской парторганизации и внес свое предложение – согласиться с решением парторганизации, объявить Толыкбаеву строгий выговор без занесения в учетную карточку. Кроме меня выступили еще 3 или 4 человека, затем встал Махмутов: «Товарищ Рахимов проявил беспринципность, согласившись с предложением коммунистов на собрании первичной парторганизации, ввел Толыкбаева в состав бюро, - и предложил, - Строгий выговор с занесением, снять с работы». Я растерялся, как же, сам внес предложение «без занесения», а теперь голосовать против своего предложения? И воздержался. Присутствовало 6 из 7 членов бюро. Воздержались двое. За предложение Махмутова проголосовали четверо. Вопрос вроде решен, прошло его предложение, но этот результат его не устроил. Он взбунтовался, требуя на глазах присутствующих «единства мнений членов бюро, так мы не сможем решать вопросы, так мы не сможем работать» и так далее. В общем, это был далеко не Белик, с которым мы привыкли работать, выступая и внося свои мнения, как равные. Это был диктат, вроде: хотите работать на своих местах – не смейте возражать первому секретарю. Но это было первое время. Актив Курчумского района, привыкший к стилю, характеру Василия Андреевича, продолжал выступать со своими мнениями по тому или другому вопросу, рассматриваемому на бюро, пленумах райкома, на сессиях районного Совета.

Особенно часто с возражениями выступал Ескаир Кожаметов, темпераментный аксакал, старше нас всех по возрасту, бывший фронтовой политрук, работал директором совхоза «Курчумский» - самого крупного хозяйства, по территории занимавшего полрайона, всю левобережную часть реки Курчум, до границы с соседним Маркакольским районом. Забегая вперед, скажу, что Ескаир Кожаметов в 1940 году окончил четырехмесячные курсы военных переводчиков при Харьковском пограничном училище вместе с Джексеновым З.Д., Есебергеновым и Тусумхановым Ахатом. А в начале Великой Отечественной войны оказался на передовой, воевал до конца войны, майор в отставке. Работал на советской работе, в том числе и председателем райисполкома.

Выступал эмоционально, коротко, чувствовалось, что объективно, настаивал на своем мнении. Поэтому одни стали его поддерживать, а другие – осуждать. У меня лично сложилось о нем мнение, как о бескорыстном, честном человеке. Однажды Ескаир Кожаметович позвонил мне и пригласил в гости. Вечером с женой пришли к ним, кроме нас никого не было. Увидев своими глазами обстановку в его доме, подумали, что у них столько же добра, сколько у нас, а у нас ничего, кроме двух кроватей, не было. При его положении они могли обустроиться лучше. К Ескаиру Кожаметовичу назначили главным зоотехником выпускника Алматинского зооветеринарного института Асылбека Сабекова, который через пару лет сменил его, был назначен директором этого крупного хозяйства.

Постепенно мы стали привыкать к Махмутову, он – к нам, видимо, тоже подумал, что «штурмовать» с ходу не всегда бывает удачным. В общем,

«приручили» его. Дела стали налаживаться, работать стало веселее и результативнее.

Тяжелая зимовка

Осень 1959 года, на исходе год кабана (доңыз), наступает год белой крысы (ақ тышқан). Этот год, по рассказам кочевников, всегда или нередко сопровождался бескормицей (жұт): летом был плохой травостой, засуха, корма на зиму не хватало. А зимы многоснежные, бездорожье, метели, глубоким снегом заваливало пастбища, от бескормицы гибли животные, иные годы вообще теряли все поголовье. У казахов на этот случай было такое выражение: таяғын сүйретіп қалды - хозяин остался только с палкой, а все поголовье погибло.

Наступивший 1960 год «оправдал» себя, как суровый, жестокий враг скотовода. Прошедший 1959 год был засушливым, травостой плохой, сена заготовить не с чего, а урожайность ячменя в совхозе составила 3,5-4 центнера с гектара. Так природа «подготовила» наступление «жутового» года.

Началось с большого снега, пастбища завалило, овцы не могут добраться до скудной растительности, оставшейся под толщей снега. Особенно в тяжелом положении оказался совхоз Калгутинский.

Провели совместное заседание бюро райкома и исполкома райсовета. Определили ряд мероприятий по оказанию помощи совхозам в проведении зимовки и спасению поголовья скота. Распределились по совхозам, чтобы постоянно быть в хозяйствах и организовывать необходимую помощь.

Мне определили Калгутинский совхоз. Со мной в бригаде главный ветеринарный врач района Матвиенко Алексей Макарович и второй секретарь райкома комсомола Май Яков Яковлевич.

Приехали в Калгутинский совхоз, пересели на коней и объезжаем отары, знакомимся с положением дел, наличием запаса кормов в каждой отаре. Подсчитали и определили минимальную потребность сена и фуража, чтобы сохранить поголовье. Все расчеты доложили в обком партии с просьбой о помощи. На местах на пастбища вывели бульдозеры, чтобы вскрывать пастбища, но эффекта почти нет. Во-первых, очищается узенькая траншея, тесно пастись, во-вторых, большая часть травы смешивается со снегом и им же заваливается. Но продержаться несколько дней надо, пока подойдет помощь. По заданию обкома для Калгутинского совхоза выделили 300 тонн сена из Карасуского совхоза Тарбагатайского района, вывозить надо через озеро Зайсан по льду до Курчума, а от Курчума до Калгуты и далее по отарам. Снарядили 10 или 12 машин на перевозку сена, на каждый рейс уходит три-четыре дня при благоприятной погоде. А тут снег, метель, за день дорогу очистим, а за ночь опять заваливает снегом, снова чистим и снова снег, все сначала. И так весь январь и февраль 1960 года, ни сна, ни отдыха, а падеж овец продолжается, каждое утро из кошары не выходят 3-5 голов павших. Организовали лазарет для лечения ослабевших животных и кормоприготовление для их поддержки.

Только в середине марта пошло потепление, открылись пастбища на некоторых участках. Зиме вроде бы пережили, а район понес огромный урон в животноводстве, потеряв около 18% поголовья мелкого скота (овец, коз), а Калгутинский совхоз – все 20% от общего числа поголовья, поставленного на зимовку. Немного лучше было в Курчумском, Маралихинском совхозах, у них хорошие луга на пойменных и предгорных участках. И урожай зерновых был значительно выше. Весной директор совхоза Калгутинский Василенко Павел Семенович написал заявление об освобождении от должности. На его место назначили Ахмадиева Ахмета, бывшего председателя колхоза имени Амангельды Самарского района, который проработал директором много лет.

Итоги этой зимовки обсуждали долго и во всех инстанциях. Повлияла ли эта зимовка, точно сказать не могу, но летом 1961 года Василия Андреевича Белика назначили директором треста откормочных совхозов. А на состоявшемся пленуме райкома партии его освободили от должности, по его же просьбе, и первым секретарем избрали Махмутова Тыныбека, ранее работавшего первым секретарем Большенарымского райкома партии.

Когда я переехал в Курчум, в районе было всего два совхоза: Курчумский, по левому берегу реки Курчум и Высокогорский – по правому берегу; директорами работали уже упомянутый выше Ескаир Кожахметов – Курчумского, и Петр Васильевич Штанько, энергичный молодой агроном – Высокогорского. Через два года оба директора настойчиво просили разукрупнить эти хозяйства, и вполне обоснованно. Поэтому райком партии поддержал их и скоро из двух совхозов сделали четыре. Появились совхоз Маралихинский, отделившийся от Высокогорского и совхоз Калгутинский, отделившийся от Курчумского. А еще через два года пришлось создать ещё один совхоз – имени XXII партийного съезда, с центральной усадьбой во вновь построенном селе Раздольное.

В эти же годы из трех мелких рыболовецких колхозов создали один крупный, этот колхоз много лет возглавлял Кусман Мейрбаев, обаятельный аксакал, пользовавшийся большим авторитетом у своих рыбаков и у районного руководства. Много лет проработавший в системе рыболовецкого объединения, он хорошо знал обстановку по ту и другую стороны озера Зайсан. Поддерживал деловую связь с рыболовецкими хозяйствами Тарбагатайского района и руководством рыбкомбината. В колхозе построили мощный холодильник, приобрели более совершенные снасти и плавсредства. В ауле Аксуат, на центральной усадьбе колхоза, по инициативе и на средства бюджета района были построены сельская больница и новое здание средней школы. Аул благоустраивался. Старший сын аксакала Мейрбаев Атантай, заслуженный врач, много лет возглавляет областное бюро судебно-медицинской экспертизы, живет в городе Усть-Каменогорске.

Прошло время, оправились от последствий тяжелой зимовки. Совхозы района хорошо провели весенний окот скота, посевную, заготовку кормов. Уроки этого года научили многому руководителей хозяйств да и районное руководство. По итогам 1961 года, по многим показателям район добился неплохих показателей.

Руководителей идеологического фронта: культуры, образования, печати - назначали по моему предложению. Заведующим районо был назначен Жангудеев Нурахмет, отделом культуры – Суатбаев Рахман, редактором районной газеты – Аязбаев Мекеш. Все они молодые, грамотные, знающие свое дело специалисты. Заведующим отделом пропаганды и агитации я пригласил Карякина Спартака Ивановича, учителя русского языка и литературы Курчумской средней школы.

Мне приятно было, что наш коллектив художественной самодеятельности на областном смотре для сельских районов занял второе место, первое - Шемонаихинский район. Повысилась успеваемость в школах района, значительно больше выпускников наших школ стало поступать в высшие учебные заведения.

При поддержке областного комитета партии увеличили формат районной газеты «Социалистик еңбек» (Социалистический труд – русский вариант), из двух полосной в четырехполосную, периодичность – 3 раза в неделю. В связи с этим, более чем в два раза увеличился состав журналистов. Все эти идеологические учреждения согласовывали свои планы работы на месяц, иногда – квартал, и выезды по району приурочивали так, чтобы вместе передвигаться на одном транспорте. А по приезду в любой совхоз или аул каждый действует по своему плану.

Я часто вспоминаю такой случай. Специально поехать или походить на охоту у меня времени не было, потому, выезжая в командировку, всегда в машине возил ружье и патроны. В то время было много дичи: зайцы в Калгутях, лисы у берегов Зайсана, тетерева по дороге в Маралиху или Чердоаяк. В одной из таких поездок в Чердоаяк в машине со мной оказались Жангудеев Нурахмет, Аязбаев Мекеш и Май Яша. Въезжая в ущелье, по которому проложена дорога, увидели сидящих на дереве тетеревов. Едем, они не улетают, подъехали на 20 метров – сидят. Не устоял. «Подайте мне ружье», - говорю, не видя, кто подает и, глядя только на косачей, беру ружье, стреляю в косача, сидящего на самой нижней ветке, так положено стрелять, чтобы другие не улетели. Сидят все, и тот, в которого я стрелял – тоже. Всегда стрелял хорошо. Подают второй патрон, зарядил, внимательно прицелился, стреляю... Опять все сидят. Прошу ещё патрон, подают, почувствовал, что патрон легкий. Заглянул в гильзу – дробь нет. Оказалось, что Аязбаев, он одногодка (курдас), решил подшутить, подавал патроны, предварительно высыпав дробь. Поохотали и поехали, выразив общее мнение, что «косачам суждено жить». Все трое были веселыми и добрыми людьми.

Мне приятно вспомнить моего коллегу Николая Тимофеевича Татаринцева, в то время заместителя председателя райисполкома по культуре, здравоохранению и образованию. Мы постоянно информировали друг друга, согласовывали свои мероприятия, а иногда и проводили вместе. Хорошие отношения у нас были не только по работе, но и семьями мы общались, бывали в гостях друг у друга. Он умел играть на баяне, этого было достаточно, чтобы украсить наш вечер.

Я доволен теми годами, которые прошли в Курчумском районе. За это время я изучил этот район, его территорию, население, в том числе и моего рода Бостан, ближайших наших родственников, которых я в детстве не знал.

Моему аулу, аулчанам, родным и близким очень понравилась моя жена Рая. Её приветливость, гостеприимность, открытость просто восхищали их. Многие из них, бывая в райцентре, останавливались у нас. И Рая за всеми ухаживала, поила, кормила всех приезжающих, и каждый из них, возвращаясь домой, рассказывал о ней что-то похвальное. Многие сородичи, друзья бывали у нас в гостях, а мы – у них. Жизнь шла нормально. А время тоже шло год за годом.

Не все было так гладко, были ошибки и неприятные последствия. Летом 1962 года из секретарей райкома я один остался в районе. Прихожу на работу к восьми часам, за мной же заходит ко мне Касымхан Малаев, работавший тогда выпускающим в редакции районной газеты. В руках сегодняшней номер газеты, и вид такой испуганный: «Пропал я, пропал!». На вопрос: «Что случилось? Говори толком», он положил на стол казахский вариант районной газеты «Социалистік еңбек». Читаю заголовок: «Январь оленумның шешімдерін іске асырайк» - дословный перевод – «претворим в жизнь решения январской смерти», в слове «пленум» вместо первой буквы «п» стояла «о». «А газеты где?» - спрашиваю. Отвечает, что отгрузили по всем почтовым отделениям, машины уже ушли. Вот так номер! 2800 экземпляров газеты, как поймут это читатели? Посоветоваться в районе не с кем. Я принял решение – вернуть все экземпляры до одного, не распаковывая, с этими же машинами, газеты перепечатать и отправить читателям завтра. На один день позже. С редактором газеты был серьезный разговор. Когда приехали члены бюро, я Махмутову доложил, почему так пришлось поступить. Прошло время, месяц или два. При редакции областной газеты «Знамя коммунизма» проводили семинар редакторов районных и городских газет, и там наш Аязбаев рассказал об этом случае. Детально не знаю, как и в каком аспекте он рассказывал, но до нас дошла реакция редактора газеты «Знамя коммунизма» Штабнова. Он расшумелся, «какое имел право секретарь райкома конфисковать газету, это раньше жандармы конфисковывали большевистскую газету, доложишь на бюро, на пленуме» и так далее. А тут несколько дней оставалось до отчетно-выборной районной партконференции.

Началась проверка, нашлись и склочники, к газетному вопросу ещё добавили, кто-то слышал или замечал по недостаткам Рахимова. На районную партконференцию в качестве представителя обкома приехал Абрам Зиновьевич Белявский, который в ходе работы конференции сидел в президиуме рядом со мной и все время мне подсказывал, чтобы я вину признал, попросил у делегатов извинения. Я этого не стал делать, сказав, что вины своей не вижу, а по существу возникших вопросов выступлю и объясню все делегатам конференции. В конце обсуждаемого отчетного доклада я выступил и показал делегатам злосчастную газету, которую возвратил, и вторую, перепечатанную, вышедшую днем позже. Многие

делегаты поддержали мое решение. Однако, когда выдвигали новый состав пленума, меня в списке не оказалось. Тогда несколько делегатов конференции: Кашеев - райвоенком, Куланбаев - начальник милиции, Середин – директор совхоза Маралихинский и другие, выступили и потребовали включить Рахимова в новый состав пленума райкома. Махмутов поставил на открытое голосование – «кто за то, чтобы ввести Рахимова в список (бюллетень) нового состава». Проголосовали почти единогласно, число голосов считать не стали, а в бюллетень включили. По итогам тайного голосования Махмутов – «против» 9, Матвиенко – «против» 12, Рахимов – «против» 3, остальных не привожу. Конференцию закрыли, остались только вновь избранные члены пленума. Белявский внес предложение о первом секретаре – назвал Махмутова. Вторым Махмутов предложил Матвиенко, затем объявил заседание пленума закрытым. Но в зале поднялись несколько вновь избранных членов пленума с вопросом: «Почему Рахимова не избираем? Кто здесь нам препятствует его избрать, кто такое решение принял из-за ничего не стоящих склок?» и так далее. Видно было, что Белявский проявил осторожность и посоветовал Махмутову пока оставить место открытым. Махмутов вынужден был ответить членам пленума, что «через пару дней разберемся с газетами и другими сплетнями, потом созовем пленум в ближайшие дни и выберем». На этом люди успокоились и разошлись. Через пару дней меня вызвали в обком партии.

В приемной секретаря встретил Белика Василия Андреевича, Одинцева Гавриила Васильевича и Белявского Абрама Зиновьевича. Понял, что их вызвали по моему вопросу. Заходим все вместе в кабинет секретаря обкома. Мне предложили объяснить суть спорного вопроса. Я захватил тот номер газеты, развернул и показал присутствующим. Заголовок перевел на русский язык - «претворим в жизнь решения январской смерти». «Что я должен был делать с этой газетой? Если бы не убрали – весь район бы смеялся, да и критики хватило бы года на два. Досталось бы и редактору, который до сих пор не понял или не захотел понять, что я, принимая такое решение, его спасаю». После меня поднялся Белик В.А. и резко выступил в адрес Белявского. Дословно: «Если бы я был на его месте, тоже поступил бы как Рахимов. А вы такой шум на весь район устроили. Я с ним работал три года и знаю его способности. Рахимов еще вырастет, будет хорошим руководителем». Секретари обкома между собой переговорили и сообщили следующее: «Завтра секретарь обкома Фартуков Георгий Андреевич поедет в Курчумский район, проведет вместе с Махмутовым пленум райкома партии, доложит членам райкома наше решение и порекомендует Рахимова вновь избрать секретарем». Меня предупредили - «с газетами будь поосторожней». Я поблагодарил секретарей и собрался уходить, Фартуков остановил меня и сказал, что выезжать будем в 13 часов.

Ехал в машине и вспомнил выступление Вышинского на сессии ООН, он тогда был министром иностранных дел СССР. В ответ на выпад американского представителя, обозвавшего его змеей за острый язык, Вышинский сказал: «Да, змея ядовита и опасна, но стоит отойти от нее, как

она перестает быть опасной. А от злого языка клеветника не спасешься ни за горами, ни за морями». Он был прав. Сколько раз пришлось объясняться и в каких инстанциях.

Работу в райкоме продолжаем, никто никаких обид не имел. Разобрались по всем склокам. Наладились хорошие взаимоотношения. В общем, работа пошла нормально. Коммунисты района тоже все правильно поняли.

Настала зима, волнуемся, переживаем, какой она будет. Подготовились к зимовке неплохо, создали необходимый запас сена, силоса и фуража в хозяйствах, подвезли топлива. Дороги поддерживаем в «проезжем» состоянии. Обеспечили топливом школы и учреждения культуры.

Неожиданную новость сообщил «прирученный», теперь уже не злой, Тыныбек Махмутович. Он зашел ко мне в кабинет и говорит: «Ты же в этом году в отпуске не был, год кончается. Напиши заявление на отпуск, получи отпускные и лечебные. Звонили из обкома, срочно тебя вызывают, через пару часов за тобой прилетит специальный самолет». Вот это неожиданность! За час мне оформили отпуск, выдали деньги, и я пошел обедать. Дома рассказал жене, обедаем, только успели с обедом, приезжает инструктор райкома, сообщает, что самолет приземлился и ждет в аэропорту. За что, думаю, удостоился такой чести, такая срочность? Прилетели, в аэропорту встречает дежурная машина обкома. Водитель сообщил, что мне сразу надо зайти в обком.

Алексей Иванович Неклюдов, первый секретарь обкома, без всяких предисловий сказал: «Рекомендуем вас на должность второго секретаря Зырянского райкома партии. Конференция назначена на 10 часов 28 декабря. Завтра поедете с Абрамом Зиновьевичем Белявским. Вопросы есть?» «Вопросов нет, - отвечаю, - спасибо за доверие».

Новое назначение

Я выше упоминал, что через год после курчумских разбирательств Абрам Зиновьевич повезет меня в Зыряновск. Из Усть-Каменогорска выехали примерно в 13 часов 27 декабря, к 16 часам приехали на станцию Бухтарма, решили ехать поездом. Погода отвратительная, снег, метель, и еще на протяжении четырех километров разобраны рельсы в связи с камнепадами. Со станции Бухтарма до Первороссийска приехали на дрезине, оттуда 4 километра по железнодорожному, разобранному пути по шпалам, снег по колесо и метель. Иду и думаю, что он так решил? Куда проще было бы по льду пройти пешком, а на том берегу машина встретила бы, и мы добрались бы за 2-3 часа. Прошли эти 4 километра, а на восстановленном участке пути нас ожидала теплушка, которая доставила нас в город Зыряновск к 8 часам утра. Эта дорога - с метелью, дрезиной, шпалами и теплушкой - случай редчайший в моей мирной жизни, поэтому и запомнилась на всю жизнь.

Успели умыться, выпить по чашке чая, и на конференцию. Здесь

встретился с давно знакомыми Кузьминым Николаем Федоровичем и Шарабариным Алексеем Александровичем, работающим председателем райисполкома. Впервые встретил Александра Никоновича Иващенко, Валентину Николаевну Возовикову, Федора Федоровича Урюмцева, с которыми потом работали, как говорится, рука об руку. В ходе конференции меня познакомили с директором Зырянского свинцового комбината Жаксыбаевым Набием Кульчамановичем, директорами: Зырянского совхоза - Казимиром Ивановичем Волчак, Соловьевского совхоза - Сулема-Грудзинским, Чапаевского совхоза – Шелухиным Василием Андреевичем.

Партийная конференция прошла на высоком идейном уровне, как тогда принято было оценивать уровень партийно-политических мероприятий.

Избрали состав райкома, секретарями: Кузьмина Н.Ф., Рахимова К.Р., Возовикову В.Н.; членами бюро: Иващенко А.Н., работавшего начальником сельского производственного управления, Шарабарина А.А., председателя Зырянского райисполкома, Цыганкова Василия Андреевича, председателя комитета народного контроля.

Для меня это был новый район, раньше здесь бывать не приходилось. Поэтому свою работу начал со знакомства с районом. Много ездил по совхозам, кроме хозяйства меня интересовали школы, дома культуры, клубы, библиотеки. Состояние партийной учебы, работа общества «Знание», ДОСААФ и многие другие вопросы, которыми придется мне заниматься.

Непривычны были моим глазам многоэтажные дома на центральных усадьбах совхозов, водопровод, канализация. Освещенные улицы. Огромные мастерские по ремонту сельхозтехники. Все это механизировано, электрифицировано на уровне промышленных предприятий. Механизированные зернотока, мощная зерноочистительная техника. Здесь я увидел другой мир, на три ступени выше по своему техническому уровню, чем в хозяйствах Курчума. В Союзе только начали пропагандировать карусельную дойку, а Чапаевский совхоз уже использует эту технику.

Откровенно скажу, что в Зырянском районе за короткое время я прошел «школу передового опыта», сориентировался на тот уровень, который требуется в этом, значительно опережающим в своем развитии многие другие районы области.

Чувствовалось, что большая помощь была оказана совхозам Зырянским свинцовым комбинатом, его рудниками, в вопросах механизации, электрификации в хозяйствах. На страницах этой книги я предоставил слово моему старому другу и коллеге по работе в Зырянском районе Шарабарину Алексею Александровичу. Вижу, он хорошо написал о тех мероприятиях, которые мы совместно проводили для улучшения производственных показателей, жизни и быта населения, проживающего в сельской местности. Чтобы не было повторений, я на этих вопросах останавливаться не буду.

В сентябре 1964 года в район приехал второй секретарь сельского обкома партии Алыбаев. Кузьмин Н.Ф. отдыхал в доме отдыха под Лениногорском, поэтому я встретил Алыбаева, проехали по всем хозяйствам.

Отличный урожай уборка в разгаре. Но мешал моросящий дождь, повторявшийся почти через день. Алыбаев за урожай похвалил, ходом хлебоуборки доволен, после обеда выехал в город.

Надо же было такому случиться. На возвышенности между городом и железнодорожной станцией Зубовск было засеяно 500 гектаров «безостой» пшеницы. Эту площадь Казимир Иванович распорядился скосить на свал, раздельная уборка, называлось. Скосили, а убрать – недосуг, и пшеница начала прорастать. Валки очень крупные, видны издалека. Алыбаев решил заехать и посмотреть. Конечно, увидел. Опытный агроном, сразу определил потери зерна, примерный убыток. По приезду в город вызывает прокурора области и дает указание: арестовать Волчака К.И., директора совхоза, за этот участок. Областной прокурор дает задание прокурору города Зыряновска Терещенко Т.И..

На следующее утро ко мне приходит Терещенко Тимофей Иосифович и рассказывает, что получил указание областного прокурора об аресте Волчака К.И.. Что будем делать? Я его попросил немножко «поволокитить», пока не свяжусь и не посоветуюсь с Кузьминым, конечно, арест надо исключить, совхоз по всем показателям хорошо идет. За ночь и утро я нашел Кузьмина, он нашел Алыбаева, еле уговорил, что приедет, разберется, только не арестовывать Волчака. Терещенко, чтобы его не обвинили за медлительность, вручил санкцию на арест Казимиру Ивановичу. К 11 часам Казимир Иванович заходит ко мне «ни жив, ни мертв», совсем не тот, не вчерашний тридцатитысячник, инженер-энергетик, направленный на укрепление сельского хозяйства. «Присядьте, успокойтесь, обойдем как-нибудь эту сопку», - имея ввиду 500 гектаров на возвышенности и проросшие валки. Я ему рассказал, что мы делаем по этому вопросу, и отправил домой, попросив, чтобы он был на связи, обещал обязательно позвонить. К вечеру приехал Кузьмин, оставив свой отдых. Попутно заехал к Алыбаеву и Неклюдову, просил их обойтись без ареста, обещал наказать на бюро. А 500 гектаров убрали на второй день, зерно пустили на фураж.

С Волчаком разобрались, обсудили на бюро, объявили наказание, доложили о принятых мерах Алыбаеву. Все вроде успокоилось.

Хлебоуборку уже заканчивали, задание по зерну выполнили, сдали еще сверх задания. Кузьмину выделили путевку в Сочи и он уехал в первых числах октября. Опять я остался за старшего в хозяйстве.

14 октября около 8 часов утра звонок из обкома: «Здравствуйте, говорит Неклюдов. Слушайте внимательно, сейчас 8, вам дается 4 часа. Соберите всех членов и кандидатов в члены обкома и не позднее 15.00 часов будьте в обкоме. Будем обсуждать важное решение ЦК КПСС». «Есть, Алексей Иванович».

В 16.00 прилетел Соломенцев, второй секретарь ЦК Казахстана прямо из Москвы. Он доложил решение пленума ЦК КПСС об освобождении Н.С. Хрущева. Подробно рассказал, как Хрущева выманили из Сочи досрочно в Москву, из аэропорта домой не пустили, сказав, что его ждут в ЦК. И ввели его прямо на заседание политбюро, где уже председательствовал Леонид

Ильич Брежнев. Снимать с высокого кресла первое лицо государства всегда было нелегко, даже опасно. Этот же Хрущев при первой попытке его снятия сумел выкрутиться, благодаря предательству Фурцевой и Булганина.

После освобождения Хрущева от должности, были восстановлены сельские райкомы и упразднены парткомы сельских производственных управлений. На всех уровнях партийных конференций и съездом коммунисты требовали восстановления единого областного комитета партии, расчлененных Хрущевым на промышленные и сельские обкомы, что и было решено к концу 1964 года.

Многие из тех моих друзей, коллег по работе в Зыряновском районе переехали в Усть-Каменогорск. Тимофей Иосифович Терещенко был назначен заместителем областного прокурора. Алексей Александрович Шарабарин после Зыряновска плодотворно поработал в должности первого секретаря Таврического райкома партии, затем ответственным секретарем облисполкома. Главный агроном Соловьевского совхоза Гамоцкий был выдвинут директором совхоза Передовой. Все мы продолжали поддерживать дружеские связи.

Секретарь парткома Василий Андреевич Коваленко назначен директором Бухтарминского совхоза. Акентий Яковлевич (фамилию забыл) – директор средней школы в Усть-Каменогорске. Приятное воспоминание о директоре школы Зарате Капашевиче (фамилию забыл) и директоре Средигорненской средней школы того времени. Иван Никитович Самойлов, выдвинутый из учителей на директорскую должность по моему предложению, впоследствии много лет руководил самой крупной, образцовой средней школой Усть-Каменогорска.

Уважаемый читатель, о нашей совместной работе и достижениях Зыряновского района, хорошо написал тогдашний председатель райисполкома Алексей Александрович Шарабарин. Ему предоставляется слово.

Посвящаю воспоминания другу и коллеге по совместной работе в Зырянском сельском районе Рахимову Курмату Рахимовичу

Наша дружба и надежна и верна.

Она – эта дружба, зародилась в начале шестидесятых годов прошлого столетия. В то незабываемое время великой страной управлял неугомонный реформатор Никита Сергеевич Хрущев. Он торопился усовершенствовать управление народным хозяйством. Были возрождены совнархозы для управления промышленностью, которые действовали на заре советской власти, а для села Н.С. Хрущев решил создать производственные управления, упразднив райкомы партии. Каждая область была поделена на две: промышленную и сельскую.

В ту далекую пору Курмат Рахимович трудился секретарем Курчумского райкома партии, а я неподалеку, через Нарынский хребет Алтая, в Катон-Карагайском. Время было горячее, дисциплина жесткая. Партийный работник был лишен права выбора места и должности. В лучшем случае перед переводом нас приглашали на беседу в обком партии, а, бывало (как в данном случае), позвонил заведующий орготделом обкома Абрам Зиновьевич Белявский и передал: «Алексей, 10 ноября (1962 года) в Зырянске состоится сессия районного совета народных депутатов, тебя рекомендуем председателем райисполкома». К этому времени партком и производственное управление сельского хозяйства уже функционировали на протяжении года. Партком возглавлял Николай Федорович Кузьмин, с которым мне уже довелось работать. Участник войны, боевой офицер, имеющий за плечами большой опыт партийной работы, университетское образование, широкий кругозор, предельно честный и порядочный, в полной мере соответствовал тем задачам, которые предстояло решать. Заместителем секретаря парткома по оргработе была утверждена Возовикова Валентина Николаевна. А заместителем по идеологической и воспитательной работе стал Курмат Рахимович Рахимов.

Партком и райисполком расположились в одном здании на втором этаже. Уже первая встреча с Рахимовым К.Р. произвела на меня хорошее впечатление. Стройный, подтянутый, опрятно со вкусом одетый, сдержанный в разговоре, обменялся крепким рукопожатием, - во всем этом чувствовалось влияние армейской службы.

Так начиналась наша совместная работа. Мы были еще молоды, однако за плечами каждого из нас был немалый опыт работы с людьми и достаточная профессиональная подготовка.

Производственное управление сельского хозяйства возглавлял Иващенко Александр Николаевич, опытный хозяйственник, прошедший хорошую школу воспитания на ответственных постах в партийных и советских органах области.

Читателю, видимо, интересно узнать, что из себя представлял вновь образованный Зырянский сельский район. Площадь – 12,5 тысяч

квадратных километров, население – 22, 7 тысяч человек, 33 населенных пункта, 4 поселковых и 8 сельских советов. Семь совхозов мясомолочного и зернового направления, откормочный совхоз и два пчеловодческих хозяйства, селекционная станция, четыре лесхоза и дорожно-строительное управление. Восемь средних, двадцать восьмилетних и пять начальных школ, профтехучилище по подготовке механизаторов широкого профиля. Район расположен на северо-востоке области, в предгорной и горной зонах Алтая, около 70% пашни – горные черноземы, которые в направлении к побережью переходят в каштановые и наносные супесчаные земли. Горная часть покрыта хвойными, а долины рек лиственными лесами и кустарниками. Среднегодовая сумма осадков превышает 500 мм в год.

Учитывая благоприятные условия для развития полеводства, мясомолочного животноводства и пчеловодства, райисполком и производственное управление в качестве главной задачи на седьмую пятилетку определили: повышение жизненного уровня и качества жизни сельского населения на базе непрерывного роста производительности труда за счет электрификации и комплексной механизации трудоемких процессов, повышения профессиональной грамотности работников и массового экономического всеобуча рабочих и служащих, повышения материальной заинтересованности в конечных результатах труда.

Чтобы обеспечить переход на интенсивные формы хозяйствования, были разработаны конкретные мероприятия с участием широкого круга: экономистов, специалистов народного хозяйства, передовых рабочих, которые предусматривали, где, что и когда сделать и кто отвечает за исполнение. Мероприятия обсуждены на собраниях в трудовых коллективах бригад, отделений, а в районе – на собрании партактива. Активное участие в разработке и реализации мероприятий по социальной группе вопросов на всех этапах принимал Курмат Рахимович Рахимов.

Однако, одно дело разработать, даже очень хорошие мероприятия, и совсем другое – увлечь, убедить широкие слои населения в необходимости перемен и добиться их активного участия в реальном осуществлении намеченного.

В этом плане у зырянцев были определенные преимущества. В отличие от других районов, они не имели своего райцентра, и потому члены бюро парткома и исполкома районного совета народных депутатов могли сосредоточиться на решении проблем каждого населенного пункта, тратя на это львиную долю своего рабочего времени. В идеологической работе с населением использовался широкий арсенал форм и методов. Прежде всего, приняты меры по укреплению кадрами культпросветучреждений, оснащению их мебелью, музыкальными инструментами, киноустановками, обеспечению топливом и освещением. Пополнялся книжный фонд. Создавались различные кружки художественной самодеятельности. На животноводческих фермах и тракторно-полеводческих бригадах оборудовались бытовые комнаты для отдыха, приема пищи и организации учебы по повышению профессионального мастерства; проводились собрания, подводились итоги

соцсоревнования.

На базе лучших домов культуры и клубов, расположенных на центральных усадьбах Чапаевского, Никольского, Соловьевского и Зыряновского совхозов, проводились смотры художественной самодеятельности. Все это содействовало закреплению молодежи на селе.

Большой личный вклад в привлечение творческой интеллигенции (учителей, медицинских работников, специалистов совхозов и лесхозов) к воспитательной и разъяснительной работе среди сельского населения внес Курмат Рахимович. Не жалея времени он терпеливо и настойчиво искал и находил в людях лучшие качества, помогал на пользу людям реализовать их таланты.

Многое сделано Рахимовым К.Р. в Зыряновском районе по подбору, закреплению и воспитанию учительских и медицинских работников, развитию и укреплению материально-технической базы школ и дошкольных учреждений, по налаживанию информирования населения о выполнении мероприятий и задач на 7 пятилетку через газету «Заря Востока».

Он был в числе инициаторов строительства в средних и восьмилетних школах спортивных залов и оборудования на пришкольных участках спортивных площадок. Будучи депутатом районного совета, Рахимов К.Р. настойчиво работал над выполнением наказов избирателей. Так под его личным контролем в установленные сроки было завершено строительство типового здания Никольской средней школы. Восстановлена начальная школа в селе Кремнюха. Коллективом Тургусунского лесхоза по рекомендации Рахимова построены два деревянных дома для молодых учителей Тургусунской восьмилетней школы. И такие примеры не единичны.

Находясь в одной упряжке с другими членами бюро парткома и райисполкома, Курмат Рахимович внес заметный вклад в экономическое и социальное развития Зыряновского сельского района. Начиная с 1963 года и до конца седьмой пятилетки район прочно находился в числе лидеров. Зыряновцы первыми в области решили проблему размещения крупнорогатого скота в каркасно-сборных животноводческих помещениях, выполненных из местных строительных материалов. Первыми приступили и завершили строительство механизированных зернотоков в каждом зерновом отделении совхозов, что позволило в десятки раз сократить трудозатраты на очистку и перемещение зерна, а также резко сократить потери и повысить качество зерна. В эти годы интенсивно строились комплексно-механизированные коровники, телятники, осуществлялся переход от ручного доения к механизированному, решены проблемы водоснабжения и навозоудаления. Существенно укреплена кормовая база за счет расширения посевов летних трав и кукурузы на силос. Что позволило заметно улучшить условия труда для животноводов и повысить его производительность. За эти годы заметно повысилась культура земледелия. Введено в оборот более 5 тысяч гектаров пашни за счет распашки закустаренных земель. Наведен порядок в семеноводстве, велось настойчивое освоение севооборотов. Вся пашня засеивалась семенами высоких посевных кондиций районированных

сортов. Резко возросло применение местных органических и минеральных удобрений. Поля очищены от сорняков. По урожайности зерновых, подсолнечника, кукурузы на силос район по итогам пятилетки вышел на первое место в области. Настойчиво внедрялся хозяйственный расчет и меры материального поощрения за конечные итоги и качество выпускаемой продукции.

Заметно повысилась зарплата механизаторов, животноводов и строителей. Началось интенсивное строительство жилья в селах и объектов соцкультбыта трестом «Зыряновскстрой», а также хозспособом стройбригадами совхозов. Индивидуальным застройщикам оказывалась помощь стройматериалами и транспортом. Многие сделано по строительству дорог, с большинством населенных пунктов налажено автобусное движение. Большое внимание уделено организации общественного питания, рабочие столовые действовали во всех отделениях. Ежегодно проводились конкурсы, победители поощрялись за качество и разнообразие ассортимента и культуру обслуживания пациентов. Завершена электрификация всех населенных пунктов.

Все названные и другие позитивные изменения в жизни населения – плод слаженной, коллективной работы парткома, производственного управления сельского хозяйства и райисполкома. Самой высокой оценки заслуживает эффективная деятельность директорского корпуса, секретарей парткомов, председателей сельских и поселковых советов, именно через них реализовалась и воплотилась в жизнь коллективная воля коммунистов района. Многие удалось сделать благодаря хорошо налаженным связям и взаимопомощи с горкомом партии, горисполкомом, его первыми руководителями П.А. Пешниным и Ф.Ф. Бабиным, а также с руководителями Зыряновского свинцового комбината, треста Зыряновсксвинецстрой, Лесхоза и других организаций города.

Самоотверженная работа партийной организации, всех тружеников Зыряновского сельского района в годы седьмой пятилетки получила высокую оценку. Из 15 переходящих Красных Знамен, учрежденных обкомом и облисполкомом Восточно-Казахстанской сельской области, 10 присуждены Зыряновскому району. Многие рабочие, специалисты, руководители совхозов и района награждены орденами и медалями Советского Союза, в их числе и Курмат Рахимович Рахимов....

В совместной напряженной работе росла и крепла наша дружба, взаимопонимание. Мы жили неподалеку друг от друга. Общались семьями, были единомышленниками. Наша семья навсегда сохранит в памяти те незабываемые редкие дни общения с Рахимовыми. Гостеприимство, доброжелательность и теплоту, которые умела создать супруга Курмата Рахимовича – Раиса Абдулловна, красавица, прекрасная мать и умелая хозяйка дома....

Нас объединяла также любовь к природе, а в Зыряновске есть немало красивейших мест: по Хамиру, Тургусуну, на берегу Бухтарминского водохранилища, где зимой и летом можно насладиться активным отдыхом:

охотой или рыбалкой. В то время реки были полны рыбой, а окружающие город поля и леса – боровой и водоплавающей птицей. Все это помогало восстанавливать силы и плодотворно трудиться....

В конце 1965 года ЦК КПСС и Совмин СССР приняли совместное постановление об упразднении деления областей и краев на промышленные и сельские, и вернулись к прежнему административному делению. Были вновь возрождены районные комитеты партии. В связи с этим Зыряновский сельский район также был упразднен.

Район упразднили, и мы оказались в разных местах. Курмат Рахимович получил назначение на должность заместителя начальника Восточно-Казахстанского областного управления МВД по воспитательной работе, а я избран первым секретарем Таврического райкома партии. Видеться нам приходилось редко, только на больших совещаниях. Армейская служба и работа в партийных органах позволили К.Р. Рахимову быстро освоиться с новыми обязанностями и плодотворно трудиться на протяжении многих лет на ответственном посту. Его личные качества: трудолюбие, тяга к знаниям, порядочность, принципиальность – послужили надежной основой уважения и заслуженного авторитета среди сотрудников областного управления и личного состава районных и городских отделов МВД.

А сделать это было нелегко при легендарном и властном начальнике Управления внутренних дел генерале З.Д. Джексеневе, который пользовался непререкаемым авторитетом и поддержкой МВД и обкома Компартии Казахстана.

Закончив службу в звании полковника, Рахимов К.Р. не мог сидеть дома, он хотел быть полезным обществу и молодому независимому государству Республике Казахстан: его пригласили на должность начальника штаба ГО одного из крупных предприятий города.

За время работы в этой должности он сделал многое по наведению порядка в планировании мероприятий ГО, в комплектовании подразделений и обучении командного и личного состава, в оснащении средствами личной защиты, оборудовании плакатами и литературой уголков гражданской обороны. На прошедших в 1996 году командно-штабных учениях ГО Восточно-Казахстанской области действия штаба ГО предприятия, на котором работал Рахимов К.Р. получили позитивную оценку, а Курмат Рахимович награжден знаком «Отличник гражданской обороны».

Шли годы. Ушла из жизни верная и обаятельная подруга Курмата Рахимовича – Раиса Абдулловна. Выросли и давно стали взрослыми дочери Алия и Галия, давно побелела голова ветерана, он ведет отсчет девятому десятку лет жизни. Но, как всегда, Курмат-ага, несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье, полон оптимизма.

Живи долго и будь счастлив, дорогой друг, и помни: «Старый друг – лучше новых двух».

5 февраля 2008 года   Алексей Шарабарин

Второй призыв

Никита Сергеевич Хрущев много проводил неоправданных реорганизаций, реформ не только в управлении народным хозяйством страны, но и в вооруженных силах, органах МВД и МГБ. Как-то он откровенно высказал, что «мы все время боялись того, когда, кого из нас арестует Берия». Став главой государства решил, поэтому, в первую очередь избавиться от Берия, осуществив арест и расстрел без суда. После Берия стал расправляться: с армией - «значительным» сокращением вооруженных сил, госбезопасностью - дроблением МГБ и МВД - разогнал, по-другому не скажешь. МВД СССР ликвидировал вообще, вместо него предложил создать республиканские министерства охраны общественного порядка – МООП, а в областях и краях, соответственно, УООП – управления охраны общественного порядка. Министерства (МООПы) союзных республик лишились связывающего центра, квалифицированной помощи со стороны союзного министерства, учебных заведений, готовящих кадры МВД для всех союзных республик, планового технического оснащения и многих других возможностей.

Зарплата сотрудникам десятилетиями не повышалась. Из органов стали уходить наиболее подготовленные работники. Рос некомплект, желающих работать в органах было мало. С имеющимся неукомплектованным личным составом трудно стало решать задачи, которые возлагались на органы внутренних дел, авторитет милиции падал. Дошли до предела. В некоторых областях и республиках народ выступал против милиции, громили здания, избивали работников, поджигали милицейский транспорт. Серьезным сигналом опасности стали беспорядки в городе Чимкенте, когда разбушевавшаяся толпа, недовольная работой милиции, разгромила и подожгла здание Южно-Казахстанского областного управления (УООП), разгромлено было здание МООП в городе Фрунзе (Бишкек) Киргизской ССР и в ряде других городов бывшего СССР.

После этих событий ЦК КПСС принял решение об укреплении органов МВД. Восстановили ранее ликвидированное Министерство внутренних дел Союза ССР. В штаты МВД и УВД ввели должность заместителя начальника УВД по кадрам. Создали отделы политико-воспитательной работы. Расширили возможности подготовки кадров МВД в имеющихся учебных заведениях, образовали много новых средних и высших учебных заведений, в том числе, Академию МВД СССР.

Министром внутренних дел СССР был назначен Николай Анисимович Щелоков, энергичный боевой генерал. Он вместе с Брежневым Л.И. воевал в одной армии, и был в хороших личных отношениях с ним. Он сумел решить многие, очень нужные вопросы для улучшения деятельности органов МВД, которые десятилетиями не решались.

В такой обстановке в стране и в системе министерства я был направлен, в соответствии с решением ЦК КПСС, в органы внутренних дел на должность заместителя начальника УВД Восточно-Казахстанской

области. На эту должность обком партии рекомендовал три кандидатуры. Моего однофамильца Ойкена Рахимова, работавшего первым секретарем Маркакольского райкома партии, Василия Севостьяновича Карпенко, работавшего председателем Усть-Каменогорского горисполкома. В ЦК КПК и в МВД республики остановились на моей кандидатуре.

Когда о предварительном решении по моей кандидатуре и в обкоме спросили моего согласия, я попросил один день, чтобы подумать и посоветоваться с семьей. Согласились. Я, рассказав о предстоящей работе своей Раисе Абдулловне, спросил её, что она скажет. О, святой человек! Она сказала: «Работать тебе, решай сам, а мы всегда с тобой и будем поддерживать. Дети же подросли, скоро учить их надо в институтах города». Решение принято, и я дал согласие. Второй раз призываюсь и одеваю военную форму.

УООП размещался в четырех полуразвалившихся зданиях по улице Кирова, впоследствии все они были снесены. В этих полуземляных помещениях работают по 3-4 человека в кабинете, занятия проводить негде. В «красном» уголке всего 60 мест. Одним словом, крайняя степень бедности. Ни мебели, ни сейфов, ни средств связи, даже тех, которыми пользовались гражданские организации и учреждения. Более половины сотрудников, носящих офицерские погоны, не имеют среднего образования. В подразделениях работают 70 инвалидов III группы, и так далее, и тому подобное, много того, чего бы давно не должно быть в органах. Среди личного состава – нарушения по службе, дисциплине, пьянство. Нарушение сроков дознания и следствия. Беспредел в колониях, за малейшие нарушения заключенных сразу в СИЗО. Начались бунты в колониях, в ИТК-17 и в колонии для несовершеннолетних (ТКН).

В этот период начальником УООП работал комиссар милиции III ранга Джексенев Закирья, заместителями – Езубченко Павел Трофимович, Романьков А.А..

Моя работа началась с ознакомления с условиями работы подразделений городских и районных отделов внутренних дел, исправительно-трудовых учреждений. По городским (Усть-Каменогорским) меня знакомил Павел Трофимович Езубченко, с подразделениями мест заключения – Борис Давыдович Токарь, а в Лениногорский горотдел мы поехали с Джексеневым. Он ввел в курс об особенностях работы городских подразделений. Лениногорск, как город наиболее высокой преступности, был взят на контроль МВД Союза ССР.

В Самарский и Курчумский районы я взял с собой Кремнева Константина Яковлевича, единственного полковника милиции в Восточно-Казахстанской области, работавшего начальником отдела уголовного розыска. И так до весны 1966 года побывал во всех райотделах. А в апреле возглавил бригаду по инспектированию Большенарымского райотдела. Начальником работал Гадылбек Габсеитов, такой открытый, бесхитростный человек. Итоги инспекторской проверки обсудили с участием первого секретаря райкома Сембинова. Критики было много, но работу отдела

признали удовлетворительной, определили сроки для устранения недостатков.

После поездки в Большенарымский район я на некоторое время прекратил командировки. Надо было определить текущие и перспективные вопросы, которые требовали неотложного решения.

Первым из них был вопрос об укомплектовании отдела политико-воспитательной работы. Из кадровых работников милиции инструкторами отдела взяли: Тусупханова Омархана, Мясоченко В.Н.; из гражданских – журналиста Острова Василия Григорьевича, Алексеенко Бориса Владимировича; начальником отдела я пригласил бывшего первого секретаря Зыряновского горкома комсомола – Логвинова Евгения Петровича. Отдел начал работать по организации политико-воспитательной работы непосредственно в аппарате УООП и городских и районных органах. Постепенно укомплектовали должности замполитов в тех подразделениях, где полагалось по штату. Много пришло гражданских политработников по рекомендации горкомов и райкомов партии. Так Козубов – на должность заместителя начальника Зыряновского горотдела, Двуреков - заместителя начальника Глубоковского райотдела, Кочнев Ю.П. - заместителя начальника Большенарымского райотдела. Комплектование вакантных должностей помаленьку продвигалось.

Теперь главная трудность работы с личным составом заключалась в том, что отделы УООП были разбросаны по всему городу. В самом здании УООП размещались: ОУР, ОБХСС, отдел кадров и отделы наружной службы и следственный.

ГАИ размещалась в одноэтажном домике по улице Кирова, рядом с сегодняшним детским садиком УВД, а её подразделения: ОРУД – отдел регулирования уличного движения – на улице Ворошилова, командир взвода – Цой Анатолий Буднеевич; ОИТУ командовал Борис Давыдович Токарь, размещался при ИТК-30; ФИНО, ХОЗО – в отдельных частных домах. Медслужба с поликлиникой – в двух одноквартирных домах. Одним словом, в таких условиях работать было очень трудно. Невозможно было собрать личный состав, тем более, проконтролировать, кто и чем занимается. Иногда звоню по телефону начальнику отдела, отвечает тот, кто подойдет к аппарату. На вопрос, где начальник, отвечают – «вышел». Куда вышел, когда придет – «не сказал». Вот и ищи, а когда найдешь, на вопрос где был, он всегда найдет, что ответить.

В такой обстановке главным вопросом стал – собрать все отделы под одну крышу. Для этого нужно срочно строить служебное здание для УООП. МООП республики согласилось с нашим предложением. Подобрали проект, и в 1966 году начали строить это здание по улице Пролетарской, 152, где сегодня размещается городское управление полиции. В советское время такие здания строили по два-три года. Мы же выстроили за 10 месяцев, ход строительства проверяли каждый день. Строителям помогали во всем, в чем была нужна помощь, требовались люди, не хватало рабочих рук – направляли из всех подразделений. Лимит на кирпич иссяк, стройка встала.

Что делать? Комиссар вызвал Борисова, начальника ГАИ, дал строгое задание: «У кирпичного завода поставить автоинспектора и любую машину, загруженную кирпичом, направлять на здание УООП». Так обеспечивали кирпичом. От организаций, у которых мы захватили кирпич, были жалобы, и нам приходилось с ними объясняться. Как бы трудно не было, к весне 1967 года стройку завершили, закончили все отделочные работы и покраску.

Однако это время совпало с тем, что правительство Союза ССР решило создать в Казахстане Среднеазиатский военный округ, в связи с осложнением наших отношений с КНР, и один из корпусов должен размещаться в городе Усть-Каменогорске. Для решения с размещением два генерала и полковник приехали из Москвы. Зашли в обком, облисполком, с их представителями осмотрели подходящие здания для штаба корпуса, и самым подходящим признали наше строящееся здание. Местные власти могли отдать, если не захотят отдавать – прикажут из Москвы, не выполнить указание Москвы – значит быть снятым с должности. Международная обстановка была серьезная.

Генералы улетели в пятницу, числа не помню. Меня вызывает председатель облисполкома Атамбаев, Джексенев где-то был в отъезде, но не в области, а в Москве или Алма-Ате. Прихожу к нему в кабинет, по-военному докладываю, что пришел. Он мне говорит следующее: «Сегодня пятница, генералы улетели. В субботу, воскресенье в правительство заходить не будут. В понедельник они будут на приеме у Косыгина и доложат результаты обследования всех зданий и конкретные свои предложения. Косыгин может согласиться с выбором вашего здания и мне позвонит – «Отдайте!». Поэтому в вашем распоряжении – сегодня, завтра, а в воскресенье, если сможете, переезжайте в свое новое здание». Я поблагодарил председателя и ушел выполнять.

Вернувшись в управление, собрал на 15.00 часов начальников отделов УООП, которым обрисовал складывающуюся обстановку и дал задания:

1. В субботу найти по одной бортовой машине для перевозки документов и мебели в новое здание. Чтобы к 8 часам машины были здесь.

2. Отделу пожарной охраны – Широкову, сегодня объявить сбор, а в субботу провести государственную комиссию по приему в эксплуатацию нового здания.

3. В воскресенье к 14 часам закончить переезд и занять кабинеты, они предварительно были распределены.

4. В старом здании разместить отдел вневедомственной охраны, КПЗ, вытрезвитель и приемник-распределитель.

В субботу и воскресенье все получилось, как запланировали. Но все портила завезенная в новые кабинеты мебель со старого здания: прогнившие столы на трех, а то и на двух ножках, не хватало стульев, не было вешалок. Помещение под красный угол на 200 мест пустовало.

В понедельник вызываю начальника ХОЗО Гурбанского, которому я еще в прошлом году давал задание сделать заявки на мебель для нового здания: для кабинетов руководства – гарнитуры, для клуба – мягкие сиденья,

вешалки и так далее. «Что мы имеем для нового здания, чем вы сумели запастись?», - «А ничего... нигде ничего не мог договориться». Я был возмущен ответом и первый раз решился на такой шаг: «Я вас снимаю с должности и увольняю из органов. Передайте ваши дела Пронину, начальнику ОКС». Это все я решил без Джексенева, чтобы на примере Гурбанского был урок другим нерадивым сотрудникам. По приезду Джексенева из командировки я доложил ему обо всем, что произошло за эти дни, в том числе и с Гурбанским. Он спокойно выслушал и одобрил. В новом здании жизнь стала веселее, условия стали лучше. Начали наводить порядок с распорядком дня и дневными мероприятиями. Один раз в неделю проводим строевой смотр во дворе здания. Ежедневно в 11.00 проводим гимнастику в течение 10 минут. На этих мероприятиях стали выявляться такие факты, когда отдельные сотрудники опаздывали на работу, другие преждевременно, а, иногда, в рабочее время уходят по своим делам. Некоторые не по возрасту пополневшие не выходят на дневную гимнастику. Дело не только в том, чтобы сотрудники выполнили несколько упражнений, а надо было приучать к дисциплине, порядку и организованности. Чтобы каждый руководитель отдела сам выводил свой аппарат и был во главе его. Я помню такой случай, когда два раза подряд пропустил дневное мероприятие начальник отдела пожарной охраны, а на третий его вызвали на гимнастику из кабинета, и он пришел с опозданием. Логвинов Е.П., руководивший мероприятием, мне доложил. Широкова я попросил подойти и при всех ему сказал, намекая, что последует за Гурбанским: «Товарищ Широков, если вас обременяет служба в органах, я могу избавить вас. Становитесь в строй», - и ушел молча. Он не обиделся, понял, что спрос будет. Время идет, работу продолжаем в духе высокой требовательности, постепенно избавляемся от нарушителей, недобросовестных сотрудников, инвалидов. Набираем новых молодых, грамотных людей. На сержантскую должность - только со средним образованием, на офицерскую - с высшим и средним специальным образованием. Набираем юристов, для противопожарной службы - инженеров, для ОБХСС - экономистов, финансистов, товароведов, зоотехников, знающих разные отрасли народного хозяйства. Но идут очень трудно.

Из числа кадровиков выделили три человека, создали отделение по боевой и физической подготовке. Изучать надо оружие, уметь хорошо стрелять, учить самбо. А заниматься негде. Тира нет, где должен быть тир в подвале нового здания разместили архив, вещевой и оружейный склады. Летом стреляли на стрельбище, а зимой - в тире воинской части наших внутренних войск.

В нашем перспективном плане было строительство Дома физкультуры и здания для поликлиники со стационаром. Мы стали добиваться, чтобы МВД включили в план и финансировали два объекта, нам ответили «не можем». Остановились на строительстве Дома физкультуры, который действует и сегодня, и место подобрали рядом со зданием УВД, чтобы удобно было пользоваться. Снесли три частных дома, оказалось, что там

было прописано пять семей. Пришлось отдать пять квартир из фонда УВД. В то время это была мечта, роскошь, таких домов в Союзе, в распоряжении областных, краевых управлений было не так много. Наладили регулярные занятия с личным составом по спортивной подготовке, начали работать спортивные секции по многим видам спорта. На базе нашего Дома физкультуры стали проводиться республиканские соревнования по борьбе самбо, лыжному спорту и другим видам. Директором Дома физкультуры подобрали удачную кандидатуру Шалпакова Бориса Александровича, который развернул работу по комплектованию спортивных секций, обеспечению необходимым спортивным оборудованием и инвентарем. На базе нашего Дома физкультуры были подготовлены сотни лучших спортсменов по разным видам спорта.

Постоянно и активно проводилась работа по повышению авторитета органов милиции через средства массовой информации. Выступали перед гражданской аудиторией, в трудовых коллективах, пропагандируя положительные поступки сотрудников, показывая работу по раскрытию тяжких и опасных преступлений. Политработники выступали на страницах областных, городских и районных газет, по областному радио и телевидению. Для отдела политико-воспитательной работы выписывали все городские и районные газеты, чтобы быть в курсе событий и своевременно реагировать на критические выступления в адрес органов милиции и его работников. С помощью работников областного телевидения наладили регулярный выпуск телепередачи «В эфире – 02».

Вообще областное телевидение, его работники постоянно помогали нам и поддерживали наши начинания по пропаганде положительной работы сотрудников милиции, снимали короткометражные фильмы. Нередки случаи, когда мы обращались к областному телевидению по поиску и раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений.

Мне вспоминается случай с Даниловым. В двадцать первом часу поступило сообщение по «02», что совершено разбойное нападение на инкассаторскую машину около магазина «Янтарь». Стрелял из автомата молодой человек, двое инкассаторов убиты, один ранен. Преступник с места ограбления скрылся. Оказавшиеся недалеко от места преступления очевидцы сообщили приметы: на нем зеленая куртка, вязаная шапка, молодой, небольшого роста, вооружен автоматом Калашникова. Когда сообщение поступило, мы ещё были на работе. Генерал сказал мне, что «медлить некогда, езжай, выступи с обращением по телевидению, расскажи приметы, я остаюсь в штабе». Приехал в студию, идет какой-то художественный фильм. Прервали демонстрацию фильма, я за две минуты рассказал обстановку и приметы преступника. Через 40 минут после моего выступления в УВД пришел офицер воинской части и рассказал, что на инкассаторов напал некий Данилов, ранее служивший в этой воинской части. Год назад он демобилизовался, живет в городе Усть-Каменогорске у бабушки. Что офицер дал Данилову зеленую куртку и 15 штук патронов к автомату Калашникова. Впоследствии, когда мы уже Данилова задержали, стало известно, что он

автомат забросил в снег на козырек какого-то дома, пошел домой и спокойно сел смотреть телевизор. Когда увидели мое обращение, бабушка ему говорит, что «что-то все на тебя походит, как военный человек рассказывает».

Я эти два момента подчеркиваю, чтобы показать ту неоценимую помощь областного телевидения и его работников в нашей работе.

По улучшению службы

В связи с созданием союзного министерства внутренних дел, стали получать богатую информацию о состоянии борьбы с преступностью в стране. О новых формах и методах, применяемых в различных регионах, новых изобретениях технических средств, о положительных опытах работы различных служб. Министерство внутренних дел СССР регулярно стало проводить семинары, совещания с руководящим составом УВД краев и областей. Распространять опыт работы передовых подразделений. Начальников УВД вызывали по 2-3 раза в год, заместителей по кадрам – 1-2 раза в год на эти мероприятия. Практиковали проведение таких совещаний непосредственно в передовых управлениях внутренних дел.

С одной из таких поездок Джексенев З.Д. привез справку о работе действующей в городе Днепропетровске «единой дежурной части». Нам это понравилось, и решили создать подобную дежурную часть у себя в новом здании УВД. На первом этапе освободили 4 кабинета, разобрали перегородки, в этом большом помещении установили пульт, подключив четыре телефона «02», чтобы в любое время можно было свободно позвонить. Все звонки по телефонам «02» автоматически записывались на катушку (магнитофон). Каждое утро прослушиваем все звонки и ответы дежурной части. Для связи с «нарядом» установили УКВ-радиостанцию и такую же радиосвязь на всех дежурных машинах. То есть мы имели теперь возможность постоянно поддерживать связь со всеми нарядами и управлять их действиями.

Установили светоплан, это план города, изготовленный размером 5х3 метра, с нанесением постоянных и временных мест дислокации нарядов, маршрутов движения патрульных машин, рубежей перекрытия въездов и выездов из города и много другой информации. Все это освещается в таком варианте, какая справка требуется. Это было огромное новшество, одно из первых появившееся в нашей области. Это была как бы начальная стадия или прообраз сегодняшнего ЦОУ – центра оперативного управления. Исполнителем применения достижений науки и техники того периода (60-х годов двадцатого века) был начальник связи УВД Евгений Грохотов, добросовестный, грамотный и инициативный специалист. Нашу инициативу одобрили в МВД республики. Обком и облисполком, руководители крупных городских предприятий стали оказывать помощь по совершенствованию дежурной части.

Единая дежурная часть имела в своем штате три смены, в каждой смене был начальник смены, его помощник, дежурный пульта, радист. Возглавлял

все это начальник дежурной части. В его распоряжении – 2 автомашины с водителями и назначаемая на сутки оперативная группа: следователь, криминалист, оперработник, эксперт-фотограф и другие. Продолжительное время руководил единой дежурной частью майор милиции Оразгали Калкешев, скромный добросовестный офицер, ныне ветеран.

Штатные дежурные части были введены во всех городских и районных отделах внутренних дел. Все эти дежурные подразделения в кратчайшие сроки были обеспечены надежными средствами связи, обеспечивающими им своевременное получение информации и оперативное реагирование.

Бывший начальник связи УВД Восточно-Казахстанской области Евгений Дмитриевич Грохотов вспоминает.

Связь на службе органов внутренних дел Восточно-Казахстанской области

До 1967 года органы внутренних дел нашей области очень слабо были оснащены средствами связи. Для этой цели использовались только средства связи министерства связи республики. В 1967 году с вводом в эксплуатацию нового здания УВД области в Усть-Каменогорске стали активно внедрять в практическую деятельность органов внутренних дел ведомственные средства связи. За последующие десять лет силами специалистов связи управления были оборудованы: узел оперативной связи в УВД, в Госавтоинспекции, и во всех городских и районных отделах внутренних дел области. Дежурные части этих подразделений оснащены новейшими, по тому времени, отечественными средствами проводной связи, КВ и УКВ радиостанциями, телеграфными аппаратами и другой техникой.

Так, дежурная часть УВД была оборудована станциями оперативной телефонной связи ПОС-90 и СОС-60, которые и сейчас используются дежурным составом УВД. В эти станции включены городские и междугородние телефоны, телефоны спец сети «02-милиция», прямые междугородние телефонные каналы с дежурными частями МВД республики и городскими, районными отделами области. Прямые телефоны с дежурными всех органов, подразделений и служб, дислоцирующихся на территории города Усть-Каменогорска, в том числе с колониями, вытрезвителями, а также прямые телефоны с начальниками отделов и самостоятельных отделений УВД.

На рабочих местах дежурного УВД и его помощников установлены УКВ-радиостанции. Весь оперативный автотранспорт города Усть-Каменогорска был оснащен мобильными УКВ радиостанциями, а пешие патрули носимыми УКВ радиостанциями. С городскими и районными отделами кроме телефонной связи была установлена коротковолновая связь. Все переговоры дежурного состава УВД, ведущиеся с пульта связи, записывались на магнитную пленку.

В 1976 году в УВД была установлена ручная междугородняя телефонная станция на базе двух коммутаторов «М-60». В эту станцию

включены прямые междугородние телефонные каналы связи с МВД республики, а также со всеми городскими и районными отделами области. Это дало возможность личному составу УВД, минуя междугороднюю телефонную станцию министерства связи республики, оперативно осуществлять связь с личным составом городских и районных подразделений. В дальнейшем в УВД была осуществлена замена устаревшей АТС новой, квазиэлектронной системой, емкостью на 512 номеров с выходом на городскую и междугороднюю связь.

Одна из трех станций, установленных в дежурной части УВД, была приспособлена для проведения городских селекторных совещаний руководящего состава УВД с городскими, районными отделами и другими подразделениями и службами на территории Усть-Каменогорска. Эти совещания проводились ежедневно, утром с 9.00 до 9.30 часов, кроме выходных и праздничных дней. На этих совещаниях заслушивались доклады об оперативной обстановке по городу за истекшие сутки, решались текущие вопросы и ставились задачи, исходящие из сложившейся обстановки. Наиболее сложные вопросы брались на контроль. Эти совещания дисциплинирующее действовали на личный состав УВД и подразделений, и положительно влияли на исполнительность, оперативность действия по складывающейся оперативной обстановке.

На курсах усовершенствования при Академии МВД СССР и последующие события

В сентябре 1968 года мне предложили учиться на высших курсах для руководителей УВД краев и областей, союзных, автономных республик при академии МВД СССР.

Будучи на этих курсах узнал, что министр МВД СССР Николай Анисимович Щелоков внес в проект решения ЦК и Совмина предложения по улучшению жизни и быта работников МВД, по материально-техническому оснащению и другие вопросы, в том числе о введении оплаты за офицерские звания и о введении новой формы одежды для работников милиции, о замене милицейского звания «комиссар» на «генерал» и много других вопросов, в корне меняющих положение дел в органах МВД. Это было революционное решение для нас.

Политбюро ЦК КПСС заседало по пятницам. На этих заседаниях должен принимать участие сам Щелоков или его заместитель по кадрам генерал-лейтенант Никитин. Решения политбюро ждали мы все, кто работает в системе МВД СССР. Каждую пятницу я приходил в Министерство, ожидал возвращения генерала Никитина с заседания Политбюро, чтобы узнать результат. Но рассмотрение этого вопроса почему-то откладывали несколько раз.

Сижу в приемной Никитина, где-то около 17 часов меня приглашает к «ВЧ» аппарату Алексей Иванович Неклюдов, первый секретарь Восточно-Казахстанского обкома партии. Взял трубку: «Здоровья желаю, Алексей Иванович, слушаю Вас», а он говорит, что «хотим тебя отозвать на партийную работу, на должность второго секретаря Усть-Каменогорского горкома. Шакаримов, второй секретарь, уехал в Москву учиться на дипломата в МГИМО. Как ты сам смотришь? ЦК требует, чтобы вторым был казах, а у нас резервы на второго иссякли». Поблагодарил Алексея Ивановича «за доброе отношение ко мне, но согласиться не могу, во-первых, сижу и жду генерала Никитина, который должен принести приятные новости с заседания Политбюро; во-вторых, как я буду объяснять коллегам, с которыми проработал только три года, Вы же направили меня на укрепление органов МВД. Сказать, что я все сделал – будет нечестно. Буду продолжать работу в органах». Разговор с Неклюдовым закончили. Позже мне сказали, что на должность второго секретаря казаха не нашли, поэтому избрали русского Дикарева Н.С., а третьим секретарем Берикполова.

В следующую пятницу мы все-таки дождались долгожданного решения Политбюро ЦК КПСС. Генерал Никитин приехал и коротко рассказал ход обсуждения нашего вопроса. Политбюро приняло полностью наш проект. Это - революция в жизни органов МВД. Комплекс всех мер создает нам такие условия для улучшения нашей деятельности, каких никогда не было. Н.А. Щелоков за два года работы министром сделал столько, сколько не сделал ни один министр.

Политаппарат приступил к активной пропаганде решения Политбюро среди сотрудников и среди населения, выступая в коллективах промышленных предприятий, колхозов, совхозов, призывая молодежь на работу в органы МВД и учебу в специальных учебных заведениях. В самом аппарате УВД и подразделениях сотрудники подтянулись, стали более продуманно, более ответственно относиться к работе. Мы больше стали набирать на работу молодежь из сельской местности.

Теперь мы стали отбирать лучших специалистов из партийных, советских органов, из аппарата прокуратуры и юстиции. Здорово помогали льготы, предоставленные решением политбюро. Например: годы работы на выборных должностях пришедшим в органы милиции с партийных, советских организаций засчитывались в стаж (выслугу) в органах милиции неограниченно, а пришедшим из органов прокуратуры, юстиции – до 15 лет.

С партийной работы пришли, я уже называл: Логвинов Евгений Петрович, позже - Еремин Сергей Иванович – на должность начальника отдела ПВР, Карякин Спартак Иванович – заместителя начальника ОУР УВД, Кококов Кенес Кожаметович – начальника отдела вневедомственной охраны, Цхай Илья Николаевич – на должность заместителя начальника Зырянского городского отдела, Тарасов Андрей Пахомович – продолжительное время проработал в должности заместителя начальника УВД по кадрам, затем столь же продолжительное время возглавлял областной Совет ветеранов органов и войск МВД.

Из органов прокуратуры пришли: на следственную работу Воловодов Иван Данилович, на должность начальника информационного отдела – Иванова Нина Ивановна и многие другие, добросовестно проработавшие в милиции и ушедшие на заслуженный отдых.

Я хотел бы особо назвать Грохотова Евгения Дмитриевича, направленного в органы МВД коллективом областного управления связи. Отличник службы, как говорят, «мастер на все руки», он очень много сделал по улучшению и совершенствованию средств связи и оборудованию единой дежурной части. Я ему предоставляю слово, чтобы профессионально грамотно изложить сделанное им для улучшения работы УВД и его подразделений.

Вторым таким добросовестным, трудолюбивым и инициативным оказался направленный коллективом школы города Усть-Каменогорска Борис Александрович Шалпаков. Он долгие годы проработал директором Дома физкультуры УВД, заместителем председателя областного совета «Динамо». Вырос, вполне заслуженно получил звание полковника внутренней службы. Из органов уволен по возрасту и выслуге лет. Он и сейчас продолжает трудиться. Я ему тоже предоставляю страницу в этой книге.

Прошло два, три года, кадры специалистов подросли, пополнились опытными работниками, пришедшими из других организаций. Мы теперь имели возможность выдвигать на руководящую работу молодых, образованных специалистов, и с благодарностью отправлять на заслуженный отдых ветеранов, таких, как Актайлаков, Мустафин Мубарак, Умбетеев,

Порубаймех, Асыкбаев. Всем желающим переехать в Усть-Каменогорск предоставляли благоустроенную квартиру, как бы трудно ни было, ветеранам, которых в свое время перебрасывали из одного района в другой, нужно было дать жилье.

Вместо ушедших на заслуженный отдых были выдвинуты начальниками: Лениногорского горотдела – Бубенин Анатолий Петрович; Большенарымского райотдела – Мажренов Ален, окончивший Академию МВД СССР; Глубоковского райотдела – Сулейменов Мендыбек, окончивший высшую школу МВД; Зыряновского горотдела – Гришко Валерий Владимирович; Уланского РОВД – Дюсембаев Майдан; Таврического РОВД – Лысов Николай Амосович; Шемонаихинского РОВД – Галенков Александр Петрович, - которые плодотворно работали в этих подразделениях по много лет.

Впоследствии Бубенин А.П. был выдвинут начальником Кокшетаусского УВД, получил звание генерала милиции. Заместителями начальника УВД Восточно-Казахстанской области были назначены, в разное время, Исембаев Кайдар, Гришко Валерий Владимирович, Тусупханов Омарлан, Дюйсенбаев Майдан и Каирбаев Копен. Все они до самой пенсии честно и добросовестно работали. Я всегда был доволен, что мы правильно растили их по службе, а они с честью оправдывали наше доверие.

За 16 лет моей работы в должности заместителя начальника УВД по кадрам, мы никогда не просили «готовых» специалистов, ниоткуда, растили, выдвигали из своей среды. Восточно-Казахстанское УВД стало кузницей кадров. От нас выдвинуты: Молдаханов Слямхан – на должность заместителя начальника Мангистаусского УВД, Кусаинов Миллат – на заместителя начальника Талды-Курганского УВД. Берсенев Михаил Терентьевич вырос до поста министра внутренних дел Казахстана.

А заместитель начальника УВД Восточно-Казахстанской области полковник Рахимов К.Р. Министерством Союза ССР и ЦК КП Казахстана был взят в резерв на должность начальника УВД.

В течение 1970-1980 годов по итогам работы УВД Восточно-Казахстанской области по всем показателям занимало первое и второе места в республике. Я не могу не похвалиться, что эти высокие результаты делали мои лейтенанты, выросшими в майоры, подполковники и полковники. Повседневным, упорным трудом всех сотрудников всех подразделений УВД добились того, что народ стал верить нам. Люди воочию видели, насколько улучшилась деятельность органов милиции в центре и на местах, в районах, городах и селах области.

Если я не получил звания генерала, в этом виноват сам. Меня дважды выдвигали на должность начальника УВД: Гурьевской, затем Тургайской областей. Я не поехал опять же из-за престарелых родителей, по настоянию которых в свое время перевелся из Туркменской ССР. Отцу (отчиму) и матери было уже по 85 лет. Тоже судьба. Будучи ещё на службе, в 1979 году, я их похоронил. Да пусть им земля будет пухом.

После неудачной операции погиб заместитель начальника УВД Павел Трофимович Езубченко. Это был великий труженик, он курировал службы: уголовного розыска, наружную службу и госавтоинспекцию. После его смерти Джексенев З.Д. предложил мне принять уголовный розыск дополнительно к тем отделам, которые я курировал. Обдумав это, я внес свое предложение, чтобы мне он передал ОБХСС, а уголовный розыск принял сам. Он согласился и мне пришлось 7 лет быть куратором службы ОБХСС, начальником этого отдела был Черников Гавриил Игнатьевич, впоследствии я его рекомендовал на должность заместителя начальника УВД по милиции, где он отработал до пенсии. Конечно, это был не Езубченко П.Т.

Павел Трофимович Езубченко – многоопытный руководитель, продолжительное время работал заместителем начальника УВД Уральской области. В разное время курировал разные службы органов МВД. В Восточный Казахстан приехал из Уральской области, где работал заместителем у Джексенева З.Д.. С первых дней моей работы в УВД мы подружились. Я у него спрашиваю, какой характер и особенности у руководящих работников УВД, как к ним найти подход.

Он откровенно начал рассказывать, что в Уральской области работал заместителем у Джексенева. Не выдержал его характера, его стиля и поведения в повседневной жизни. Он очень коварный человек, интриган. От него ожидать объективного отношения к решению вопросов трудно. Он сегодня пригласит вас, «накапает» на меня, завтра то же самое, пригласит меня, «накапает» на Романькова, а послезавтра Романькова пригласит и будет «капать» на нас обоих. И каждый заместитель про себя будет думать, что он ближе к начальнику, чем другие. Я убежал от него, но тогда не думал, что через год он приедет в Восточный Казахстан. От его интриг или в результате этих интриг в Уральской области передрались его заместители, и в Актюбинской области (тогда был Западный край) два его заместителя передрались до того, что обоих сняли с работы. Проскурина, работавшего после него начальником УВД, сняли с должности и направили заместителем начальника УВД Семипалатинской области, а Косаева вообще уволили из органов. Так что, учти, Курмат Рахимович, поживешь, увидишь.

Павел Трофимович откровенно рассказал и о других руководителях, это во многом помогло найти правильный подход к ним и наладить добрые деловые взаимоотношения. Выслушав Павла Трофимовича, я вспомнил один архивный документ, который читал, будучи на службе в Зайсанском погранотряде. В то время по всем уголовным делам, которые велись органами разведки погранвойск, параллельно вели наблюдательные и контрольные дела, куда подшивались копии процессуальных документов. Уголовное дело было возбуждено на группу «эмиграционно настроенных» девяти граждан Тарбагатайского района. Во главе – заместитель председателя райисполкома, главный зоотехник района Шингаев Ергали, председатель сельского совета Сарсенбаев Кунапия, председатель колхоза и несколько рядовых служащих. Это уголовное дело было грубо сфальсифицировано, а состава преступления не было. Но все девять человек

были арестованы, они сидели в КПЗ до суда. Тогда ещё действовали военные трибуналы НКВД, они приехали в Зайсан вершить суд. На суде все обвиняемые отказались от своих прежних «признательных» показаний и заявили, что их всех арестовали, когда они были в гостях у одного из них. «Потом стали избивать, чтобы мы дали для протокола «признательные» показания. Когда постоянные избиения уже терпеть стало невозможно, мы сказали, что подпишем все, что хотите, и подписывали, они нас бить перестали». Уголовное дело вел капитан погранотряда Жунусов, ему помогал старший лейтенант Джексенев. Военный трибунал всех арестованных освободил из зала суда, уголовное дело прекратил. И возбудил уголовное дело по факту нарушения революционной законности, так тогда писали, поручив прокурору вести расследование. Закончилось тем, что капитана Жунусова осудили к десяти годам лишения свободы, а Джексенева уволили из погранвойск за нецелесообразностью оставления на службе.

Впоследствии я прочитал аттестацию на старшего лейтенанта Джексенева, составленную 24 января 1947 года, подписанную начальником погранвойск Казахского округа и начальником политотдела войск, привожу выдержку: «...Старший лейтенант Джексенев в работе не исполнительен, страдает излишней болтливостью, за что неоднократно предупреждался, но не исправляется. Оперативные документы оформляет неряшливо. По складу характера склонен, способен к клевете. К старшим начальникам относится без должного уважения и допускает разговоры, направленные на их компрометацию. Выводы: на разведывательной работе не пригоден, уволить в запас вооруженных сил. 24 января 1947 года, подписи...».

Дальнейшая судьба Джексенева З.Д.. Через несколько месяцев, в августе 1947 года, после увольнения из погранвойск, устроился оперуполномоченным исправительно-трудовой колонии в Джамбульской области. А в марте 1948 года вернулся в Усть-Каменогорск, на строящуюся Усть-Каменогорскую ГЭС начальником лагерного пункта. Отсюда пошла вверх карьера будущего генерала милиции. Ни высокие должности, ни высокое звание не освободили его от привычных пороков, которые были указаны в аттестации в далеком 1947 году.

За 16 лет совместной работы с генералом я довольно хорошо изучил его. Его кредо – бояться и угождать первому, от которого зависит его карьера, а ко вторым, третьим и равным он относился неуважительно. Клеветником каким он был, таким и остался. Когда у кого-то из руководящих работников области случалась неудача, или появился какой-то нежелательный факт в службе, он немедленно докладывал Протозанову со своими «комментариями» и чувствовал от этого какое-то удовлетворение. Я помню, что Джексенев наговаривал много нелестного на редактора газеты «Рудный Алтай» Капустина Петра Ивановича, на прокурора Рябоконь Николая Васильевича, председателя облсуда Орлова Михаила Фетисовича, начальника облуправления юстиции Устьянцева и многих других ответственных работников. И Рябоконь, и Орлов, и Устьянцев чувствовали, знали, что «оперативную» информацию Протозанову дает Джексенев.

Поэтому ни на одно мероприятие, проводимое в УВД, сами первые руководители не приходили. В традиции было ежегодно подводить итоги работы за год. Приглашались облпрокурор, облсуд, облюстиция, секретари обкома партии. На эти мероприятия постоянно, ежегодно приходил заместитель прокурора Овсов, заместитель председателя облсуда Исмаилов, Устьянцев иногда сам приходил. Когда возникала необходимость решать вопросы службы с первыми руководителями, генерал посылал заместителей, меня, Езубченко, Берсенева, умные люди это понимали, и мы всегда находили общий язык. Протозанов тоже знал, что Джексенев склонен к клевете и выслуживается, но его тоже можно было понять: трагедия с сыном-наркоманом, который попадался много раз и которого спасал и «пас» Джексенев, не позволяла его оттолкнуть. Протозанов не хотел, чтобы семейную тайну знал кто-то еще, поэтому и терпел Джексенева.

У Протозанова А.К. я бывал очень часто, кандидатуры на многие номенклатурные должности обкома приходилось согласовывать с ним лично, до рассмотрения их на заседании бюро. В номенклатуру бюро обкома входили должности заместителей начальника УВД, начальников городских, районных отделов и их заместителей по политико-воспитательной работе. А еще ряд должностей, о которых просто ставили в известность обком партии, это: начальник ГАИ, начальник противопожарной службы, на которых всегда много бывало жалоб населения.

Александр Константинович иногда откровенно разговаривал со мной по ряду вопросов, особенно об обстановке в самом аппарате УВД, о взаимоотношениях руководства УВД между собой. Передавал мнения секретарей райкомов и горкомов о начальниках городских и районных отделов внутренних дел. Я иногда соглашался с их замечаниями, если это было объективно, а иногда обоснованно опровергал.

Вспоминаю такой случай. В декабре 1975 года Джексенев З.Д. пришел от Протозанова и говорит, чтобы я подготовил представление на увольнение начальника Маркакольского РОВД Буткенева Токана. «Как, за что увольнять, все показатели у райотдела хорошие, он ветеран милиции, вся его трудовая деятельность прошла в органах милиции?». Он продолжает, что у Буткенева произошел неудачный разговор с неким Чурбановым, жителем Маркакольского района. Этот разговор Чурбанов записал на магнитную пленку, потом с этой пленкой зашел в обком, добился приема у Протозанова и там, в его кабинете, включил магнитофон. Протозанов, послушав записи, сказал, что нужно «гнать этого начальника». Присутствовавший при прослушивании записи Джексенев ничего не мог сказать в защиту Буткенева. Он во второй раз не пошел к Протозанову, а мне после начальника УВД идти к нему было неудобно, и мы уволили Буткенева 12 января 1976 года. На его место начальником райотдела назначили Баймуханова Зарыпкана, молодого грамотного офицера, окончившего Карагандинскую высшую школу МВД. Человек всегда подтянутый, аккуратный, до назначения работал в областном аппарате ОБХСС, оперативную, следственную работы знал хорошо. На втором или третьем году работы Баймуханова сотрудники ОБХСС райотдела

раскрыли преступление, связанное с присвоением крупной суммы денег в аппарате райпотребсоюза с участием председателя правления Кабдолданова Аскербека. По этому факту возбудили уголовное дело, Баймуханов внес представление на Кабдолданова А. в райком партии, где просил рассмотреть вопрос о его пребывании в должности председателя правления и в членах КПСС. Копии представления также направил в облпотребсоюз – об освобождении Кабдолданова и в УВД – для сведения. Вместо того, чтобы объективно рассмотреть дело на бюро райкома, Дауленов стал буквально всеми силами нападать на начальника милиции, защищать проворовавшегося председателя райпотребсоюза и собирать всякие кляузы на Баймуханова. Конфликт получил большой резонанс, надо ехать, разбираться.

По этому делу в Маркакольский район поехал я. По приезду, изучив уголовное дело, встретился с некоторыми членами бюро райкома, в частности, с председателем райисполкома Носиковым, вторым секретарем райкома Демьяненко. Наши мнения совпали. Наутро идем на заседание бюро райкома, где должен, в числе других вопросов, рассматриваться и вопрос об ответственности Баймуханова.

Докладывал Дауленов, что: Баймуханов допускает грубость в разговоре с населением; в районе допущено несколько дорожно-транспортных происшествий; ГАИ контролирует недостаточно; административно арестованных использует для благоустройства здания и территории райотдела и тому подобное. Вносит предложение – освободить Баймуханова от занимаемой должности. Из членов бюро никто не осмелился выступить ни «за», ни «против». Пришлось мне выступать: «Те факты, что вы перечислили, действительно имели место. Но, что административно арестованных использует для благоустройства территории райотдела, не является нарушением закона. Они, арестованные, должны отработать хотя бы за их содержание. Что касается дорожных происшествий, они происходят и из-за плохого содержания дорог. Давайте будем говорить откровенно. Не устраивает вас Баймуханов, мы его заберем сегодня же. Но из-за мелких недостатков не следует так жестоко наказывать». И забрал Баймуханова, а через неделю назначили на другую работу. Начальником Маркакольского райотдела назначили Абдолдина Кайсара, бывшего следователя, юриста с высшим образованием, знающего дело, опытного руководителя.

После этих скандалов недолго работал Дауленов, его назначили начальником областного отдела социального обеспечения (облсобес). Первым секретарем Маркакольского райкома партии избрали Сакешева Совета Рахимбаевича, ранее работавшего третьим секретарем этого же райкома.

События стали проходить как будто по наследству. Сакешев стал придирается к Абдолдину, собирать мелкие недостатки в его работе. Наконец, через адм.отдел обкома передал, чтобы мы «убрали» из райотдела старшего следователя, старшего инспектора уголовного розыска, старшего инспектора БХСС, короче, половину состава райотдела. Время – осень, октябрь 1978 года. Я опять еду в Алексеевку. Захожу к Сакешеву и говорю

ему, что если он на всех найдет квартиры, то мы назначим других сотрудников, а убирать этих, когда они подготовились к зиме, дети пошли в школу, члены семей работают – это будет не по-людски. «Покажите мне ваши возможности принять и обустроить вновь назначенных сотрудников», – такой возможности не оказалось, поэтому решение вопроса оставили до весны. «Нежелательным» сотрудникам повезло, что Сакешев С.Р. распорядился сжечь весь тираж газеты «Правда», поступивший в Маркакольский район, из-за того, что в этом номере была критическая статья в адрес руководства района. Сакешева за это сняли с должности решением ЦК КП Казахстана.

Стоило ли столь подробно описывать прошедшие десятилетние повторяющиеся конфликты в Маркакольском районе? Я думаю, что стоит. Это были отголоски хрущевских времен волюнтаризма, когда сами большие и маленькие партийные руководители не только игнорировали, а вообще забывали, что существует конституция, закон, которые каждому определяют его функции. И такой упрощенно-примитивный подход к решению вопроса об улучшении деятельности органов МВД на местах существовал нередко. Мы решили дать бой волюнтаризму партийных функционеров. Приведу такой случай в Уланском районе. Весной 1979 года позвонил мне первый секретарь райкома Арынханов Мият: «Приезжайте, мы хотим рассмотреть на бюро работу райотдела милиции». Я доложил генералу об этом и спросил: «Может быть Вы поедете?», – «Нет, Курмат, езжай сам, я этого Мията терпеть не могу». Разговор окончен. Арынханов его тоже терпеть не мог, наверное, у обоих был отрицательный заряд.

Еду на заседание бюро Уланского райкома партии. Информацию делает Мият Арынханович. Что я уловил из его информации: что две недели назад потеряли десять голов лошадей Обуховского совхоза; с организованных совхозами района пунктов стрижки овец разворовывают шерсть. В обоих случаях милиция не может найти воров. На этом основании требуют объяснения начальника райотдела Марата Бердалина. Он начал объяснять, что меры принимают, но пока никакими конкретными данными не располагают, ориентировку дали Таврическому, Самарскому и Жарминскому райотделам, пока ответа нет. Выступает директор Никитинского совхоза и заявляет, что организовали четыре пункта по стрижке овец, работают по двадцать человек на каждом пункте, шерсть воруют, на каждую стриженную голову не выходит и двух килограммов. Заявляли в милицию, пока мер не принимают. Я не выдержал и задал ему вопрос: «А вы какие меры принимаете, чтобы шерсть не растаскивали?». Он замолк. Чувствуется, все сговорились расправиться с Бердалиным. Попросил слово я и выступил. Сказал, что по возвращению в Усть-Каменогорск дам задание начальнику следственного отдела и ОБХСС по фактам необеспечения сохранности государственной шерсти в совхозах возбудить уголовное дело. «Против вас, товарищ директор, и вас, товарищ начальник сельхозуправления Нутфуллин. Найдется виновный, найдутся расхитители. И скот, и шерсть – ваши продукты, вы обязаны обеспечить их сохранность и

сдавать государству, вы же получаете зарплату и премиальные. Вы что думаете, другой начальник придет, вам охранять будет ваш скот и ваши пункты стрижки? Нет, вы должны охранять, он же только помогать вам будет. Если Бердалин не ко двору, мы его заберем, он грамотный юрист, опытный и честный руководитель. В силу своего характера он огрызаться не может. Придет другой начальник, он за сохранность шерсти, скота и другого имущества будет спрашивать с вас, с директоров совхозов». В итоге, Бердалину объявили выговор без занесения, а в проекте у них было строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Бердалина через пару дней забрали и назначили начальником спецкомендатуры в Усть-Каменогорске, дали ему благоустроенную квартиру. Начальником райотдела назначили Майдана Дюйсенбаева, молодого, энергичного юриста, который вырос до заместителя начальника управления внутренних дел области. Он и призвал к порядку некоторых самоуверенных директоров совхозов.

Более серьезный конфликт произошел зимой 1979 года. Звонок первого секретаря райкома к генералу. Просил заменить начальника райотдела Рахимова Махмуда Сапаровича, моего однофамильца. Вторая половина декабря, снег, метель. Генерал, как всегда, на скандальные вопросы не ездил.

Приехал в Акжар вечером. Вокруг райотдела такое скопление людей, каких в районах не бывает, тем более, на окраинных, казахских районах. У начальника спрашиваю, в чем дело, что случилось. Он рассказал, что сегодня задержали продавца районного магазина, которая продавала женскую обувь (сапоги) с завышением на 17 рублей против их цены, указанной в фактуре. Успела продать тридцать пар, 510 рублей присвоила сама. Родственники требуют освободить ее. Здесь, видимо, укоренился такой порядок, что в дела милиции все чиновники райкома и райисполкома вмешиваются. Требуют показать уголовные дела, подсовывают «свидетелей» по уголовным делам. Часть работников райотдела – местные, на них пытаются влиять через родственников. Вообще честно работать не дают. На руководство райотдела собирают всякие кляузы и докладывают первому секретарю. Обстановка оказалась очень сложной.

Поздно вечером пришел в гостиницу, она, оказывается, не отапливается, и хотя в номере, где должен был ночевать, поставили три отражательные электропечи, они не согрели. Чтобы не простудиться, я напросился на ночлег к начальнику райотдела. Они мне отвели отдельную комнату, лег, но заснуть не успел – около 24 часов зазвонил телефон. Махмуд Сапарович взял трубку и отвечает: «Ладно, ладно, хорошо, сейчас скажу дежурному». Я догадался, о чем идет речь, но спросил, кто звонил и о чем говорил. Звонил второй секретарь райкома Абдырасылов Баяхмет и категорически потребовал освободить арестованную продавщицу. Я не стал вмешиваться, решайте сами.

Зато утром я зашел к первому секретарю райкома Даукееву Зарыпхану, коротко проинформировал и просил его пригласить весь аппарат райкома и райисполкома, имея ввиду ответработников. Он собрал их и

предоставил мне слово. Вот что я им рассказал: «Приехав вчера вечером, я увидел толпу людей у здания райотдела и внутри него, по кабинетам. На вопрос, что за люди собрались здесь в такой поздний час сотрудники ответили, что это, в основном, ответработники аппарата райкома и райисполкома. Одни требуют освободить (выпустить из КПЗ) арестованных, другие просят не наказывать нарушителей общественного порядка. Есть пришедшие с продуктами, есть и приглашенные оперативным составом. Хорошо, поддерживайте порядок, чтобы приглашенные долго не ждали, а посторонние не мешали работать, и ушел из райотдела. В отведенном номере гостиницы оказалось холодно, температура +9 градусов, хоть и поставили обогреватели, поэтому попросился на ночлег к начальнику райотдела. Уснуть не успел, в двенадцатом часу зазвонил телефон, и как только Махмуд Сапарович взял трубку, оттуда – «Выпустите!». Звонил второй секретарь райкома Абдырасылов, сказал выпустить спекулянтку, задержанную сегодня. Я имел право сказать начальнику, чтобы не выпускал преступницу, что бы тогда получилось? Как вы считаете, товарищ Абдырасылов? Почему ответработники аппарата райкома и райисполкома дают такие распоряжения, кого задержать, кого выпускать? Кто вас уполномочил вмешиваться, когда решаются процессуальные вопросы? Не только Абдырасылов, некоторые заведующие отделами, инструктора тоже пытаются. Не сумел начальник выполнить указания, уходят с обидой, иногда необъективно информируют первого секретаря, председателя и создают нелестное мнение о руководстве райотдела и вообще об отделе в целом. За какие серьезные недостатки в работе райотдела хотели обсудить его отчет на заседании бюро? Я не вижу таких оснований. Провалов в работе райотдела нет, серьезных нарушений закона не зафиксировано, раскрываемость преступлений высокая, по линии борьбы с хищением социалистической собственности работают активно. В связи с изложенным мной прошу Вас, Зарыпхан Булгунбаевич, во-первых, снять этот вопрос с повестки дня сегодняшнего заседания; во-вторых, запретите всем вмешиваться в работу райотдела, кроме тех, кто по вашему заданию будет интересоваться какими-то вопросами; в-третьих, кураторами правоохранительных органов во всех городах и районах области являются первые секретари, начальник райотдела обязан объективно информировать Вас по всем вопросам».

Зарыпхан Булгунбаевич согласился с моим предложением, вопрос с повестки сняли. А вечером мы с Махмудом Сапаровичем были в гостях у Зарыпхана.

Такой постановки вопроса в практике нашей работы раньше не было. На примерах Уланского и Тарбагатайского районов мы дали бой. Чтобы отбить желание местных чиновников вмешиваться в дела органов внутренних дел.

По возвращению я все обстоятельно доложил Протозанову по Уланскому и Тарбагатайскому районам. Он одобрил.

Я вспоминаю умных, грамотных секретарей районов, искренне заинтересованных в улучшении криминальной обстановки в районах и

городах области. Петр Иванович Кузнецов, первый секретарь Шемонаихинского райкома партии; Алексей Александрович Шарабарин, первый секретарь Таврического райкома партии; Олег Демьянович Девятков, первый секретарь Катон-Карагайского райкома партии; Николай Федорович Кузьмин, первый секретарь Зырянского горкома партии; Николай Петрович Воронин, первый секретарь Лениногорского горкома партии; Асылбек Сабеков, первый секретарь Зайсанского райкома партии. Они всегда с пониманием относились к делам горрайорганов. Всегда поддерживали хорошие начинания.

Я благодарен им. Потому, что все вопросы, касающиеся органов внутренних дел, их нужды быта и многие другие вопросы они всегда старались решить положительно. Жаль, что с первыми руководителями городов и районов Джексенев З.Д. встречался только на пленумах, активах и сессиях областного совета. Если бы он сам, как первый руководитель, встречался с ними, может быть, значительнее и плодотворнее были бы результаты.

Трудно ли было работать

Иногда мои старые друзья спрашивали, трудно ли было работать столь продолжительное время на одной должности и быть заместителем одного начальника, зная характер Джексенева. Скажу честно: трудно, даже очень трудно было.

Во-первых, я пришел в органы в самое трудное время для самих органов – после хрущевского периода. В результате пренебрежительного, если не сказать, неуважительного его отношения к органам правопорядка, МВД было в обедневшем и запущенном состоянии, еще немного времени, и оно бы распалось. Надо было укреплять, сколачивать, направлять сотрудников на здоровое отношение к службе. Ни отдыха, ни выходных, отдавал все работе. Но не совсем отлаженный механизм то там, то тут прорвет. Где-то кого-то избили, кого-то арестовали необоснованно. Кто-то запил и ушел со службы. За все спрашивают, за все надо объясняться, спрашивают не всегда доброжелатели, бывает, что спрашивают с упреком. Мелкие и мельчайшие проступки – всего не скажешь.

А вот был такой случай. Следователь Глубоковского райотдела Березутский в составе опергруппы поехал на место преступления – ограбление магазина. Проводя осмотр места происшествия, украл у хозяйки 270 рублей денег. Она сразу обнаружила это и заявила, что у нее пропали деньги, которые лежали на полке. В таком случае старший опергруппы решил при хозяине обыскать весь состав опергруппы, и нашли эти деньги у следователя Березутского. Возбуждают уголовное дело на Березутского, опергруппа с позором возвращается. Это было большое «ЧП». Обком вызывает Рахимова, Министерство требует информацию, вызывает на коллегия.

Второй случай. Замполит Лениногорского горотдела Козлов Трофим Евлампиевич, направленный на эту должность горкомом партии, погорел на взятке в 500 рублей. Возбудили уголовное дело, и, о, позор! посадили в КПЗ того же Лениногорского горотдела. За все спрос. За все объясняйся. Ко всему этому не очень лояльное, непорядочное отношение первого руководителя. Случись беда, за тебя заступиться некому. Иногда ночами не спишь, катаешься с боку на бок, не о куске хлеба думаешь, не о детях и семье, а о том, как бы еще где-нибудь не «прорвало».

Зная отношения Джексенева и его склонность к интригам, я держался максимум напряженно, настороженно. Чтобы все было открыто, объективно, чтобы не было повода для разных разговоров. Я знал, что если какие-то неприятности возникнут, он не заступится за меня, так же, как не стал заступаться за Буткенева, Баймуханова и Бердалина, Жакупова Кумарбека, Зайсанского начальника РОВД.

Однажды меня вызвали на коллегия МВД республики, присутствовал второй секретарь ЦК, министром был Платаев Андрей Георгиевич. После обсуждения планового вопроса, когда уже начали расходиться, Платаев остановил: «Курмат Рахимович, звонил Ваш однофамилец Рахимов Ойкен,

секретарь Большенарымского райкома партии. Он говорил, что руководство УВД постоянно приезжает к берегам Хайрузовского залива рыбачить, пьют, начальник райотдела Манасов постоянно бывает с ними. Мы, мол, Манасову замечание делаем, однако исправления не видно. Райком партии принципиально поставил вопрос, чтобы Манасова убрали из Большенарымского района. А руководство УВД взяли его в областной аппарат. Я считаю, что это неправильно, и т.д. Как обстояло дело?». Я ответил, что на том берегу, о котором сказал мой однофамилец, еще ни разу не был. И вообще на рыбалке бываю редко. Он, видимо, имеет ввиду Джексенева, который последние несколько лет свой отпуск проводит на Бухтарминском море на катере. К каким берегам, какого залива он приставал, я тоже не интересовался. Историю с Манасовым рассказывать очень долго, «если у Вас время будет, я зайду». Договорились на 20 часов встретиться в министерстве.

Что я знал по этой истории рассказал Андрею Георгиевичу. «В пятидесятых годах Ойкена Рахимова перевели на комсомольскую работу в Маркакольский район. В этом районе заместителем председателя райисполкома работал отец Манасова, возглавлявший жилищно-бытовую комиссию. На это время в райцентре оказалась всего одна освободившаяся квартира, а претендентов несколько человек, в том числе и Ойкен Рахимов. Комиссия решила эту квартиру предоставить другому претенденту – очереднику, но Рахимов очень обиделся. Через двадцать пять лет секретарь райкома Рахимов, будучи в гостях у Манасова, начальника милиции, напомнил, что «твой отец тогда со мной обошелся несправедливо, и я это должен отомстить на тебе». Представьте, через пару месяцев Ойкен Рахимов дает задание зампреду райисполкома собрать жалобы на Манасова, опросить руководителей хозяйств, организаций, вообще все, что можно собрать. Собрали что-то и доложили Рахимову. После этого Ойкен Рахимович позвонил Протозанову и рассказал все то, что и Вам. А сам, уезжая на курорт, дал задание членам бюро райкома, чтобы они до его возвращения избавились от Манасова. В свою очередь, Протозанов дал указание Джексеневу организовать проверку изложенных фактов. Я же, будучи в курсе, попросил, чтобы в проверке участвовали работники прокуратуры. Комиссия в составе старшего следователя следственного отдела УВД Гурина Владимира Павловича, инспектора по личному составу Кусаинова, помощника областного прокурора, проверила все факты, причем для объективности с авторами жалоб беседовали все трое. Оказалось, что многие факты «натасканы», за исключением: использования адмарестованных на хозяйстве райотдела; неоплату колхозу за ремонт двигателя милицейского автомобиля; и еще что-то по мелочи. Собрать достаточного основания для снятия с должности не получилось. И когда Ойкен Рахимович возвратился, Манасов продолжал работать. Результаты проверки мы доложили Протозанову и предложили Манасова перевести, поскольку такие взаимоотношения не способствуют хорошей работе. Перевели его заместителем начальника Зыряновского горотдела. Проработал он шесть

месяцев, жил один, квартиры нет, жена с детьми живет в селе Большенарым, назначенному вновь начальнику квартиру освободить не могут. Все это так осложнилось, что мы решили Манасова перевести в Усть-Каменогорск, где у нас освободилась одна двухкомнатная квартира, назначили заместителем начальника отдела наружной службы. Он перевез семью, освободив квартиру в Большенарыме вновь назначенному начальнику РОВД. Так разрядили сложившуюся обстановку. Ойкену Рахимовичу не понравилось такое перемещение Манасова, поэтому он позвонил к Вам. Всё. Теперь Ваше решение, Андрей Георгиевич». Единственное, что сказал Платаев – «назначьте его в подразделениях на какую хотите работу, а в областном аппарате оставлять нежелательно». Из каких соображений «нежелательно» - не сказал. Манасова назначили заместителем начальника исправительно-трудовой колонии (ИТК-30), где он дослужил до своей пенсии. Но Джексенев довел до Манасова и других сотрудников, что я неправильно доложил министру и предложил распорядиться убрать Манасова из областного аппарата. Я знаю, что он, Джексенев, в какой-то мере в долгу у Манасова, так как Манасов ему и возил, и носил все то, чем должен был Джексенев питаться с семьей, будучи на берегу. Но при всем этом можно было обойтись без склок, без интриг, все объяснить Манасову по-человечески.

Вот в такой обстановке, каждому понятно, трудно ли работать или легко.

Запомнился мне случай с участковым инспектором Шемонаихинского райотдела Первомайского поселкового отделения Вискребенцовым. Он обслуживал прилегающие к поселку сельские населенные пункты. Поехал в Завидное или Заубинку, где-то напился и на обратном пути не справился с управлением, мотоцикл опрокинулся, его придавило люлькой, и он погиб на месте. Его обнаружили случайные проезжающие и сообщили в милицию. Похоронили, провели служебное расследование: так и есть, все жители села, видевшие его, подтвердили, что пил и т.п. За это чрезвычайное происшествие пришлось объясняться кадровикам и политработникам.

Или такой случай. Участковый инспектор Усть-Каменогорского городского отдела Абылкасымов Ускенбай, 1937 года рождения, будучи на службе в районе пристани, зашел в буфет, где рабочие пили пиво. Получив чрезмерно высокую дозу, начал придирается к рабочим, вытащил пистолет и пытался выстрелить. Рабочие отобрали пистолет Абылкасымова, поставили на предохранитель, положили ему в кобуру, вытолкнули из буфета и сказали, чтобы шел домой. А дом его за железной дорогой у подножия горы. Он, переходя через линию железной дороги, не смог перешагнуть через рельсы, споткнулся и упал, при этом кобура открылась и пистолет выпал. Он пришел домой поздно, около часу ночи, без пистолета. Жена Абылкасымова сообщила об этом дежурному единой дежурной части. Во втором часу ночи позвонили мне домой, доложив о происшедшем. Я сделал распоряжение дежурному, кого из сотрудников поднять, и в два часа пришел в УВД. Поиск оружия продолжался до восьми утра. К этому времени вышли на подростков,

которые допоздна могли находиться в этом районе. Удачно их нашли, они сразу признались, что пистолет нашли поздно ночью на линии железной дороги и спрятали на крыше дома. Мальчишек похвалили, позвонили в школу, что ребята поступили честно. А Абылкасымова в тот же день уволили из органов, отобрав удостоверение работника милиции. Он обиделся на то, что руководство УВД так строго с ним обошлось, пошел на прием к Степану Ивановичу Иванову, тогда заведующему отделом адморганов обкома партии. Степан Иванович, выслушав меня, попросил: «Ради меня восстановите, если еще раз допустит нарушение, заступаться не буду». Из уважения к Иванову С.И. мы отменили приказ, и, объявив строгий выговор, оставили Абылкасымова на работе.

Я эти случаи описываю потому, что они запомнились, за них так больно «щипали» меня в обкоме партии и на коллегии МВД.

Был и смешной случай с участковым инспектором Катон-Карагайского РОВД Бережневым. Вообще он редко бывал трезвым. И на этот раз, будучи в командировке в деревне Язевка, медовухи набрался приличной дозы и решил прогуляться по лесу с охотничьим ружьем. Сколько он ходил, точно не известно, но сел, опершись спиной о ствол дерева, и заснул. Проснулся от шороха недалеко идущего крупного животного. Пригляделся – точно медведь, бежать некогда, направил ружье на «медведя» и с обоих стволов дуплетом по нему. Свалил насмерть. Когда к убитому подошел, оказалось это – корова.

Насколько трудно работать в отделах и управлениях кадров МВД поймет только тот, кто работал в этой системе. Представляете, некомплект составлял 9-11% к штатной численности управления внутренних дел. Ежегодно увольняется по 350-400 человек, столько же принимается, еще до 250 человек оформляют и направляют в разные учебные заведения. На каждого принимаемого столько оформляется документов, кроме анкетных данных, биографических, на него и на всех его родственников идет спецпроверка по всем местам, где они провели хотя бы несколько месяцев, по всему Союзу. Иногда, бывало, результатов ждем по 3-4 месяца. Чтобы принять трех сотрудников, надо подобрать не менее десяти человек. В результате проверки медкомиссии одна треть окажется негодными по состоянию здоровья и еще треть – по результатам спецпроверки.

Каждый сотрудник должен проходить через каждые два года очередную аттестацию. Начальников горрайотделов вызываем на аттестацию в УВД, всех остальных сотрудников аттестуем на местах. Я – председатель аттестационной комиссии, через каждые 2 года должен 2-3 дня работать в горрайотделах в составах комиссии. А тут еще нас посылают уполномоченными обкома на весеннюю посевную, на кормозаготовки, на хлебоуборку, на подготовку к зимовке. Политдокладчиками обкома по пропаганде важнейших решений ЦК КПСС и тому подобное, хорошо, хоть сейчас их нет.

Одним из серьезных препятствий росту способных, грамотных специалистов оставалась беспартийность. По существовавшему порядку того

времени, начальник райотдела и его заместители обязательно должны были быть членами КПСС. А горкомы и райкомы партии интеллигенцию принимали в исключительных случаях. Объяснялось просто – КПСС – партия рабочих, поэтому в составе парторганизаций городов, районов 75% к общему числу членов КПСС должны быть рабочие. Райкому партии разрешено было принять в партию трех рабочих и только одного служащего. А рабочие-то не особенно шли в партию. Мне приходилось уговаривать некоторых первых секретарей, чтобы хотя бы одного-двух работников МВД принимали в партию за год, так как подготовленных специалистов мы не могли назначить на руководящие должности. Сейчас хоть нет этого. В то время при оценке качественного состава кадров одним из обязательных условий была партийная прослойка: высокая – хорошо, невысокая – нехорошо. А в партию не мы принимаем, а районные и городские парторганизации. Были секретари понимающие, были и партийные чиновники, которые держались на условиях «три плюс один».

Я с благодарностью вспоминаю работников отдела кадров. В первую очередь начальника отдела, подполковника Жусупова Садвакаса, старого большевика, он много лет работал в партийных советских органах, в том числе первым секретарем райкома партии, ответсекретарем облисполкома. В органы МВД направлен решением обкома партии. Человек спокойный, обстоятельный, всегда и ко всем был приветлив и доброжелателен. Работал хорошо. В феврале месяце 1970 года, по достижению 56 лет, мы проводили его на пенсию. Джексенев к нему тоже не с особым уважением относился.

После Жусупова на эту должность назначили Богданова Александра Илларионовича. Молодой, грамотный офицер, окончивший высшую школу МВД, характер спокойный, обстоятельный, порядочный. Работали в выходные и праздники, когда требовала обстановка. Подготовка всех документов по кадрам возложена была на него, он их грамотно готовил. Его поддерживали и помогали: Машекенов Габбас, Тарин Абылгабас, Строкатов Михаил Иванович, Кусаинов Мухатай, братья Панкратовы, Вершинина Валентина Федоровна, Остякова Валентина Алексеевна, Краснопивцева Людмила Ивановна, Макаримов Мухтар и другие, тянувшие нелегкий труд кадровика, но благодарности им от руководства доставалось мало. Чаще отмечались недостатки, некомплект, недостаточно качественный состав оформляемых на работу в органы.

С благодарностью вспоминаю работников отдела политико-воспитательной работы. Первого начальника отдела Логвинова Евгения Петровича, Еремина Сергея Ивановича, Шайтанову Веру Александровну. Это они вместе с кадровиками неустанно работали над улучшением состава кадров. Вместе радовались за удачи и объяснялись за упущения или недостатки, тем более за каждое нарушение в службе и дисциплине.

Две встречи с Протозановым А.К.

На прием попросился в субботний день. Привел трех кандидатов на

должность начальника Зырянского райотдела внутренних дел (РОВД). Это был очередной раздел города от района, и уже в который раз. Райцентром на этот раз определили село Парыгино. Глупее не придумаешь, поскольку все основные совхозы остались на другой стороне Бухтармы, а моста еще не было. Поток транспорта накапливается у железнодорожного моста, единственной переправы для всего транспорта и пешеходов. Штат райотдела должен формироваться за счет численности городского отдела внутренних дел. Дополнительно даются одна или две единицы – начальника РОВД и одного заместителя. Все сделанные расчеты тоже взял с собой, на всякий случай, вдруг заинтересуется секретарь обкома. Первая кандидатура, которую я должен согласовать с ним, была Алексеенко Бориса Владимировича. Он работал начальником Катон-Карагайского РОВД, но просил перевести в Парыгино в связи с состоянием здоровья жены. Хороший работник, помочь ему нужно было. Вытащил из своей папки личное дело Алексеенко Б.В., не успел ещё доложить, в кабинет секретаря входит Садык Ахметович Койчубаев, председатель облисполкома. Услышав, что я предлагаю кандидатуру Алексеенко, он вмешался в разговор и спрашивает меня: «Что, вы не нашли подходящую кандидатуру из состава такого крупного городского отдела?» Что ему ответить? Есть в городском отделе 5-6 хороших специалистов, могущих работать начальниками райотделов, но они беспартийные. Милиционеры, учителя, медики поставлены в одинаковые условия – не принимают в партию. Он продолжает: «А начальник ГАИ Зырянска, он же член партии, почему его не предлагаете?» «Садык Ахметович, райотдел ведь не автохозяйство, начальник райотдела должен быть юристом, знать оперативно-следственную работу, а когда обстановка требует – возглавлять эту работу». Пока мы этот разговор вели с Койчубаевым, Протозанов, подумавший, наверное, так же, как Койчубаев, говорит: «Ладно, поищите еще кандидатуру. В Парыгино квартиру для начальника не найдешь». Сегодняшний разговор на этом закончили. Все испортило вмешательство Койчубаева. Подумал, как помочь Алексеенко, чтобы перевести из Катон-Карагая пониже, другой возможности, кроме Зырянского района пока не предвидится. Пошел по «обходному» пути. Позвонил своему другу Кузьмину Николаю Федоровичу. Он знал Алексеенко, ранее работавшего заместителем Зырянского городского отдела по политчасти. Помогли, говорю, уговорить Протозанова, и рассказал, как все произошло. Затем позвонил первому секретарю вновь образованного Зырянского райкома партии, Сороковых Геннадию Федоровичу. Рассказал, что произошло, и предложил, если возникнет какой разговор, просить Алексеенко к себе в район. Он согласился. Через неделю звонит ко мне Шейко Юрий Константинович, он работал тогда заместителем заведующего орготделом обкома партии, он же готовил материалы на руководство Зырянского района. Был ответственным за укомплектование руководящими кадрами. Он спросил, кого подобрали на начальника Зырянского райотдела. Я ответил, что Алексеенко Б.В.. «В 15.00 приходите, зайдём к Протозанову». Зашли к Протозанову, Шейко доложил

по всем кадрам Зырянского райкома и райисполкома, заодно и о начальнике милиции. Протозанов посмотрел в мою сторону и сказал с упреком: «Если кроме Алексеенко никого не нашли, значит, мы небогаты кадрами». Мы с Шейко одновременно ответили, что Сороковых просит его, а резерв у нас есть. Действительно, резервы были. Когда приехали в город Зырянск, в кабинете Кузьмина был Сороковых, они оба подтвердили, что один рекомендовал, а другой просил назначить Алексеенко.

Вот так иногда приходилось решать переводы и перестановки руководящих кадров МВД, входящих в номенклатуру партийных органов. Алексеенко Борис Владимирович был назначен начальником Зырянского райотдела с местом дислокации в село Парыгино. Заместителем ему назначили выпускника высшей школы МВД Исембаева Кайдара Сыгаевича, который быстро вырос: после работал начальником Зайсанского РОВД, затем начальником Лениногорского горотдела и заместителем начальника УВД Восточно-Казахстанской области. Очень энергичный, инициативный, грамотный юрист и хороший руководитель, спортсмен, самбист.

Вторая встреча. Александр Константинович готовил доклад к предстоящему пленуму обкома. Позвонил по вертушке (правительственной связи) и просил данные по хищениям и растратам. Я тогда курировал и службу ОБХСС. Я данные собрал, для нас эти данные были положительными, потому что много вскрыли фактов хищения и растрат, и процент возмещаемости был высоким. Данные он взял, стал делать пометки в своем докладе. Разговариваем кое о чем, вижу, у него хорошее настроение, думаю, попробую решить один наболевший вопрос.

В Зырянском горотделе служил майор Петренко в должности начальника отделения противопожарной службы. Поехал как-то в отпуск с семьей к родителям жены, которые проживали в Алма-Ате. Через пару дней Петренко с женой решили пройтись по магазинам города, оставив двух сыновей у бабушки. А бабушка, тем временем, решила сводить мальчиков в храм на Никольском базаре, провести обряд крещения. Когда все ритуалы выполнили, священнослужитель выписывает квитанцию по десять рублей на каждого мальчика и предлагает заплатить двадцать рублей. Бабка знала, что раньше брали по восемь рублей, у нее и денег-то было всего шестнадцать рублей. Она подняла шум, требует выписать квитанцию по восемь рублей, а тот по-своему, объясняет, что так установил церковный совет, да и квитанции – документ строгой отчетности. А бабке какое дело, нет у нее денег, и все. На шум прибежал дежурный милиционер, начинает разбираться. Кто вы такие, чьи это дети, а в это время на территории Никольского базара, мимо церкви проходят Петренко с женой. Бабушка увидела их, позвала и все рассказала. Петренко милиционеру предъявил свое удостоверение, доплатил четыре рубля, забрал детей и все вместе ушли. Милиционер доложил об этом случае своему начальнику, тот, в свою очередь, начальнику Алма-Атинского городского управления. Впоследствии каким-то образом дошло до Комитета госбезопасности, оттуда сообщили Зырянскому горкому партии. Горком исключил Петренко из партии, а в УВД освободили от занимаемой

должности и перевели с понижением в Шемонаихинский район рядовым инженером. Здесь он отработал около двух лет, нужно было его реабилитировать. В самом деле, не он совершил обряд крещения, он оказался перед фактом.

Вот этот вопрос и высказал я Протозанову. Он так отреагировал на мое предложение: «Что ты говоришь, что ты предлагаешь, да я тебя на пленуме буду критиковать!», и смотрю, в докладе пометку делает. Я продолжаю, что этот факт не стоит того, чтобы о нем говорили на пленуме, да и Рахимов не фигура, чтобы обсуждать там. На второй день состоялся пленум обкома с участием областного партийно-хозяйственного актива, где он и вспомнил Петренко и меня, что я предлагал его реабилитировать. Мог ли предвидеть Протозанов, что не пройдет и четырех лет, как рассыплется сама коммунистическая партия вместе со своей идеологией.

Как бы трудно ни было, коллективы областного аппарата, его отраслевых служб, городских и районных отделов добивались положительных результатов. Процент раскрываемости по линии уголовного розыска повышался с каждым годом, росла раскрываемость по линии ОБХСС, которую я курировал.

По линии уголовного розыска раскрываемость составляла в разные годы от 96% до 97, 3% к числу зарегистрированных преступлений. В связи с этим хочу назвать имена таких неутомимых сыщиков, как Королев Антон Алексеевич, Бурков Василий Павлович, Ахметжанов Ануарбек Солтанбекович, Денисов Федор Михайлович, Кириллов Василий Ефимович, Черненко Владимир Иванович и Дробышев. Сколько раскрытых ими тяжких, неочевидных преступлений, сколько задержаний опасных вооруженных преступников с риском для здоровья, а иногда и жизни. Вспоминаю одно задержание семидесятого года. Получили ориентировку, что в Усть-Каменогорске находится преступник, неоднократно судимый за разбой и грабежи, вооружен обрезом. Адреса установить не удалось, зато узнали, что он собирается поехать в село Тургусун к родственникам, поездом Усть-Каменогорск-Зыряновск. На задержание поехали заместитель начальника ОУР УВД Василий Павлович Бурков и старший инспектор ОУР УВД Федор Михайлович Денисов. Устроившись в соседнем доме через улицу, двое суток наблюдали за преступником, ожидая удобного момента для задержания. Только во второй половине второго дня пребывания подобрали удачный момент, подошли к нему с двух сторон и взяли под руки, чтобы лишить его возможности воспользоваться обрезом. Опасный преступник был задержан и осужден.

Серия преступлений в период строительства комбината шелковых тканей (КШТ), связанных с изнасилованием и убийством девушек, работающих на этом предприятии. Помню пять или шесть случаев за короткое время. Резонанс был большой, раскрывать было трудно. Сыщики работали круглые сутки, подключили все наши силы и средства. Время шло, а результатов нет. Эти случаи взяли на контроль обком партии, ЦК Казахстана и Министерство Союза ССР, требовали ежедневно

информировать о результатах работы.

Улучшение было во всех милицейских службах и учреждениях мест заключения (колониях, спецкомендатурах). Ежегодно выполняли производственные задания по производству «Нории» (зернотранспортеров), производству мебели, а во вновь открытой колонии в Шемонаихинском районе выполняли правительственное задание по производству выключателей для Уральского электротехнического завода и борон «Зиг-Заг» для сельского хозяйства.

Это свидетельство возросшего профессионального уровня офицеров УВД, способных выполнять большую работу. Поэтому мы их выдвигали на высшестоящие ответственные должности. На должность генерала – шесть человек – начальников областных управлений. Это: Берсенев Михаил Терентьевич, Бубенин Анатолий Петрович, Хловпик Борис Анатольевич, Найманов Аглан и другие. На должности заместителей начальников УВД назначены: Молдаханов Слямхан, Кусаинов Миллат, Дюйсембаев Майдан, Каирбаев Копен, Рахманов Мейрамхан, Исенбаев Кайдар, Овчинников Иван Геннадьевич, Гришко Валерий Владимирович, Тупелеков Кумарбек.

Мне вспоминается, как лейтенант Тупелеков, отработав в органах несколько месяцев, зашел ко мне на прием и обратился с просьбой об увольнении из органов. Точно не помню, как мне удалось его убедить продолжать службу и забыть об увольнении, что из него получится хороший руководитель. Он остался на службе и, действительно, вырос до заместителя начальника департамента нашей области и ушел, как говорится, на заслуженный отдых буквально на днях.

Лейтенант Удербаев тоже обратился с просьбой об увольнении из органов. После продолжительной беседы я убедил его остаться. И он проработал в органах 37 лет. Продолжительное время полковник Удербаев Нурлыбек Галиевич возглавлял управление оперативной службы.

Двух лейтенантов я привез из Лениногорского горотдела: Мартынова Александра Михайловича и Романовича Николая Никифоровича. Эти два офицера с одним дружинником по фамилии Бакши пошли задерживать опасного преступника, в прошлом неоднократно судимого, который при задержании оказал сопротивление. При этом Бакши, здоровый парень, незаметно для офицеров «приложил» ему рукой в бок, остался след. На следующий день, когда повели задержанного к прокурору города, чтобы получить санкцию на его арест, он заявил, что «при задержании его избили» и показал синяки. Прокурор по фамилии Богулей решил возбудить уголовное дело против офицеров. Я в этот день находился в Лениногорске в командировке. Богулей зашел ко мне и рассказал о жалобе арестованного и, в связи с этим, о намерении возбудить уголовное дело. Я ему предложил отказать в возбуждении дела, в связи с выездом офицеров за пределы города. Прокурор успокоился, а я привез их в Усть-Каменогорск. Мартынова А.М. назначили в аппарат уголовного розыска, а Романовича в отдел БХСС. Оба остались в органах и доработали до пенсии. Мартынов А.М. вырос до начальника управления криминальной полиции и продолжительное время ее

возглавлял.

Приходилось и наказывать, и увольнять из органов работников, допустивших серьезные нарушения по службе. Так начальник ГАИ УВД полковник милиции Михайлов (Гринберг) Владимир Яковлевич постоянно злоупотреблял служебным положением, нарушал закон, за что наказывался в апреле 1970 года объявлением выговора, в апреле 1974 года объявлено второе наказание. В 1978 году, злоупотребляя служебным положением, совершил квартирную махинацию, нарушив жилищное законодательство. Вмешался в чужую семью, довел ее до развода. Много, прямо скажу, много таких нечестных поступков, злоупотреблений служебным положением, граничивших с преступлением. После трех строгих наказаний пришлось освободить от занимаемой должности и назначить с понижением заместителем начальника исправительно-трудовой колонии (ИТК-30). Он и там продолжал творить подобные противозаконные действия, пришлось его уволить из органов внутренних дел.

С этой же службы пришлось уволить из органов капитана милиции Голикову Веру Владимировну, соучастницу преступных действий Михайлова. Не перечисляя большой список ее нечестных поступков, приведу один пример. В отделе рабочего снабжения железнодорожников (НОРД) в 1978 году выписала в кредит мебель на сумму около 900 рублей, мебель не взяла, попросила выдать ей всю сумму деньгами. Это противозаконно, главный бухгалтер стала возражать, тогда Голикова заявила ей, что «весь ваш автотранспорт будет стоять в гараже». Материал поступил по линии ОБХСС, поэтому провели служебное расследование, все подтвердилось. За что ее уволили из органов. Через две недели меня вызывает Протозанов. Захожу к нему в кабинет, у него сидят Джексенев З.Д. и Голикова. Протозанов, оказывается, вызывал Джексенева по жалобе Голиковой, а тот сослался на то, что «все знает Рахимов, он и увольнял ее», поэтому я оказался у Протозанова. Он меня спрашивает, за что уволили Голикову, я дословно помню, что сказал: «Александр Константинович, перед вами сидит воровка и мошенница» и рассказал о нескольких ее проступках, в том числе с кредитом. Он внимательно выслушал и попросил «оставить ее в органах, только не в ГАИ, а где-нибудь в вытрезвителе или другом таком месте, Лосев мне звонил». Лосев – бывший первый секретарь Джекказганской области. Понятно, отказывать Протозанову не стали, назначили Голикову инспектором вытрезвителя. Она поняла, что поддержки Михайлова теперь нет и возиться с ней не будут, и мнение обкома учла. Впоследствии стала вести себя скромнее.

Я читал мемуары участника Великой отечественной войны, командующего армией, генерал-лейтенанта Горбатова. Горбатов до 1938 года командовал корпусом, был арестован, осужден и к началу войны отбывал срок в Магадане на золотых рудниках в качестве рядового рабочего-забойщика. В 1941 году, когда началась война, командных кадров оказалось явно недостаточно. Поэтому, по указанию Сталина, ряд военных деятелей были возвращены в ряды вооруженных сил, в том числе и генерал Горбатов.

Вначале ему доверили только дивизию. На одном из участков Западного фронта создалась такая обстановка, что можно было контратаковать немецкие наступающие войска, отбить их и отогнать на несколько километров. Генерал соблазнился этой ситуацией и дал команду на контратаку, «хоть маленькая победа на маленьком участке», - решил генерал. Оказалось, он несколько опередил время наступления наших войск на этом фронте, тем самым сделал нежелательную поправку общему плану. Сталину доложили, что Горбатов самовольно решил контратаковать наступающие части немецких войск и не очень удачно. Сталин тогда сказал: «Да, действительно, горбатого только могила исправит». Могила исправит или нет, но на своем многолетнем опыте я убедился, что у отдельных людей недобрая натура, склонность к различным противозаконным действиям (интригам, склокам, зависти, к зловредности) остаются на всю жизнь. Что касается генерала Горбатова, то он Великую отечественную войну окончил в звании генерала-полковника, в должности командующего армией, и с наградами, в том числе и Героя Советского Союза. Пусть земля будет пухом его праху.

Или вот участковый Абылкасымов Ускембай, 12 июня 1969 года был уволен за то, что напился до бессознательного состояния, потерял пистолет Макарова, который искали всей группой и только утром нашли. Обратился в обком партии с жалобой, что к нему очень строго подошли, просил содействия, чтобы его оставили в органах. По ходатайству заведующего отделом адморганов Иванова Степана Ивановича его восстановили. Однако Абылкасымов продолжал нарушать служебную дисциплину и 18 декабря 1980 года был уволен из органов. Абылкасымов теперь написал клятвенное обещание в Министерство внутренних дел Каз. ССР. Там решили поверить ему еще раз, поскольку он выпускник специальной школы милиции. Оставили. 21 апреля 1983 года коллектив домоуправления, участок которого обслуживал Абылкасымов и товарищеский суд обратились с просьбой заменить им участкового инспектора за то, что он плохо работает, «теряется» и тому подобное. Как видно, Абылкасымову не хватило 27 лет и неоднократных серьезных наказаний, чтобы избавиться от «горбатости».

Особый разговор о Горохове Е.М.

Время было к осени 1980 года, сижу в кабинете, примерно около 12.00 звонок по прямому телефону от генерала, просит зайти. Захожу к нему, сидят вдвоем с Черниковым. Присаживаюсь, генерал спрашивает у нас с Черниковым: «Кого будем рекомендовать на заместителя начальника УВД вместо ушедшего Берсенева?». Черников поторопился ответить, что «конечно, Евгения Максимовича» (Горохова).

Я Горохова Е.М. знал еще, когда он работал инспектором уголовного розыска в Зыряновском городском отделе. Офицер очень энергичный, подвижный, работу освоил неплохо, результаты были положительные. Поэтому я его предложил на должность заместителя начальника Зайсанского

райотдела, где начальником работал ветеран милиции, участник Великой отечественной войны, подполковник Мустафин Мубарак, человек уравновешенный, порядочный. В районе пользовался большим авторитетом. Думаю, что Мустафин сумеет правильно направлять кипучую энергию Горохова и у них получится хорошая работа. Надежды мои оправдались, работали они хорошо. Горохова можно было видеть на работе и в будни, и в выходные дни, успевал проверять работников на трассах, в общем, пошло все нормально.

Через полтора года генерал, приехав из командировки по Маркакольскому и Зайсанскому районам, решил Мустафина отправить на пенсию, а Горохова назначить начальником райотдела. Я засомневался, сумеет ли Горохов правильно построить взаимоотношения с руководством района, с активом, при его характере и дефиците такта. Но возражать не стал, а свои мысли высказал. Горохов проработал года три, результаты работы (показатели) по всем службам положительные, но жалоб на его грубость, бестактность стало поступать немало. В августе 1976 года у устья Черного Иртыша был организован трехдневный отдых руководства области во главе с Протозановым, Джексеновым, Магазинчиковым и другими. У подступов к месту отдыха была установлена охрана (наряд), чтобы никто туда не проник. Возглавил эту охрану Горохов, блестяще справившийся с задачей, сам стоял на развилке дорог, он заслужил похвалы. Генерал, приехав из командировки – отдыха, предложил Горохова назначить начальником штаба УВД. Но штабиста из Горохова не получилось, он сам это понял и попросился в уголовный розыск. Обе эти службы курировал сам Джексенев.

Будучи начальником отдела уголовного розыска, Горохов показал самую неприятную сторону своего характера. Систематические пьянки, пьяные драки с участием Горохова, нездоровая обстановка в коллективе отдела, фальсификация с раскрываемостью преступлений для улучшения показателей. Опытные работники стали уходить из отдела в другие службы.

В такой обстановке Черников поторопился предложить кандидатуру Горохова. Я категорически ответил, что «против», и вкратце рассказал о вышеупомянутом. Джексенев меня выслушал и сказал: «Оформляйте документы на Горохова». Я пригласил Богданова А.И., сказал, чтобы подготовили представление на Горохова, и подпись сделали только на Джексенева. А по условиям того времени в представлениях на должности номенклатуры МВД СССР требовали две подписи: начальника УВД и заместителя по кадрам. На этот раз я отказался подписывать, пусть, думаю, будет на совести того, кто Горохова выдвигает.

Представление поступило в управление кадров МВД СССР, откуда пришла телеграмма: «Командировать Горохова в Москву на беседу с последующим назначением», - подписывать приказ о назначении заместителя начальника УВД должен только министр лично, такой был порядок в МВД СССР.

Горохову подготовили командировочные, взяли билет, это было в пятницу. Вечером того же дня звонит мне Агей Евгеньевич Жданов, первый

заместитель министра внутренних дел Каз.ССР, он же ведает кадрами, спрашивает меня, почему представление на Горохова отправили без моей подписи. Я откровенно рассказал, что против назначения Горохова на должность заместителя начальника УВД из-за его плохого поведения. Джексенев со мной не согласился, и представление отправили только за его подписью, я отказался подписывать.

В субботу пришла вторая телеграмма из Москвы: «Отставить командировку Горохова». Какой был шум. Генерал упрекнул меня, что я устроил такой скандал, он эту кандидатуру согласовал с Протозановым. Я ответил, что моя совесть должна быть чиста, даже если это будет стоить моей карьеры. Гороховское дело на этом не закончилось. Джексенев его порекомендовал в Целиноградскую область на должность начальника уголовного розыска. Через год его сняли с должности и предложили уволить из органов. В управлении кадров МВД Каз.ССР Горохов упросил оставить его на любой должности, только не увольнять. Целиноградское УВД отказалось оставить его у себя. Перевели в Чимкентскую область с понижением, и там через некоторое время все-таки его уволили, как не соответствующего занимаемой должности. Такова Гороховская эпопея. Как иногда на ответственные должности попадают люди типа Михайлова и Горохова? Протозанов же согласился назначить Горохова. Если бы не принципиальность Жданова А.Е., не мое упрямство, этот человек был бы назначен на такую высокую должность. Неизвестно, какие были бы последствия.

Бесспорно, Джексенев был многоопытным руководителем. Бесспорно, что он хорошо знал особенности всех служб. Много лет руководил управлением внутренних дел Уральской, Актюбинской областей. И как он не мог разглядеть Горохова? Что в нем его прельстило, или он оказался в чем-то в долгу перед ним? Он не должен был так поступать. В данном случае с Гороховым ты был не прав, мой генерал. Неправ был, когда защищал Михайлова В.Я.. Одной рукой подписал заключение на его увольнение из органов по отрицательным мотивам, и этой же рукой подписал десятидневный отпуск с выездом в Москву жаловаться на наше же решение.

У всех народов принято о покойниках говорить хорошо или не говорить ничего. Я вполне поддерживаю это. Но в моей книге часто упоминается фамилия Джексенева, и, нередко, в нелестном плане. Я далек от того, чтобы отомстить или отличиться чем-то после смерти Джексенева. Просто, если эти моменты, о которых пишу, не упоминать, то многие вопросы в миру малоизвестных останутся без ответа.

Выше я писал, что самая трудная работа в системе МВД того периода – это работа кадровиков. Столь же трудна была работа руководителя, возглавляющего этот кадровый аппарат. Поэтому в отдел кадров назначали более сильных, более лояльных, более грамотных офицеров. Такой же подход был к комплектованию политаппарата самого отдела и замполитов горрайорганов и других подразделений. Иногда кадровик или политработник может прогореть за чепуху, которая может случиться без его участия, без его

ведома, а иногда вообще его не касается.

Вспоминаю случай, когда к нам обратился один юрист, переехавший из Ставропольского края. Отдел кадров оформил все необходимые документы, он прошел медицинскую комиссию, теперь ждем ответы на спецзапросы на его многочисленных родственников. Ответы поступают, но не все. Прошло более четырех месяцев. Ждем ответа от спецотдела Ставропольского краевого УВД. Заместитель начальника нашего УВД, исполняющий его обязанности, вызывает Богданова и упрекает, что «затянули» с проверками: человек ждет назначения, следователей не хватает, а вы столько волокиту затянули и тому подобное. И дает указание – назначить, не дожидаясь ответа на последний запрос. Включили в приказ, назначили следователем. А через две недели поступил ответ из спецотдела: что отец этого молодого человека четырежды судим, в том числе за вредительство на железнодорожном транспорте в годы войны, отбывают срок два родных брата. Получился крупный скандал. В тот период первичное офицерское звание присваивало МВД СССР. Туда направлять такие представления запрещено. Остается отменить приказ о назначении. Человек пойдет жаловаться в партийные и советские органы, может обратиться в суд. В конце концов кто виноват? В советские времена в ходу был такой анекдот: всякое большое дело проходит три стадии: сначала шум, гам, суматоха, потом – наказание невиновных, а в завершение – награждение непричастных. Тот, кто требовал назначения, теперь молчит, кадровика защитить – духу не хватает. Наказывается начальник отдела кадров.

Руководитель тоже не от хорошей жизни давал такое указание, его тоже надо понять. В производстве у каждого следователя имелось по 15-20 уголовных дел, а сроки следствия нарушаются. Идет поток представлений от прокуроров по каждому просроченному делу. Требуется найти того, кого надо наказать. И находится тот, кто не виновен.

По штату, официально, заместитель начальника УВД по кадрам обязан организовать работу аппарата отдела кадров и отдела по политико-воспитательной работе. Через эти отделы влиять на улучшение расстановки, подборку, подготовку и переподготовку кадров, улучшение воспитательной работы, укрепление дисциплины и повышение боеготовности личного состава.

На практике, в жизни органов МВД случилось так, что мне пришлось в течение семи лет возглавлять еще работу отдела БХСС. Также немалый объем работы. Только офицеров по этой службе работало около 80 человек. По крупным хищениям участвовать в их раскрытии, контролировать ход расследования и возмещения ущерба, нанесенного государству. Дел было много, особо запомнился случай хищения 3500 литров спирта со спиртоводочного завода. Мне доложили во втором часу ночи, что обнаружены следы хищения спирта в особо крупных размерах. Поднялся и приехал на место происшествия, где установили, что из залитой спиртом цистерны, стоящей в тупике в ограде спиртзавода, которая утром должна отправляться для Чимкентского виноводочного завода, откачали более трех с

половиной тонн спирта. Автоцистерна стояла в ограде, к ней перебросили шланг и включили насос. А когда железнодорожную цистерну поставили на железнодорожные весы, оказалось, что к указанному в накладной весу не хватает более трех с половиной тонн спирта. До утра подняли десятки человек, возможных исполнителей, соучастников или очевидцев этого хищения, вплоть до тех, кто из работников когда уходил и кто имел доступ к цистернам, пломбам. Проверили все заводские автоцистерны, могущие быть использованными, нашли. Нашли и лиц, причастных к хищению. А в восемь часов утра нашли и спирт, перелитый в бочки, сварные металлические емкости в двух гаражах, расположенных недалеко от Бабкиной мельницы. Шум был большой. Утром доложено Протозанову А.К. и в МВД Казахстана. Спирт полностью был возвращен спиртзаводу. Стоимость спирта подсчитали – 108 тысяч рублей, таким мог быть ущерб, если бы своевременно не раскрыли это преступление.

Приходилось мне возглавлять раскрытие и розыск преступников по линии уголовного розыска. Запомнился мне следующий случай.

Неожиданный звонок в восемь часов утра 4 ноября 1967 года в мою квартиру. Беру трубку и слышу: «Докладывает начальник Лениногорского городского отдела внутренних дел подполковник милиции Кусаинов». «Слушаю Вас, Миллат Кусаинович». «В 7 часов 30 минут утра, 4 ноября 1967 года в бытовом корпусе шахты «40 летия ВЛКСМ» Лениногорского полиметаллического комбината произошел взрыв. В результате погибло шесть горняков, четырнадцать человек получили травмы различной степени тяжести, семь из них очень тяжелые». Далее Миллат Кусаинович доложил, что съездил на место происшествия, предварительно осмотрел. Оперативная группа там работает. Я его попросил сохранить все, как есть на месте происшествия и немедленно выехал с экспертами. Джексенев З.Д. находился в командировке в верхних районах, мне же нужно было ехать немедленно, поэтому поручил дежурному УВД найти генерала и доложить обстановку. В Лениногорск я прибыл в одиннадцать часов, и мы с Миллатом Кусаиновичем приехали на место происшествия. Тщательно осмотрев место происшествия нашли, что взрывчатка была заложена в ящике письменного стола, откуда провода потянулись к входной двери. Взрыв произошел, когда открывали эту дверь. После осмотра эксперты и пиротехники определили, что в ящик стола было заложено 800 граммов шахтной взрывчатки. Жуткую картину в этом помещении до сих пор не могу забыть. К нашему приезду погибших и пострадавших горняков унесли, кого-куда: погибших по домам, пострадавших в больницу. А их вещи: одежду, обувь так раскидало, что у самого потолка повисли кирзовые сапоги шахтера, зацепившись за отопительную трубу, проведенную в 30 сантиметрах под потолком вдоль стены. Шум, слезы, возмущение людей страшным преступлением, происшедшим в мирное время. Тем более, это произошло накануне праздника пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции. По-разному оценивали очевидцы произошедшее: одни – террор, другие – диверсия, третьи – просто хулиганство. Как бы люди не оценивали,

а мы с Кусаиновым М.К. вернулись в городской отдел, составили план оперативно-розыскных мероприятий, подключив все наши силы и средства. Через некоторое время приехал в Лениногорск начальник областного управления КГБ Гуркин Владимир Яковлевич, очень скромный, воспитанный человек. После ознакомления с обстановкой на месте происшествия, он вместе с Сармановым, начальником городского отделения КГБ подъехал к зданию городского отдела милиции. Мы их встретили и зашли в кабинет Кусаинова. Он сказал, что уже был на месте происшествия, видел наших работающих экспертов, криминалистов, следователей. Договорились подключить к розыску и раскрытию преступления все наши возможности и взаимно информировать друг друга. На следующий день, 5 ноября, в Лениногорск приехал заместитель министра внутренних дел Казахской ССР, генерал-майор милиции Тумарбеков А.Т., тоже привез с собой опытных специалистов и общими усилиями на третий день преступление было раскрыто, преступник арестован, затем осужден. Не будем приписывать, кто больше, кто меньше трудился над раскрытием этого особо тяжкого преступления, данные поступили одновременно в милицию и КГБ. Работники МВД города, области и республики, принимавшие участие в раскрытии этого преступления, были поощрены. Начальник Лениногорского городского отдела, подполковник Кусаинов М.К. представлен к награждению орденом Трудового Красного Знамени, затем, через непродолжительное время, выдвинут на должность заместителя начальника вновь образованного Талды-Курганского областного УВД.

Запомнился мне еще один случай. В полночь поступил звонок из Зырянского городского отдела. С особой жестокостью убита молодая женщина. Дежурный УВД доложил, что «генерал приказал поднять Вас», значит, мне поручено возглавить оперативно-следственную группу по раскрытию преступления и задержанию преступника. Взял с собой эксперта и оперработника, выехали в три часа, в Зырянск подъехали в шестом часу утра. Начальник городского отдела, подполковник милиции Гришко Валерий Владимирович, встретил нас у железнодорожного моста через реку Бухтарма, тогда еще моста, кроме железнодорожного, не было. Переехав по этому мосту, подъехали прямо к месту происшествия, на западной окраине Зырянска, в городок геологоразведчиков (геологической партии). Это было, как помню, во второй половине августа, в день открытия охоты. При тщательном осмотре места происшествия увидели еле заметные капли крови, идем по направлению этих капель. Следы крови привели к двум частным домам. Установили жильцов и проверили по «черному» списку (списку, где учтены наркоманы). Один из этих домов принадлежал гражданину «С», состоящему на учете, как наркоман. Во второй половине дня решили его задержать.

Начальник геологической партии уехал на охоту, в доме остались жена и младшая дочь. Ожидали приезда старшей дочери, студентки из Алма-Аты, которая вот-вот должна была подъехать. По объяснению хозяйки, которая поступила в больницу в бессознательном состоянии, с множественными

ножевыми ранениями, около 23 часов кто-то постучал им в дверь. Подумали, что приехала дочь, которую ждали, и открыли дверь, оказался мужчина небольшого роста с перочинным ножом в руках. Без всяких объяснений кинулся на младшую дочь и стал ей наносить удары этим ножом, после нескольких ударов она упала. Мать стала заступаться за дочь, преступник и ей нанес несколько ранений перочинным ножом. Потом заметил на столе кухонный нож, свой складной бросил и продолжал наносить удары по хозяйке кухонным ножом, пока она не упала. Перочинный нож с места происшествия изъяли как вещественное доказательство. Ненадолго придя в сознание, женщина рассказала его приметы, которые были похожи на приметы задержанного гражданина «С». Анализ крови на брошенном складном ноже показал схожесть по группе с кровью задержанного. В ходе допроса с использованием всех улик, он рассказал, что в тот день три наркомана решили «покайфовать», собравшись у одного из них. Когда все закончили, «С» пошел домой. Шел к своему дому, и, говорит, что-то его «тянет» на какое-то действие, что-то хочется совершить. А тут – отдельно стоящий дом, свет во всех окнах горит, решил постучаться. Постучал – открыли, и «передо мной девушка, вытащил из кармана перочинный нож и ударил несколько раз. Подбежала мать, заступиться, и ее несколько раз ударил. Складной нож закрылся и порезал руку. Тут меня как будто толкает что-то: действуй, действуй! Взял со стола кухонный нож и несколько раз ударил женщину, а когда она упала, ножик бросил и ушел». Преступник был осужден. Возможно, уже отбыл срок, поэтому я не решился написать его фамилию.

Вот иногда и такие дела доставались кадровикам, а то можно подумать, что они только и занимаются оформлением да увольнением. Кадровики и политработники участвуют во всех мероприятиях по охране общественного порядка и борьбе с преступностью. И патрулируют, и службу наряда проверяют в ночное время наравне с другими милицейскими службами.

Пора подвести некоторые итоги

Главным итогом моей почти шестнадцатилетней работы в органах МВД считаю то, что количество специалистов, имеющих высшее, специальное, профильное образования выросло со 120 человек до 1400, в более чем одиннадцать раз, без учета ушедших на пенсию за эти годы. Количество сотрудников, имеющих среднее специальное образование – с 200 до 800 человек – в 4 раза. Весь сержантский состав имел уже не ниже среднего образования, чего не имели многие офицеры 6-7 лет назад. Эти высококвалифицированные, набравшиеся практического опыта кадры, плюс довольно достаточное, по тому времени, оснащение специальной техникой позволили обеспечить высокие показатели по всем службам.

У нас, в Восточно-Казахстанском УВД, впервые в республике, за высокие показатели по линии ОБХСС, которое я курировал, орденом «Знак Почета» был награжден начальник отделения БХСС Лениногорского горотдела Ковальчук Геннадий Игнатович. Вся проводимая работа руководства УВД по улучшению деятельности органов и подразделений, укреплению дисциплины среди личного состава дала положительные результаты в плане восстановления доверия населения к органам милиции, ее работникам. Теперь уже больше стали чувствовать поддержку населения и помощь с его стороны. Более активно стали публиковаться в средствах массовой информации положительные материалы.

Мы с генералом Джексеновым З.Д. проработали очень продолжительное время, по 16 и более лет. Я думаю, что столь продолжительное время руководство МВД СССР, МВД Казахской ССР и областной комитет партии устраивали результаты нашей работы.

За каждый пройденный отрезок времени своей жизни каждый человек подводит какой-то итог, приходит к выводам: как он прошел, какие полезные результаты для общества, для себя, для своей семьи. Я об этом тоже задумываюсь, что мне для моей души, для моей семьи дал полезного период моей работы в органах МВД. У казахов есть такой афоризм: «Батырдың өзіне лайықты шоқпары бар», дословно переводится так: каждый батыр подбирает меч по своей силе, то есть, большому батыру – большой, а маленькому – маленький. Большой деятель способен сделать большое, важное для общества дело. Меня судьба не позвала на большое дело, видимо, мои возможности были ограниченные, поэтому я в числе, так сказать, маленьких мог сделать маленькое, о чем выше сказано, хотя очень кратко. А что дал этот период мне, для моей души, для моей семьи полезного и приятного, попробую вспомнить хотя бы несколько моментов.

На меня выбор выпал – это опять судьба. А мое решение о переходе на работу в органы МВД было правильным. Во-первых, материальная сторона. После щелоковского решения я стал получать зарплату, равную зарплате отраслевого секретаря обкома; кроме того, обували и одевали в высококачественную форменную одежду и обувь бесплатно. Это позволяло мне содержать семью, выучить детей и содержать своих престарелых

родителей. И сейчас я получаю пенсию и спецпособие на уровне зарплаты среднего чиновника областного масштаба. Старость материально обеспечена. Во-вторых, мне представлялась возможность общаться со многими известными в стране людьми, так как заместителей начальников УВД краев и областей ежегодно собирали на совещания в Москве и в других крупных городах Советского Союза, где в течение двух-трех дней слушали выступления руководителей страны, известных ученых, деятелей культуры и т.п. За период моей работы в органах шесть или семь раз такие совещания проводили в Москве, где участвовал сам Николай Анисимович Щелоков и все его заместители, зав. отделом адморганов ЦК КПСС Савилов, зам. предсовмина, Генеральный прокурор, председатель Верховного суда и другие. С обменом опытом по тому или другому вопросу выступали участники совещания, что тоже было интересно. Все передовое, полезное по возвращению старались внедрять у себя в подразделениях. После каждого совещания планировалось культурное обслуживание, как, например, посещение Кремля, Оружейной палаты, концерты во Дворце съездов, экскурсии в другие интересные места.

Особо запомнилось мне всесоюзное совещание руководителей кадровых аппаратов, так называлось проведенное в городе Горьком. Из Усть-Каменогорска и вообще из Казахстана прямого самолета до Горького не было, нужно лететь через Москву. Я решил ехать поездом до станции Арзамас-2, а дальше меня должны встретить и до Горького ехать на машине. Точно к прибытию поезда меня ждала черная «Волга», встретил подполковник, который сразу узнал меня, подошел и представился. Я поблагодарил его и поехали. Представляет, от Арзамаса-2 до города Горького 90 километров и все равнина, пески. Привычного нам чернозема не видно. Я спросил подполковника, что же здесь выращивают крестьяне, на что он ответил: «Лук репчатый. На всю Горьковскую область, и еще отгружают в Москву».

Совещание открыл генерал-лейтенант Никитин. Присутствующий здесь первый секретарь Горьковского обкома партии ознакомил с обстановкой в области промышленности и сельского хозяйства, с передовыми технологиями, принятыми в производстве. Рассказал, как работают правоохранительных органы области, как они добиваются улучшения кадрового состава в этих органах и тому подобное. Совещание прошло с докладами, обсуждением их, обменом опытом, где и что нового в смысле работы с кадрами, и как это новое отразилось на результатах работы по борьбе с преступностью.

Интересными были мероприятия по культурному обслуживанию. Нам показали Нижегородский Кремль, где провели, частично, реконструкционные работы. Часть зданий использовалась городской властью. Возили нас на всемирно известный автозавод ГАЗ, где мы прошли по линии сборки до выхода машин; на бывший танковый завод, и другие известные, интересные объекты.

Через два года такое совещание проводили в Волгограде. Мы летели по

маршруту Усть-Каменогорск, Караганда, Магнитогорск, Волгоград (Сталинград), ставший всемирно известным в результате Сталинградской битвы, определившей закат немецко-фашистских войск. Разместили нас в лучшей гостинице города, совещание проводили в здании областного театра. Но где бы мы ни находились, нас преследовали комары: и в гостинице, и в театре, и в кино, и на базаре. Даже на Мамаевом Кургане – комары, комары, комары! Совещание, как всегда, деловое, доклады, выступления, критика недостатков в кадровой работе. Особо громкие проступки и преступления, совершенные работниками органов и т.п.

Перейдем к интересным мероприятиям. Первым делом приехали на Мамаев Курган. У подножья величественной статуи «Матери-родины» первой лежала надгробная плита из черного мрамора Абдирова Нуркена, нашего земляка из Карагандинской области, Героя Советского Союза. Заходили внутрь статуи, где установлена целая лаборатория: контроль температуры, влажности, освещение, связь, лестница для контролера и много других приборов и оборудования. На Мамаевом Кургане огромное сооружение в виде юрты, в середине – факел в руках воина, вокруг, на внутренней стене, семь тысяч фамилий и имен защитников Сталинграда! Посмотрели дом Павлова, сохранившийся в том же состоянии, в каком он был в дни обороны Сталинграда. Панораму Сталинграда: в просторном помещении кругом горит пламя от снарядов и бомб, разбитые танки, орудия, в пожарище мелькают человеческие фигуры. Это впечатляет, словами передать невозможно, это надо только видеть самому.

Показали нам Волгоградскую ГЭС, построенную после войны и город Волжск, где жили и остались жить гидростроители. Сейчас (это когда мы были, в 1976 году) там сталелитейный завод. Это все было интересно и доступно при советской власти, в едином государстве. Попробуйте, дорогой казахстанец, сегодня побывать в этих городах и получить удовольствие.

И в третьих, мне предоставлялась возможность ежегодно отдыхать на лучших курортах Советского Союза. По «Положению о прохождении службы в органах МВД» офицерам в звании полковника положено было ежегодно пользоваться льготными путевками на санаторно-курортное лечение. Офицеру – за 25% от стоимости, женам – за 50%, поездка полковнику бесплатная в мягком (спальном) вагоне, а женам – с доплатой сверх стоимости купейного места. Мы с женой и ездили отдыхать на курорты Кавказа, в Сочи, в Белокуруху, Южный Буг (в Украине), в Подмосковье, в основном, в город Звенигород. Чаще мы ездили поездом через Москву: Москва-Минеральные воды, Москва-Сочи. Спальный вагон, двухместное купе с кондиционером, очень удобно было, хоть и много времени нашего отпуска уходило на дорогу. Но Раиса Абдулловна тяжело переносила длительные полеты на самолетах. Вспоминаю случай, когда в 1979 году отдыхали в Сочи, в санатории МВД «Салют», туда ехали поездом, а когда настало время приобретать билеты на обратный путь, чтобы сэкономить пару дней и заехать к родителям в Семипалатинск, я предложил возвращаться самолетом. Договорились вечером, а ночью сколько бы раз не проснулся –

она не спит. Спрашиваю, «что не спишь, переживаешь, что полетим на самолете?». - «Да», говорит. «Ладно, спи спокойно, поедем поездом». Назавтра пришлось покупать билет на поезд, опять через Москву. Остановились в Москве на два дня в городе Одинцове, где жили наши старые друзья, чтобы дочерям, да и себе купить чего-нибудь «импортного».

На следующий год поехали отдыхать на Кавказ, в Кисловодск, санаторий МВД «Эльбрус», роскошный по архитектуре и удобно расположенный. Говорили, что строили его еще по указанию Лаврентия Павловича Берия. Кто бы не строил, и по чьей инициативе это было, а санаторий очень удобен для отдыхающих. Прекрасные палаты, столовая, кинозал, благоустройство всего комплекса. Огорожена огромная территория с фруктовыми деревьями и кустарниками, все для отдыхающих, бесплатно берите, ешьте, возьмите с собой. Рядом дорога на терренкур и высокогорный ресторан по канатной дороге через ущелье. Однажды мы возвращались из ресторана и только переехали ущелье по канатной дороге, как начался дождь, кавказский, ливневый. Я снял ботинки и рубашку, Рая сняла туфли и мы, взявшись за руки, побежали по асфальту. Вымокли до ниточки. Когда стали подбегать к санаторию, посыпал град, да крупный и долго шел. Земля покрылась на 5-6 сантиметров и сразу стало холодно. Администрация вынуждена была вновь включить отопление. Это было в последних числах мая. На следующий день в городе было наводнение. Осадки начали быстро превращаться в воду и по всем речкам, ручейкам хлынувшая вода затопила подвалы и первые этажи городских зданий, особенно старейший санаторный комплекс имени Семашко, первого наркома здравоохранения России. Я это пишу, как редкий случай, запомнившийся на всю жизнь.

Время шло год за годом. Росла штатная численность областного аппарата, городских и районных отделов. Образовали новые подразделения: дивизион патрульно-постовой службы, дивизион по охране Усть-Каменогорского свинцово-цинкового комбината, спецкомендатуру, содержащую осужденных и привлекающихся к труду.

Росли и качественные показатели состава кадров. Значительно выросло число сотрудников, имеющих высшее специальное образование. Улучшалась и техническая оснащенность подразделений. Все это вместе взятое предоставляло нам возможность удерживать первое и второе места по итоговым показателям по республике в течение семи лет (в период моей работы).

Наступил 1979 год – год моего 55-летия. Это срок службы (возраст службы) полковника в МВД. Учитывая положительную работу, МВД Казахской ССР, за подписью первого заместителя министра, генерала Жданова А.Е. на имя Щелокова направило ходатайство о продлении срока службы полковника Рахимова К.Р. до 1984 года, то есть до 60 лет. Письмо подписано 12 июня 1980 года. Министр внутренних дел СССР Н.А.Щелоков продлил.

В этом же году, 1 июля 1980 года Джексеневу исполнялось 67 лет. В связи с возрастом МВД СССР предложило ему идти на заслуженный отдых.

Однако он уходить на пенсию не хотел, поэтому обратился к Протозанову за поддержкой, чтобы дали ему возможность доработать до 70 лет. Действительно, нет предела человеческим желанием. Главным претендентом на должность начальника УВД он считал Рахимова К., поскольку он состоит в резерве и ему продлили срок службы. Рахимову до этого была дважды предложена должность начальника УВД в двух областях, он не согласился переезжать, значит, он ждет увольнения Джексенева (этой мыслью он поделился с Протозановым). Протозанов А.К., собираясь на очередную сессию Верховного Совета СССР, заказал дорогие сувениры для зятя Брежнева, бездарного генерала, выросшего за четыре года от старшего лейтенанта до генерал-лейтенанта, от дежурного помощника начальника колоний до первого заместителя министра внутренних дел СССР, Чурбанова. И, когда был в Москве, попал к нему на прием. Что они решили, мне не известно. В 1980 году я, будучи на всесоюзном совещании руководящих работников УВД, слышал в докладе начальника управления кадров МВД СССР такую реплику: «Долгожители на Кавказе, долгослужители на Украине, аксакалы в Казахстане», в смысле, что в органах еще много работает престарелых (переросших установленного возраста), где предельный возраст на службе генералом – 60 лет. Далее Джексенев повел себя так, что стал отказываться от возвращения к нам сотрудников, нами же направленных на учебу в академию МВД СССР, это Берсенева М.Т., Кочнева Юрия Павловича, Тусупханова О., Карибаева М., возвращения которых я с трудом отстаивал. Так он отталкивал всех, кто мог бы в ближайшие годы претендовать на должности начальника УВД и его заместителей. Это правда, это могут подтвердить вышеназванные выпускники академии, испытанные все на себе.

Настало время подумывать, есть ли смысл оставаться на этой должности дальше, что я еще могу сделать полезного для органов. Какая лично для меня выгода от того, что останусь здесь работать еще два-три года? Тем более, последние годы мы вроде и насытились положительными показателями, поощрениями и наградами, и не заметили, что стали просматриваться элементы застоя. Ряд служб УВД был укомплектован мало подготовленными людьми, а некоторые вообще взяты из гражданских организаций, не имеющих отношения к службе в органах. Джексенев мне объяснял, что рекомендуют секретари обкома, которым отказать не может. Принял себе заместителем по производству гражданского, совершенно не имеющего представления о правилах содержания мест заключения, его-то не обком рекомендовал, а сам выпросил у Протозанова. Я помню случай с этим Жуковым, работавшим директором Согринской ТЭЦ. Джексенев звонил по «ВЧ» в «Барвиху», санаторий ЦК КПСС под Москвой, где отдыхал Протозанов, и просил взять Жукова В.А., который через полтора года был освобожден и переставлен на должность заместителя начальника УВД по кадрам. И здесь оскандалился, злоупотребляя служебным положением в корыстных целях. Стал вопрос об исключении его из партии и увольнении из органов. Но в партии оставили со строгим выговором, с должности

заместителя начальника УВД освободили и назначили, с понижением, начальником паспортного отдела.

В раздумьях прошел год. На последней встрече с министром я откровенно рассказал о складывающейся обстановке в УВД и подразделениях, о планах съездить на курорт, а по возвращению написать рапорт об уходе на пенсию.

Нам пора уходить. Слишком долго мы с Джексеновым засиделись. Надо, чтобы пришли молодые руководители и двигали дело поэнергичнее. Это было в июне 1981 года. Так и сделал. Ушел на пенсию с 1 августа 1981 года. Благодарен судьбе за все то, что я выше написал.

Действительно, в течение всей жизни человека сопровождают разные учителя. Вначале родители, потом школьные преподаватели. После окончания института появляются наставники молодого специалиста и старшие по работе. Но последним и самым главным учителем человека остается он сам. Он должен воспитывать в себе способность корректировать свой характер: учиться сдержанности, такту, иметь силу воли, преодолевать свои эгоистические желания, временные интересы, чтобы сохранить свое достоинство, честь. Не ждать, например, пока ему напомнят «А не пора ли вам отдохнуть?». Тем более упрашивать высокопоставленных начальников, унижаясь перед ними. Такой хлеб бывает горек и не всегда приятен. Но добровольно в отставку идут смелые, волевые люди, уверенные в себе. От трусливых этого поступка ждать не следует.

В кинотеатре

Получив приказ МВД СССР об увольнении из органов по возрасту и выслуге лет, 2 августа 1981 года зашел к Протозанову А.К., поблагодарил за оказанное мне доверие и поддержку и сказал, что ухожу на пенсию. Он сразу спросил, чем я думаю заниматься. На мой ответ, что буду отдыхать, он продолжил: «Отдыхать рано. В области один широкоформатный кинотеатр, построенный три года назад. Госкомиссия приняла его с серьезными недоделками. Сегодня разваливается декоративный потолок, рушится и падает на голову зрителей. Прими этот кинотеатр и приведи в порядок, у тебя есть где взять рабсилу и необходимый материал».

Пришлось два года отработать директором широкоформатного кинотеатра «Юбилейный». Сделать ремонт, как было сказано, и уйти отдыхать. Работа директора кинотеатра тоже нелегка. Это огромное сооружение, не бывает дня, чтобы не произошло какое-нибудь «ЧП»: то затопит, то закапает, упал напор воды ниже 13 литров в минуту – автоматически отключается киноаппаратура. Отопление, освещение, уборка, много мелких и мельчайших забот, так, что не каждый раз домой придешь вовремя. А еще огромный финансовый план, этот кинотеатр должен дать 50% всего финансового дохода по области. Кассовые фильмы, иностранные, ограничивают партийные органы, нужно демонстрировать советские

фильмы, а на них идет мало зрителей, особенно молодежи. Протозанов уехал в Москву. Я подал заявление и уволился.

Лист учета поощрений Рахимова К.Р. (из личного дела).

Дата	Поощрение	Кем и когда
02.07.1971г.	Почетная грамота МВД СССР	Министр МВД СССР, приказ № 585 от 02.07.1971
13.03.1973г.	Почетная грамота МВД Каз. ССР	Министр МВД Каз. ССР, приказ № 153 от 13.03.1973
11.07.1974г.	Транзисторный приемник ВЭФ-202	Министр МВД Каз. ССР, приказ № 311 от 11.07.1974
29.04.1975г.	Часы наручные	Министр МВД СССР, от 29.04.1975
14.03.1976г.	Фотоаппарат «Зенит-2»	Приказ начальника УВД ВКО от 14.03.1976
15.04.1980г.	Знак «Отличник МВД СССР»	Приказ МВД СССР

Моя учеба в ВУЗах

Когда я увольнялся из армии в запас вооруженных сил, у меня было среднее педагогическое образование, военное училище и два курса высшей пограничной школы. Дело в том, что, как я выше писал, вступительные экзамены сдал, а по конкурсу на очное отделение не прошел, меня зачислили на заочное отделение. На очное я не стремился, потому что была семья, уже двое детей, в Москву их взять - трудно было с жильем, оставлять одних на четыре года в Покровке не хотел. Поэтому меня вполне устраивал заочный вариант. С 1952 по 1956 год я был лишен возможности ездить в Москву, сдавать экзамены и зачеты в связи с тем, что в эти годы службу проходил на Курильских островах. Оттуда для поездки в Москву и обратно требовалось, по тем условиям транспорта (пароход, поезд), три месяца. Меня просто не отпускали, и я тоже не настаивал.

В условиях гражданской жизни необходимо было приобретать гражданскую специальность. Поэтому в 1956 году поступил, заочно, на исторический факультет КазГУ, ныне – Казахский национальный университет имени Аль-Фараби. Окончил его в 1962 году, на «отлично» защитил диплом. Мне предложено было остаться в аспирантуре, учиться. Не согласился, потому что нужно было содержать семью, работал я уже секретарем Курчумского райкома партии, и такое решение принимать надо было с согласия обкома партии.

Студенты все одинаково переживают, готовясь к экзаменам, независимо от возраста, двадцать лет или тридцать, стараются лучше сдать. В связи с этим вспоминаю два случая.

Первый – когда сдавал экзамен по новейшей истории. В билете был вопрос «Роль советской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны». Ответ я начал с рассказа о том, как инженерно-техническая интеллигенция в первые дни войны под огнем противника демонтировала оборонные и стратегические объекты, чтобы эвакуировать с западных районов страны на восток, и за короткое время их восстанавливали на Урале, в Сибири и Казахстане. Работая круглые сутки под открытым небом, осенью и зимой за короткий срок налаживали выпуск оружия и боеприпасов, танков и самолетов. Обеспечивали бесперебойную работу железнодорожного транспорта для обеспечения фронта всем необходимым. Творческая интеллигенция: писатели, поэты, драматурги, кинооператоры были на передовой наравне с автоматчиками, артиллеристами; снимали документальные фильмы, писали о подвигах советских воинов повести, рассказы, песни, сочиняли музыку. Илью Эренбурга, Александра Твардовского мы читали на отдыхе и в походах... Она перебивает меня: «Вы что, Курмат, на фронте были? Такой молодой!». Она, примерно, в моих годах, доцент Руфина Ивановна: «Хорошо, хорошо». «Да на фронте хорошего мало», - сказал я. «Нет, Вы очень хорошо рассказали, я Вам ставлю пять». «Спасибо, но я на меньшее и не рассчитывал». На ее вопрос, кем работаю, ответил: «Бородатым студентом, а если кроме шуток – секретарем

райкома партии». Она пожелала мне успехов в учебе и работе. Этот приятный диалог с доцентом КазГУ Руфиной Ивановной мне запомнился.

В университете был такой старей-престарый профессор Серовайский Лев Давыдович, преподавал историю средних веков. Пришли мы к нему сдавать экзамен. Выходит, тоже как я, взрослый студент, в руках билет – он забыл оставить. Билет отдает мне и говорит, чтобы я зашел человек через пять. Я подумал, дайка испытаю. Взял и стал штудировать эти вопросы. Зашел, взял билет, но назвал номер билета, который мне передали. Уверен, что «пятерка» или, в крайнем случае, «четверка» мне обеспечена. Вопрос запомнил – Гусинские войны, еще два вопроса уже не помню. На все вопросы четко ответил. Он сидел, молчал, а я думаю, что же он молчит? Оказывается, он о чем-то задумался и меня не слушал: «Так, какой у вас вопрос?» - спрашивает. Я ему прочитал все три вопроса, а он, поскольку не слушал мои ответы, видимо, думал, «что же ему поставить?». И стал задавать вопрос за вопросом. В конце говорит: «Я Вам поставлю «три»». - «Да что Вы, Лев Давыдович?» - «Нет-нет, Вы ответили только на «тройку»». Так у меня в дипломе осталась одна тройка. Пересдавать не стал. И случай запомнился.

О друзьях и товарищах, не упомянутых выше

Ахмадиев Ахмет, 1925 года рождения, участник Великой Отечественной войны. Крупный организатор сельскохозяйственного производства. Много лет работал председателем колхоза в Самарском районе, директором Калгутинского совхоза в Курчумском районе. Заурядный преферансист. Много раз проигрывал. Дружная, гостеприимная семья. Ныне здравствует.

Байбатчин Аубакир, 1914 года рождения. Участник Великой Отечественной войны. Много лет работал в партийных и советских органах, в том числе председателем Курчумского райисполкома. Открытый, доступный, доброжелательный человек. Вместе с супругой вырастили хороших сыновей. Ныне здравствует. Сегодня ему девяносто четвертый год.

Жданов Агей Евгеньевич, генерал, заместитель министра внутренних дел Казахской ССР. Открытый, честный, человечный руководитель. Ранее работал заведующим отделом административных органов ЦК КП Казахстана. Я привожу здесь две фотографии, которые снял в 1971 году в санатории «Рахмановские ключи». Когда мы с женой отдыхали там, туда же приехали жена и дочь Жданова А.Е. Мы с ними провели вместе две недели, я их фотографировал и еще подарил им эти снимки свои – Рахмановское озеро, куда впадает минеральная вода Рахмановских минеральных ключей. Когда они вернулись домой, в Алма-Ату, Агей Евгеньевич позвонил мне и просил сделать еще пару снимков, что и послужило дальнейшему нашему с ним тесному общению. Через год, в 1972 году, мы оказались с женами вместе в санатории «Эльбрус», в Кисловодске, отдыхали там 20 дней.

Мамбетказиев Хамид Альхаирович, 1920 года рождения, полковник в отставке. Участник Великой Отечественной войны с первого и до последнего дня. Окончил войну в должности помощника начальника политотдела дивизии по работе с молодежью. Последние годы работал начальником управления кадров МВД Каз.ССР. Добрый, бескорыстный человек. Мы вместе побывали во многих городах Советского Союза на сборах, всесоюзных совещаниях и других мероприятиях. В мае-июне вместе отдыхали в санатории «Казахстан».

Садуакасов Макеш, еще школьный товарищ. Вырос доброжелательным, покладистым, влюбленным в свою малую родину – Тугускен (Сарыюлен), родился там, прожил всю жизнь. Ныне покойник. Пусть земля ему будет пухом.

Толыкбаев Тохтаргали, одноклассник, дружили и взрослыми. Преданный дружбе человек. В детстве я издевался над ним, он все терпел, не выходил из себя. Пусть Аллах возблагодарит твой прах.

Рахмановское озеро, 1971 г.

Снимки автора

В Управлении хлебопродуктов

Июль 1985 года, только что приехали с женой из подмосковного санатория МВД, находящегося у Звенигорода. Это старейший город, ровесник Москвы, там сохранился и еще работал храм, построенный еще в 1380 году. Город небольшой, но очень интересный, расположен на берегу Москвы-реки, выше Москвы по течению. От Белорусского вокзала электричка идет около 30 минут. Место очень красивое, в лесу. Недалеко, через лесной массив по тропе, тоже в лесу, санаторий Министерства обороны.

Дома нам сказали, что звонили из обкома партии, просили по приезду позвонить секретарю обкома по сельскому хозяйству Даукееву Зарыпхану. Позвонил Даукееву, он просил зайти. Он предложил мне должность начальника отдела в объединении «Облсельхозтехника». Этот отдел, как я понял, составляет заявки на дефицитные запасные части и резинотехнические изделия для автотранспорта и сельхозмашин. Даукеев объяснил, что поступающие, согласно заявкам, изделия растаскивают, а заказавшим хозяйствам они не достаются. Особенно колеса для легкового автомобиля, сенопресса и другие. Нужен там человек с твердым характером, могущий обеспечить сохранность этих изделий, чтобы они попадали только заказчикам. Договорились, что мы с женой съездим к ее родственникам, проживающим в Сарканде и Алмате, вернемся через месяц, и я приступлю к работе к концу августа.

Когда мы вернулись через месяц – все изменилось. Дело в том, что Асылбаева Хабдулла Арабаевича, ранее работавшего начальником областного Управления хлебопродуктов, проводили на пенсию. Он пожелал остаться работать в должности начальника отдела охраны труда и техники безопасности, который объединял и ГО, и противопожарную службу в этом Управлении. А вновь назначенный начальником Управления хлебопродуктов Николай Александрович Рыбаков, ранее работавший заместителем заведующего сельхозотделом обкома партии по перерабатывающей промышленности, инженер-технолог, не согласился, чтобы в аппарате остался Асылбаев. Тогда Асылбаеву предложили должность, предназначенную для меня, в сельхозтехнике. А Рыбаков Н.А. просил меня на ту должность в Управление хлебопродуктов. Таким образом, мы с Хабдуллой Арабаевичем тихо, мирно поменялись должностями. Так я попал в аппарат областного Управления хлебопродуктов.

Начальник Управления хлебопродуктов Рыбаков Н.А. меня хорошо принял, и мы быстро нашли общий язык. Вообще мы и раньше знали друг друга, он и тогда, работая в обкоме партии, относился ко мне с большим уважением. Главным инженером работал Аллахвердиев Адалат Махмутович, азербайджанец, 1951 года рождения, уроженец деревни Аккухлы Идживанского района Армянской ССР. Молодой инженер, выпускник Бакинского политехнического института. Оба руководителя хорошо знали уровень моей осведомленности в вопросах технологии переработки и

хранения зернопродуктов. Поэтому меня по очереди брали с собой в командировки по предприятиям Управления хлебопродуктов. Рыбаков Н.А. предложил поехать с ним в Самарский, Курчумский, Маркакольский, Зайсанский, Тарбагатайский районы. В каждом из этих районов имелись предприятия отрасли. Начали с Самарского района, где было два хлебоприемных предприятия. Детально расспрашивая директора предприятия о состоянии работы технологического оборудования, он старался и меня ввести в курс дела: об особенностях работы противовзрывного, обеспыливающего, синхронно включающего, транспортирующего и вентиляционного процессов. Ходили по подземным галереям, зерноскладам, зерносушилкам, а в Приозерном тщательно проверили комбикормовый завод, самый взрывоопасный объект.

С Адалатом Махмутовичем поехали на Зырянский элеватор, детально проверяли все объекты элеватора, и так по многим другим предприятиям. Я понимал, что они меня натаскивают, учат работать на этих объектах, поэтому старался быстрее устранить пробелы в моих знаниях, освоиться на новой работе.

Прошло время, я стал уже подготовленным специалистом. Меня, как проверяющего, принимали директора предприятий и главные инженеры, технологи и другие специалисты, исполняли мои предписания.

Осенью 1986 года сидим, разговариваем по работе у Аллахвердиева. Вдруг он задает вопрос: «Как Вы думаете, стоит ли уйти с этой работы на должность директора Шемонаихинского комбината хлебопродуктов?». Я подумал, что это же наша житница, шестнадцать процентов зерна и подсолнечника по области заготавливает этот комбинат, имеет в своем составе элеватор, комбикормовый завод с новейшими технологиями того времени, и посоветовал, что стоит, надо согласиться. «Это самостоятельная работа. Оттуда расти будешь». Директором Шемонаихинского комбината он отработал больше двух лет, добился хороших производственных показателей, коллективу понравился. Его стало поддерживать и руководство района.

А в Управлении хлебопродуктов главным инженером стал Нестеров Борис Георгиевич, «выросший» вместе с Усть-Каменогорским комбинатом хлебопродуктов от слесаря до главного инженера комбината, человек большой практики.

Наступил Горбачевский период, казалось, не очень понятный, а, иногда, противоречивый по своей сути. Партия теряла свое влияние, Съезд Советов требовал отмены шестого пункта Конституции «О руководящей роли КПСС». Отошли порядки, когда рекомендовали, а потом утверждали руководящие кадры в партийных органах. Наступило время, когда коллективы промышленных, сельскохозяйственных и иных предприятий стали руководителей избирать, притом на альтернативной основе.

Пришел черед и до Управления хлебопродуктов. Вместо ушедшего на должность инструктора ЦК КПСС Рыбакова Николая Александровича Министерство хлебопродуктов Казахстана рекомендовало на эту должность

бывшего начальника Управления хлебопродуктов упраздненной Тургайской области. Привез его сюда заместитель министра хлебопродуктов, он же, пользуясь своей властью, вызывал директоров предприятий системы хлебопродуктов и требовал, чтобы они обеспечили стопроцентное голосование за этого кандидата.

Наши коллективы выдвинули Аллахвердиева А.М., и, несмотря на требования заместителя министра и жесткий контроль в процессе голосования, большинство участвовавших на выборах отдали свои голоса Аллахвердиеву А.М., он выиграл и стал начальником областного Управления хлебопродуктов. И министерству, и обкому партии пришлось согласиться с результатами голосования.

В дальнейшем жизнь показала, что выбор был сделан правильно. Аллахвердиев вместе с Нестеровым внесли много нового, передового в вопросы улучшения техники и технологии переработки и хранения зернопродуктов. На Усть-Каменогорском комбинате хлебопродуктов установили новое оборудование на мукомольном заводе, значительно улучшающее качество муки; автоматическая предварительная очистка зерна избавила от попадания всевозможных примесей. Построили комбикормовые мини-заводы в селах Катон-Карагае, Приозерном Тарбагатайского района. В 1990 году оборудовали мельницу в селе Куйган Курчумского района, мощностью двадцать тонн муки в сутки, двух сортов. В 1993 году такую же мельницу оборудовали в селе Приозерном. Эти отдаленные районы были освобождены от «досрочных» завозов муки из Усть-Каменогорска, за 400-500 километров, особенно в период бездорожья, ледостава, через Бухтарминское море. Теперь на местах зерно всегда было и население этих районов обеспечивалось высококачественной мукой первого и второго сортов. Такого раньше не было, об этом и не мечтали. Это ли не заслуга руководства Управления хлебопродуктов.

Подшло время бешеной приватизации, иначе не назовешь, распались колхозы, совхозы, растащили все, что могли утащить: скотопоголовье, технику, другие материальные ценности, принадлежавшие этим хозяйствам. Никто не стал ни сеять, ни пахать. Исчезло с прилавков магазинов все, не стало ни мясных, ни молочных продуктов, поставляемых совхозами. «Засохли» мясо-молочные предприятия. Не стало местных овощей и фруктов, местные не выращивали, импортных еще не завозили. Почти начинался голод. Население питалось, в основном, хлебом из остатков муки и зерна.

В добрые времена все заводы производили 60 тонн хлебо-булочных изделий в сутки, его хватало, даже кое-что отгружали в сельские районы. Когда же продукты с прилавков магазинов исчезли, население стало питаться, в основном, хлебом, хлебопродуктами. Мощность хлебозаводов подняли до 100 тонн в сутки, и этого было мало. В город завозили хлеб из периферийных хлебозаводов, увеличив им планы выпечки. Это все приходилось организовывать Аллахвердиеву, как первому руководителю отрасли и его главному инженеру Нестерову. Это был период больших

трудностей. С одной стороны, обеспечить население хлебом, с другой, нужно экономить зерно и фураж, чтобы его хватило до нового урожая, если он будет. Запомнился случай. Я зашел к Аллахвердиеву в кабинет, и у него сидел аким Самарского района Кожамбетов, он просил сто тонн муки в долг. Но у районного хлебозавода была огромная задолженность за полученные ранее муку, крупу и другие продукты. Аллахвердиев требует рассчитаться сначала за ту муку, которую уже получали, а то ведь «муку в кредит отдаем, деньги нам не поступают и зерно нам закупать не на что, комбинат остановится». А тот, как большевики в годы гражданской войны: «Не уйду из Вашего кабинета, пока не дадите муки. Население района голодает, как мне в район показаться?». С такими просьбами обращались акимы Маркакольского района Бердыбек Слямов, Тарбагатайского района Тусупхан Тусупбеков и другие.

В такой тяжелой обстановке Адалат Махматович сумел правильно распорядиться хлебными ресурсами области и мы вышли без особых чрезвычайных мер и происшествий. Руководство области и население правильно оценили его труд, его заслуги, и в 1989 году избрали депутатом областного Совета по Левобережному избирательному округу.

А в ноябре 1993 года на дополнительных выборах, вместо ушедшего, был избран депутатом Верховного Совета Казахской ССР по Аблакетскому избирательному округу. Будучи депутатом Верховного Совета Казахской ССР он проводил большую работу в интересах нашей области, хотя этот Верховный Совет впоследствии был досрочно распущен, не доработав свой конституционный срок.

В те дни я слышал жалобы населения на невысокое качество хлеба. Пекари ссылались на мельников, что «муку такую дают», а мельники – на совхозы, что «зерно поступает некачественное», а крестьяне ссылались на «жаркое солнце и низкую влажность, что плохо формируется у пшеницы клейковина». А до неба высоко, до бога – далеко. Дальше не на кого жаловаться.

Все дело в том, что в стране по расчетам не хватало зерна (хлебного) до нового урожая. Поэтому каждую неделю из Министерства хлебопродуктов присылали новый рецепт – новое указание, как обдирать и сколько обдирать эту бедную пшеницу и сколько оставлять в ядрице. Сколько добавлять той примеси, которая не улучшает вкусовые качества хлеба. А как объяснить все это населению?

В такой обстановке руководство Управления хлебопродуктов сделало правильный расчет расхода хлебопродуктов, и население городов и рабочих поселков, где были государственные хлебозаводы, питалось нормально. Труднейшее положение сложилось в сельских районах: Тарбагатайском, Зайсанском, Маркакольском. Они своего хлебного зерна не сохранили, на мельницах, построенных в этих районах, молоть было нечего. В этих районах, если сказать правду, люди жили без хлеба. Поэтому акимы районов обращались с просьбой к Аллахвердиеву. Аллахвердиева активно поддерживали директор Шемонаихинского комбината хлебопродуктов

Федоров Валентин Иванович, директор Зырянского элеватора Босяков Владимир Александрович, директор Таврического элеватора Раев Владимир Владимирович, начальник мукомольного завода Иванов, начальник комбикормового завода Токмин, директор Предгорненского элеватора Цыбенюк Ананий Евгеньевич. Эти руководители в самое трудное время для населения нашей области честно, добросовестно трудились, чтобы обеспечить мукой, крупами, а хлебозаводы, которые были переданы в Управление хлебопродуктов, сверх всех норм, установленных по выпечке хлеба, загружали его в полтора-два раза выше предусмотренной мощности.

Я благодарен им всем за совместную работу в течение десяти лет, за искреннюю, бескорыстную дружбу. Желаю всем вам, дорогие мои, доброго здоровья, долгих лет жизни, успехов и процветания в ваших делах.

Прошло время, настал срок проведения выборов в местные Советы, 1994 год. Аллахвердиеву предложили выдвигаться из Курчумского избирательного округа по выборам в областной Совет. Надо ехать, выдвигаться кандидатом в депутаты. Составили свою платформу, и втроем, Аллахвердиев, Егишев Ю.С. и я поехали в Курчумский район. Выдвигать должны были коллективы совхоза XXII партсъезда КПСС, поселка Раздольное и Калгутинского совхоза. Что мы можем обещать моим землякам? Я предложил установить (оборудовать) мукомольный мини завод мощностью 20 тонн в сутки муки первого и второго сортов. Так и решили, и на встречах с избирателями мы сказали об этом. Это была, в то время, большая радость. Зерно в районе всегда есть и за мукой никуда ездить не надо. Нас поддержали избиратели и руководители хозяйств и района. Будучи избранным, депутат Аллахвердиев уже в 1995 году сумел запустить мельницу на базе Куйганского хлебоприемного предприятия, о чем я выше писал.

Все годы работы у нас с Аллахвердиевым были откровенные, доверительные отношения. По многим вопросам советовались, наши совместные решения всегда были удачными и результативными. Несмотря на большую разницу в возрасте, мы подружились, и эта дружба продолжается и сегодня. Мы всегда готовы помочь друг другу, если кто-то из нас нуждается в помощи.

В личной жизни Адалата были и тяжелые дни. После тяжелой болезни умерла жена, оставив двух маленьких детей: дочери Юлии было около четырех лет, а сыну Рустему полтора года. В эти дни мы старались поддержать его. Судьбе нужно было, чтобы он встретил молодую студентку Лену, видимо, на счастье этих двух малышек. Лена заменила им родную маму, вырастила их, как родных. Эти дети уже выросли, стали самостоятельными людьми, окончили престижные ВУЗы в Америке, получили хорошие специальности.

Всевышний одарил Адалата такими необходимыми качествами характера, как доброжелательность, милосердие, готовность поддержать слабых, помочь нуждающимся. Я помню, на заре обретения независимости Казахстаном, люди потянулись к религии. А учить основы ислама неоткуда,

не было никакой литературы. Тогда он вложил значительную сумму на издание брошюры «Мухаммед Саллаллаху-Галаихи уассалам», написанную журналистом Капаном Сапаргалиевым в 1992 году. Потом мы закупили, по договорной цене, двести экземпляров и по десять экземпляров направили всем нашим предприятиям для изучающих ислам.

Адалат внес крупную сумму на восстановление мечети в Усть-Каменогорске, и он одним из первых в нашей области совершил хадж в Мекку. Адалат-кажи сегодня преуспевающий предприниматель.

Люди добрыми рождаются, это многократно подтвердили многие ученые, мыслители с мировым именем. Я же убеждаюсь на своем жизненном опыте. Однажды поехал в командировку в Шемонаихинский район проверять комбинат хлебопродуктов. Проверил, составил нормальную справку. Особых нарушений по вопросу техники безопасности и охраны труда не было. Собрался уезжать, заходит ко мне директор комбината Федоров Валентин Иванович и предлагает мне оплатить деньги за два мешка муки высшего сорта, мешок – 70 килограммов, двадцать два рубля, первого сорта – тоже 70 килограммов, около 17 рублей. А в чем дело, спрашиваю у Валентина Ивановича. Он объясняет, что на складе комбината был остаток ранее завезенной муки из Джамбульского мукомольного завода, очень хорошая мука. Этот остаток распродали своим работникам по той, завезенной цене, теперь такая мука нам поступать не будет, если поступит, то будет в три-четыре раза дороже. И вообще, обстановка складывается такая, что с хлебом будет трудно. «Я вам завезу на днях». Я никогда ничего у этого человека не просил. Этот хозяйственник сумел раньше меня разглядеть будущие или уже наступающие трудности. Ему, видимо, подсказала его врожденная доброта, доброжелательность. Я послушался, оплатил, а он через пару дней завез обещанное.

Таким же добрым, отзывчивым был и Босьяков Владимир Александрович. Он внимательно относился ко всем сотрудникам, знал, кто в чем нуждается, и сам предлагал помощь, не дожидаясь просьб и обращений.

В городе Зырянске почти обанкротилась вторая автобаза (грузовая). Он решил взять ее к себе, в состав Зырянского элеватора. Очистил от лишних транспортных единиц и сократил численность работающих, а работоспособный транспорт и людей загрузил работой. Автобаза оживила. Он же поддержал распавшийся совхоз Чапаевский. Сейчас Зырянский элеватор стал огромным процветающим хозяйством.

Старейший работник системы хлебопродуктов Серик Балтабаевич Тойбазаров продолжительное время был руководителем одного из старейших предприятий области – Защитинского элеватора. А в трудные годы не только сохранил предприятие, а сумел сделать одним из лучших предприятий в системе хлебопродуктов.

Доброе слово о Борисе Георгиевиче Нестерове. Как иногда у нас выражаются, «специалист от бога», инженер-технолог по хранению и переработке зернопродуктов, инженер-универсал. Вся его трудовая деятельность после срочной службы в армии прошла на Усть-Каменогорском

комбинате хлебопродуктов. Он слушал и определял, как работает пульс механизмов, оборудование комбината. За десять лет моей работы не было ни одного серьезного случая аварии на предприятиях. Строго соблюдал режимы плановой декадной остановки заводов, профилактики, обеспечивающей бесперебойную их работу. Активно участвовал и лично проводил занятия со специалистами отрасли, возглавлял аттестационную комиссию.

Я проработал в этом дружном коллективе десять лет, и расстался с ним, когда мне было уже семьдесят лет. Меня хорошо проводили, и каждые последующие годы приглашали на все праздники. Они не забывают меня и сегодня.

Выше я говорил, что где бы я не работал, всегда моими начальниками были хорошие люди, честные, внимательные, заботливые, доброжелательные, открытые. Первым их них я называл майора Нуруллина, потом подполковника Михайлова Владимира Федоровича, полковника Черноусова, первого секретаря Курчумского райкома партии Василия Андреевича Белика, Николая Федоровича Кузьмина, с которым мы дружили семьями. Джексенев З.Д. тоже неплохой человек. Удалось же столь длительное время находить общий язык, работать вместе и добиваться хороших показателей. Хотя я кое-где и написал о нелестных случаях в его жизни и о его общениях со своими сослуживцами. Что же, каждый человек живет, стремясь к чему-то, чего-то добиваясь, а добившись – не хочет с этим расстаться. Это вполне естественно. Только бы поправку в этом сделать – честное стремление, без мутноватых моментов, без ущемления себе подобных. Было бы все правильно.

Судьба в моем понимании

Мое поколение воспитано фанатиками. Октябрята, пионеры, комсомол.... В наше сознание вбивали, что бога нет, есть партия. А мы – ее резерв. В детстве мы не задумывались над тем, что в мире – преходяще, а что – постоянное, вечное. Слышали от старших, что у каждого человека есть судьба. Что от судьбы – не уйдешь. А дальше не утруждали себя думать о судьбе.

Теперь, достигнув почтенного возраста, стал задумываться – да, от судьбы человека зависит многое. Но она не сопровождает человека всю жизнь, ограждая от всех бед и неудач. Поэтому человек должен сам активно трудиться, чтобы судьба решалась в его пользу.

Мы ссылаемся на судьбу, когда одерживаем победу, успехи, радостные события в жизни. На эту же судьбу, с обидой уже, указываем, когда терпим поражения, неудачи, неуспех.

Судьба на казахском языке – бұйрық, тағдыр, бұйрса. «Құдай бұйрса» - с оговоркой обещаем что-то исполнить: построить дом, вспахать усадьбу или совершить хадж в Мекку - «Құдай бұйрса» (если судьба позволит, если судьбе нужно будет). На казахском языке говорили: «Құдай сақтансаң сақтайды» то же, что «Береженого бог бережет». Эти афоризмы на всех языках мира подтверждают необходимость участия самого человека в формировании своей судьбы. Если ты не сумел опередить вооруженного врага, он может тебя поразить. Если ты не отбежал своевременно от наступающего цунами – волна унесет тебя в море. Если молодой человек не выучился, не приобрел хорошую специальность, не устроился на работу – ему очень трудно будет организовать свою жизнь. В таком случае от судьбы не стоит ожидать того, что сам не сделал.

Моя судьба, мое будущее строились с моим активным участием. Я трудился над тем, чтобы сделать поправки в лучшую сторону от того, что предполагалось мне судьбой. Надо было изучать военную, специальную науки для успешной работы – изучал постоянно и настойчиво. Где бы ни приходилось работать, изучал особенности работы, старался сделать лучше, чем было раньше. Старался избегать необоснованных, авантюрных решений, сомнительных рисков.

Так прошла моя жизнь, более или менее ровно, без особых контрастов и скачков. Работал, рос по службе, не претендовал на особую поддержку со стороны. Не было у меня «сильной руки». Но достигнутым – доволен.

Большое влияние в моей судьбе оказала моя жена – Раиса Абдулловна. От нее я получил много того, «домашнего», чего не могли дать мои родители. Это в смысле соблюдения мусульманского этикета, личного поведения, а также поведения в обществе. Она научила меня сдержанности, такту, чувству меры, внешней опрятности, постоянной подтянутости. Пятьдесят восемь лет и двадцать три дня счастливой, радостной жизни прожили вместе. Она помогла мне достичь того, чего мы достигли. У нас не было ни одного серьезного спора за все прожитые годы. Все домашнее

хозяйство, забота о детях, обо мне – все было на ее плечах. Я знал работу, всегда ненормированную и учебу. Домой приносил зарплату, отдавал ей. Ей некогда было работать: сначала мы жили на границе, негде работать, потом дети появились, няни нет, бабушка далеко от нас. Жили скромно, на одну зарплату. У нее не было золота или других драгоценностей, а также роскошных нарядов. Мы были довольны тем, что у нас есть. Первую и, практически, единственную золотую вещь – золотые часы с браслетом, мы купили ей в 1954 году, когда ей было двадцать пять лет. Но мы своей судьбой довольны. Очень сожалею, что не уберег, не сумел избавить от той болезни, которая унесла ее. Двадцать лет ездили по лучшим курортам Советского Союза, обращались к высоким светилам медицинской науки Москвы и Ленинграда – не могли спасти. Тоже судьба, видно, определила ей, сколько жить и когда уйти. Этот момент судьбы не смогли повернуть в нашу пользу, хотя трудов и стараний вложили немало. Значит, не все преодолимо. Вот такая она, судьба.

Раиса Абдулловна достойна посвящения ей большого интересного романа или поэмы, создания хорошей музыки в ее память. Судьба не одарила меня таким талантом, да и память уже слабая, трудно стало работать творчески. Поэтому ограничусь тем, что смог изложить о ней в этой книге. Прости, родная! Ты не забыта.

Менің сүйікті заибыма

Еске алу

Райсә Абдуллақызына

Жасымда таңдап едім талай қыздың арасынан,
Жетісудың ауылы мен қаласынан.
Сен ғана едің сондағы ұнатқаным,
Өзің де, сөзің де, мінезің де маған жаққан.

Қыз едің ойың таза, бойың жеткен,
Талай жігіт – алсам деп – үміт еткен.
Көптің бірі мен едім сол кездегі,
Сөзіме саған айтқан жауап күткен.

Айттың ғой жауабыңды «Құрмат саған ердім», - дедің,
Тағдырды басқа түскен көрдім дедің.
Қол ұстасып жүрейік тіршілікте,
Тлегінді маған қойған бердім дедің.

Қосылдық, қол ұстасып жүрдік бірге,
Бұзбадық сертімізді екеуміз де.
Арада елу сегіз жыл өтіпті,
Қайғылы күн – дүниеден сен өткенде.

Жылда бір той болушы еді апрельдің сегізінде,
Тіркелген күн – семья болып Тараздың Загсінде.
Тірі болсан, Райсә, осы күні,
Елу тоғыз жыл бүгін болушы еді.

Еске алуға Сені бүгін жиналдык біз,
Ас беріп, құран оқып өткізбекпіз.
Жарық болсын деп сенің жатқан жерің,
Бір Алладан жалынып тіледік біз.

Аз тұрдық деп тағдырға өкінбейміз,
Кімнен кем, кімнен артық не демекпіз.
58 жыл 23 күн бірге өткіздік,
Астық қой Пайғамбардың жасынан біз.

Той болатын еді ғой тірі болсаң,
Үйіңе тамыр, таныс қонақ толған.
Өмірді бірге өткізген сүйген жарым,
Жеткізбеді бізді оған шіркін жалған.

Жете алмай, қалған менің бір арманым,
Сені ертіп бұрынғыдай жүре алмадым.
Кем болып екі аяғың варикоздан,
Он жылдай сен де үйден шыға алмадың.

«Қош бол» деп басымды идім аяғыңа,
Кешіре гөр қатты айтқан сөзімді баяғыда.
Жайлы болсын жан–жарым жатқан жерің,
Тілейтінім Алладан осы ғана.

Сәуір, 2006 ж.

Аралда

Өмір өтті, жағдай да неше түрлі,
Ауырлық пен жеңілдік кезек жүрді.
Біз бармаған Союзда жер қалмады,
Шыдадық қой бәріне әйтеуірі.

Курилға барғамыз жоқ, жай қыдырып,
Шекараны күзеттік сонда жүріп.
Үкіметтің орындап тапсырғанын,
Аман–есен келдік қой елге оралып.

Парамушир, Симушир, Онекотан аралдары,
Шайылған цунамимен осылары.
Көзбен көріп бәріне куә болдық,
Қала суға кеткенде аман қалып.

Жер сілкініп, су қаптап, теңіз тасып,
Жақын тұрған жанартау отын шашып.
Отты бұлақ ағызды аулымызға,
Өртенбей жұрт құтылды одан қашып.

Қайт – дедім сені елге қайтарайын,
Қауіпті апаттардан сақтанайық.
Жетелеп балаларды ауылға бар,
Аралда жалғыз ғана мен қалайын.

Қайтпадың, көндім дедің тағдырыма,
Сені тастап кетпейміз бұл аралда.
Не көрсек бірге жүріп көрейік те,
Алланың бұйрығына амал бар ма.

Маусым, 2005 ж.

Ұмытпаймыз біз Сені

Жолға шығар алдында,
Басыңа сенің бардым ғой.
Ұзақ сапар болған соң,
Аят оқып алдым ғой.

Балаларың менімен
Бірге барған басыңа.
Әдемі гүлдің бір шоғын
Апарып қойдық қасыңа.

Риза болсын аруағың,
Ұмытпаймыз біз сені.
Қанша уақыт өтсе де,
Келіп жүреміз енді.
Жайлы жатшы орнында,
Тілегіміз сол енді.

Маусым, 2005 ж.

Түсімде

Түсіме кірдің сен бүгін,
Қарасам – сенің жас күнің.
Құшақтап сүйдім мен сені,
Сапарға шықпақ екенмін.

Көңілді болып қалып ем,
Жаныңнан жаңа тұрғандай.
Оянып кетсем, түсім екен,
Тіршілік болмай шіркін–ай.

2006 ж.

Сағындым Сені

Сағындым Сенің өзіңді,
Мойылдай екі көзіңді.
Жібектей жұмсақ шашыңды,
Қиылған екі қасыңды.

Сағындым Сенің өзіңді,

Әдеппен айтқан сөзіңді.
Жүрісіңді сағындым,
Жетелеп сені жүргенде.

Сағындым Сенің даусыңды,
Сағындым Сенің күлкіңді.
Көз алдымнан кетпейді
Күлімсіреп тұрғаның.

Көз алдымда тұрады
Іскер екі қолдарың.
Кесте тоқып, іс тіксең,
Тігісі «күліп» тұратын.
Сағындым Сені, сағындым!

Маусым, 2008 ж.

Райсәға

Жыл өтті, жылдар өтті заманында,
Өзіміз де егде тартып қалғамыз да.
Ем іздеп саған ғана керек болған,
Союзда талай жерге барғамыз да.

Ем іздеп араладық Совет елін,
Орыс пен Украина, Кавказ жерін.
Курорттар: Сочи, Кисловодск, Подмосковье,
Және де Хмельник, Белокуриха дегендерін.

Науқастың бірталайын жеңдік қой біз,
Емделіп курорттарда бірге екеуміз.
Амал не, ем табылмады аяғыңа,
Анық–ақ тағдырыңа келіпті кез.

Ризамын мен саған алған жарым,
Күттің ғой туыстардың келген бәрін,
Сені де бәрі сыйлап, бәрі мақтап,
Айтып жатты барлығы алғыстарын.

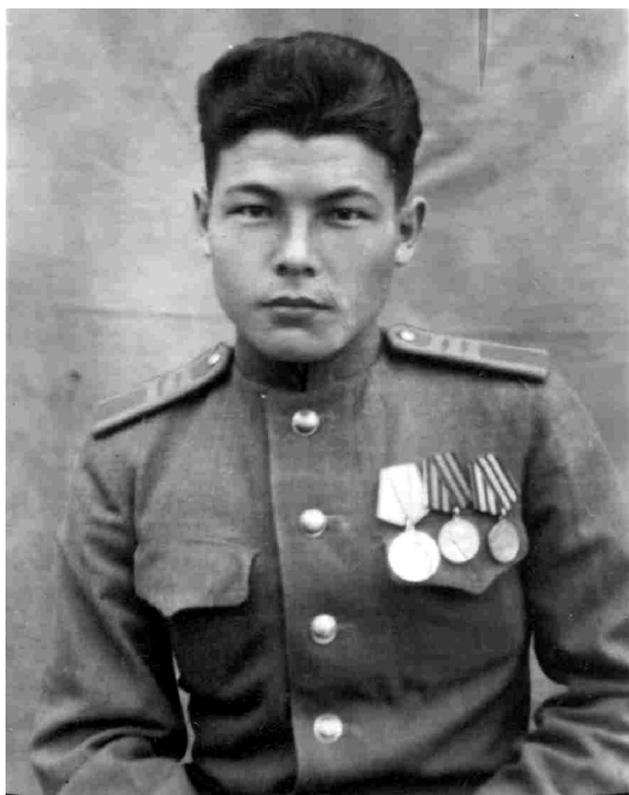
Мамыр, 2008 ж.

Призывники. 2 августа 1942 г., справа в первом ряду сопровождающий – сержант Мухортов, во втором ряду Михаил Голованов и Курмат Рахимов, село Курчум

Перед отправкой на фронт,
Москва, декабрь 1943 год

Курсант Каменец-Подольского
военного училища, 1946 год

Курсанты военного училища, 1946 год

Слева направо семьи: Парыгины, Рахимовы, Михайловы, Тусумхановы, Лепсинск, 1948 год

Выпускник военного училища, 1948 год

На заставе Чет-Ласты, 1951 год, Зайсанский 50-й погранотряд

Августовская учительская конференция, с. Курчум, 1958 год

ҚАРЛЫҚ ЕЛЕРДІҢ ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БІРІГІҢДЕР!
ПРОЛÉТАРИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ҚАЗАҚ С С Р
ЖОҒАРҒЫ СОВЕТІ

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ
КАЗАХСКОЙ СС

ГРАМОТА

Қуран Рашимов — жоғда

Сіздің мінсіз атқарған қызметіңіз үшін және әскери, саяси дайындықта ерекше табыстарға жеткеніңіз үшін, ССРО Қауыпсыздық министрлігінің, шекаралық әскерлерінің құрылуына 30 жыл толуға байланысты, Қазақ ССР Жоғарғы Советінің Президиумы 1951 жылғы 14 февральдағы Указы бойынша сізге **1-дәрежелі Отандық соғыс ордені**мен наградтады.

Қазақ ССР Жоғарғы Советі Президиумының Председатели
Президиумының Президиумна Верховного Совета Казахской ССР
Қазақ ССР Жоғарғы Советі Президиумының Секретары үшін
За Секретаря Президиума Верховного Совета Казахской ССР

ГРАМОТА

Товарищ Рашимов
Қуран Рашимов

В связи с 30-летием со дня образования пограничных войск Министерства государственной безопасности СССР, за безупречную службу и высокие показатели в боевой и политической подготовке Президиум Верховного Совета Казахской ССР Указом от 14 февраля 1951 года награждает Вас настоящей грамотой.

Қуран Рашимов
Президиумының Секретары үшін

В гостях у Джексенева, слева Джексенев З.Д., справа Бурков В.П.

В кабинете, УВД, 1979 год

На стрельбище. Инспекторская комиссия МВД Каз.ССР

Строевой смотр у здания УВД, г.Усть-Каменогорск

Участники областного сбора политработников УВД ВКО. г.Усть-Каменогорск, 1970 г.

В клубе УВД, слева Изачик А.И, Протозанов А.К., Джексенев З.Д.

После парада. Площадь Ленина, г. Усть-Каменогорск, 1978 г.

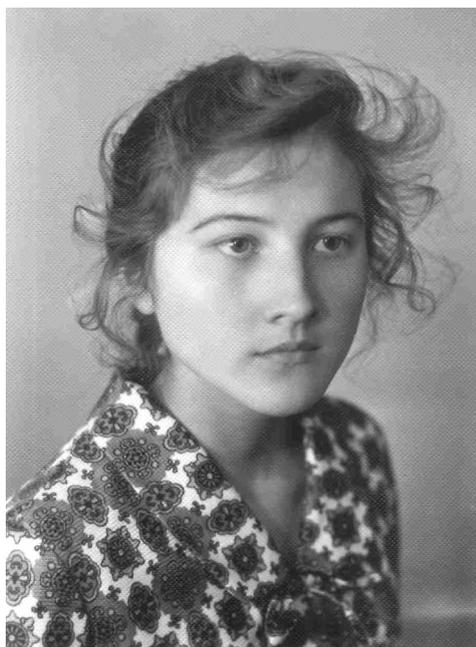

Кисловодск. В центре Неклюдов с женой, справа Абугалиев К.

С Раисой Абдулловной. Кисловодск, санаторий Эльбрус, 1978 г.

Дочь Галя

Супруга Раиса Абдулловна, ноябрь 1998г.

Дочери Алия и Галя

Раиса Абдулловна, Сочи, 1968 г.

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Пов. Рахимов

Куриат Рахимович

за достигнутые успехи в работе

НАГРАЖДАЕТСЯ ПОЧЕТНОЙ ГРАМОТОЙ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Министр внутренних дел СССР

Н. Щелоков.
(*Н. Щелоков*)

Приказ МВД СССР № 585/к от 2 июля 1971 г.

МТГ. Зак. 4076

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Тов. РАХИМОВ Курмат Рахимович

За активную работу по подбору, расстановке
и обучению кадров и проявленную при этом инициа-
тиву

НАГРАЖДАЕТСЯ ПОЧЕТНОЙ ГРАМОТОЙ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАЗАХСКОЙ ССР

Зам. *Министр* *Внутренних дел*
Казахской ССР

 А. Жданов

Приказ МВД КазССР № 153 от 13. III. 1973 г.

ГРАМОТА

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАЗАХСКОЙ ССР
НАГРАЖДАЕТ

тов. полковника в/сл. РАХИМОВА К.Р.

за активное участие в организации и проведении республиканских соревнований МВД Казахской ССР по борьбе самбо.

Зам.министра внутренних дел
Казахской ССР
генерал-майор милиции

А.Тумароеков

5 октября 1974г.
г.Усть-Каменогорск

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОЧЕТНАЯ ГРАММОТА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВЛКСМ

наградила

РАХИМОВА

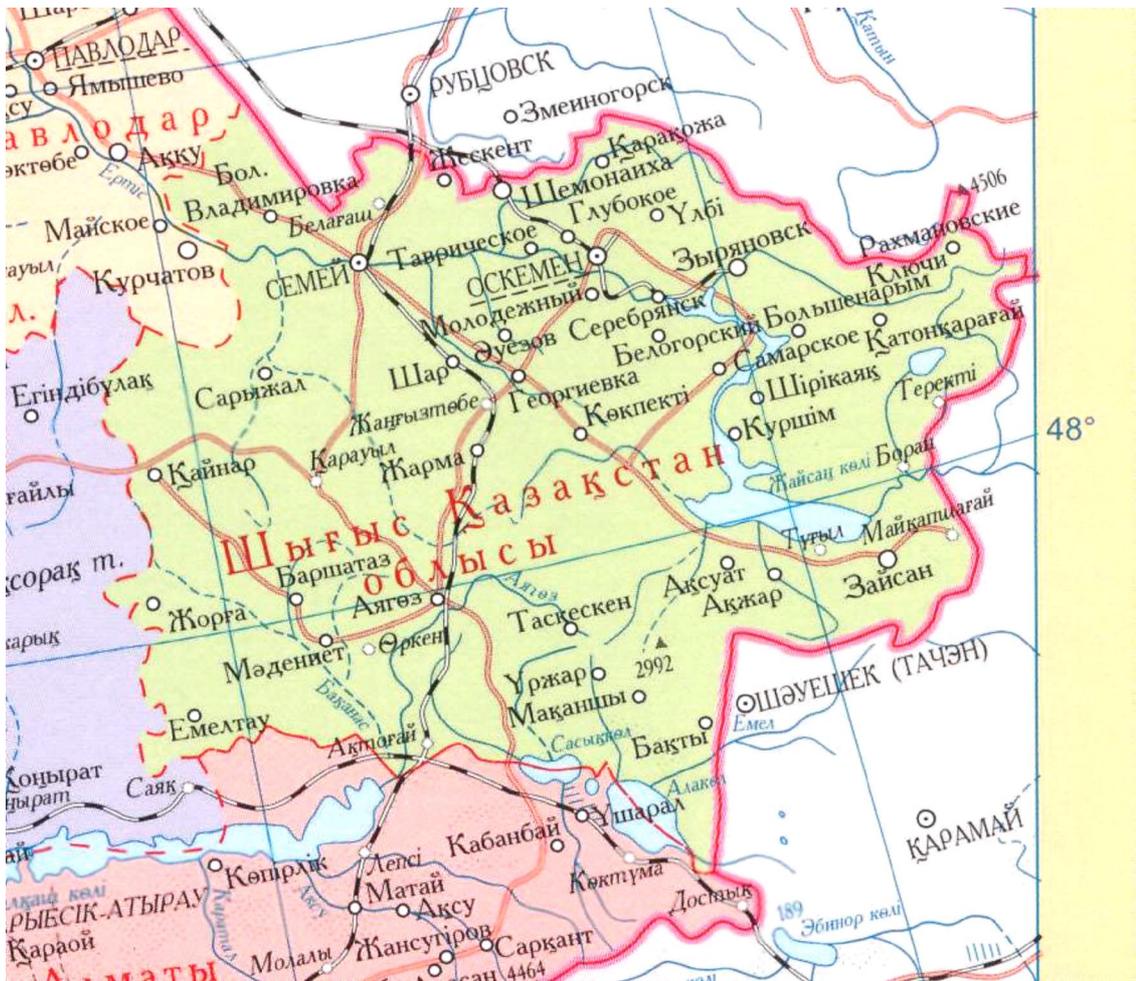
КУРМАТА РАХИМОВИЧА

за заслуги перед комсомолом
и в связи с 60-летием Всесоюзного
Ленинского Коммунистического
Союза Молодежи

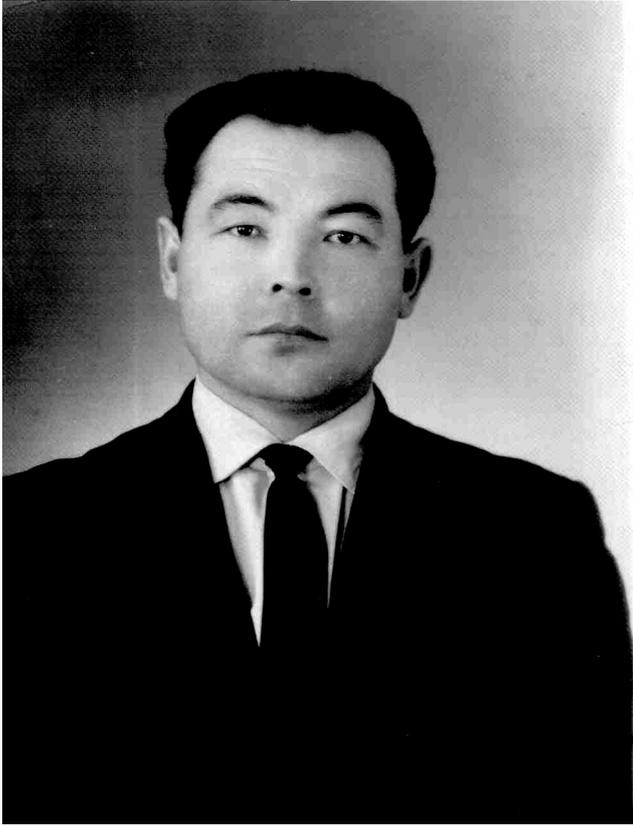

ЦК ВЛКСМ

Зак. 1759

Наш Восточный Казахстан

Второй секретарь Зыряновского райкома партии, 1965г.

Касенов Марат с женой Халилой.

На Советско-Китайской границе. Зайсанский погранотряд, 1951г.

Остров Симушир, на берегу бухты Броутона. Жены офицеров.

УЧАСТНИКИ ОБЛАСТНОГО СЕМИНАРА СЕКРЕТАРЕЙ РАЙКОМОВ
КП КАЗАХСТАНА. УСТЬ-КАМЕНОГОРСК, ИЮНЬ 1965 г.

Семинар работников ОБХСС УВД ВКО 1974 г.

Содержание

1	Вступление	8
2	Родился в Курчуме	10
3	На Советско-Иранской границе	19
4	Лепсинск, Зайсан, Покровка	27
5	На Курилы	41
6	Остров Симушир	51
7	Усть-Каменогорск, Акжар, Курчум, Зыряновск	75
8	Второй призыв	94
9	На курсах усовершенствования при Академии МВД СССР и последующие события	103
10	Трудно ли было работать.	114
11	Пора подвести некоторые итоги	131
12	Моя учеба в ВУЗах	139
13	О друзьях и товарищах, не упомянутых выше	141
14	В управлении хлебопродуктов	143
15	Судьба в моем понимании	150
16	Менің сүйікті заибыма	152
17	Снимки	156